

ДЖОН МЭН

АТТИЛА

ВАРВАР,
ВТОПТАВШИЙ РИМ В ГРЯЗЬ

ДЖОН МЭН

АТТИЛА

УДК 82-94
ББК 84(4Вел)
М 97

John Man
ATTILA
THE BARBARIAN KING WHO CHALLENGED ROME

Перевод с английского *Г. Сахацкого*

Оформление переплета *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Мэн Д.
М 97 Атила / Джон Мэн; [пер. с англ. Г. Сахацкого].
2007. — 320 с.: ил.

ISBN 5-699-19812-1

Имя предводителя гуннов Аттилы давно превратилось в нарицательное и стало символом дикого и бессмысленного варварства. Однако личность этого великого человека, его свершения и истинная роль для многих до сих пор остаются малоизвестными.

В начале V века н.э. легендарный владыка гуннов вершил судьбы Европы и во многом определил ее будущее — культурное, этническое и геополитическое. Аттила сокрушил могущество Западной Римской империи и создал державу, сопоставимую с ней размерами — его владения простирались от Рейна до Черного моря и от Балтийского моря до Балкан. В ходе многочисленных походов и трех крупных кампаний против римлян и византийцев он снискал репутацию упорного и безжалостного воителя.

Тем не менее Аттила отнюдь не был примитивным варваром. Он был своенравен, высокомерен и жесток, но в то же время умел завоевывать доверие миллионов людей и вести их за собой.

В этой увлекательной биографии Джон Мэн, знаменитый британский историк и публицист, следуя за Аттилой из глубин Центральной Азии в его захватнических нашествиях на Европу, раскрывает сущность этого человека, прячущуюся за плотной оболочкой мифов.

УДК 82-94
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-699-19812-1

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Я хочу поблагодарить Тодда Дела, Аризона; Борсо Беллу, Илона и Дори, Сар; Юлиа Дробышева из Института исследований Востока и Института проблем экологии и эволюции, Москва; Петру Энгелендер, Зеебург, Берлин; Гелегдори Эрегзена из Национального музея монгольской истории, Улан-Батор; Питера Хитера из колледжа Уорчестер, Оксфорд; Барри Гроувза, специалиста по стрельбе из лука; Кашаи Лайоша, Капошмеро, Капошвар; Курти Белу, Сегед; Церендори Одбатара из Национального музея монгольской истории, Улан-Батор; Сегеди Андреа за то, что она — прекрасный водитель и переводчик; доктора Петера Штадлера из Музея естественной истории; Грэхэма Тэйлора, Каракорумская экспедиция, Улан-Батор; Петера Томку из Музея Сантуша Яноша, Гьер; Карин Вильчке из Музея естественной истории, Вена; Дуга Янга, Саймона Торогуда и их коллег из Transworld; и, как всегда, Фелисити Брайан.

ВВЕДЕНИЕ: ЗВЕРЬ, ЗАГНАННЫЙ В УГОЛ

Чудовище, «бич божий», символ жестокого разрушения — вот и все, что известно о нем подавляющему большинству людей. Даже для тех, кто изучает период краха Римской империи, он не более чем хищник, самый беспощадный из множества варваров, терзавших плоть империи, которая корчилась в предсмертных конвульсиях.

Но Атила не просто варвар. Это человек гигантских амбиций и огромных талантов. Возглавив армию конных гуннов, сопровождаемую воинскими контингентами дюжины союзных племен и колоннами осадных машин, он стал Чингисханом Европы. Опираясь на свою базу, находившуюся на территории современной Венгрии, он создал империю, простиравшуюся от Балтийского моря до Балкан и от Рейна до Черного моря. Он глубоко вторгся в Римскую империю, угрожая самым ее основам. Гунны пересекли Балканы и дошли до Луары в сердце Римской Галлии, откуда оставалось три дневных конных перехода до побережья Атлантики, а на следую-

ший год купались в По на пути к Риму. Они не смогли взять ни Константинополь, ни Вечный город, но благодаря их блестящим победам имя Аттилы надолго пережило его самого и живет поныне.

В настоящей книге я предпринял попытку рассказать о возвышении Аттилы, кратком миге его славы и неожиданном конце, а также объяснить, почему он оставил столь заметный след в истории.

Воссоздание образа Аттилы во всей его полноте требует определенного времени, поскольку этот человек формировался и осуществлял свою деятельность в нескольких разных мирах, объединенных сложными взаимосвязями.

Первый из них — это мир, в котором он родился, — мир кочевников-скотоводов, доминировавших на степных просторах Азии на протяжении 2000 лет. Это были вооруженные луками всадники, способные точно поражать цель на полном скаку. Казалось, они составляли со своими лошадьми единое целое, и культуры, располагавшиеся за пределами центральной части Евразии, постоянно подвергались опасности внезапного нападения этих кентавров. Они явились предтечей грозных монголов, наводивших ужас на народы Азии и Европы спустя 800 лет.

Но к тому времени, когда о них узнали на Западе, гунны уже не были теми, кем были их предки. Постоянно перемещаясь на обширных пространствах, кочевники не имели возможности регулярно обеспечивать себя военным снаряжением, необходимым для расширения своих владений, создавать административную инфраструктуру и приобретать навыки управления покоренными народами. Так было в Китае и точно так же было на Западе: после завоевания кочевники должны были либо перейти к оседлой жизни, либо уйти восвояси.

То же самое произошло и с гуннами. Они прокати-

лись всесокрушающей волной по зеленым полям Азии и обрушились на другие миры — Рим, Константинополь и народы, обитавшие в то время в Европе. Как и многие другие группы кочевников до них, гунны оказались в противоречивой ситуации: они жили за счет оседлых земледельцев и в то же время кусали кормящую их руку.

Дилемма, возникшая перед Аттилой, проходит красной нитью через всю книгу. Он являлся вождем народа, оказавшегося на историческом перекрестке. Гунны вели отчасти кочевой, отчасти оседлый образ жизни и не могли вернуться туда, откуда пришли. Перед ними стоял выбор: либо стать партнерами или покорителями величайшей военной державы — Рима, либо погибнуть.

Аттила должен был найти место для гуннов в мире рушащейся Западной Римской империи. Не внеся коренные изменения в культуру своего народа, не научившись вести себя подобающим образом, не построив города и не став частью западного мира, он не смог бы гарантировать созданную им империю от угрозы войны и возможного поражения. Все это сделали его преемники — венгры спустя 500 лет. Им было легче, ибо к тому времени ситуация в Европе в значительной мере успокоилась, и тем не менее этот процесс занял у них целое столетие. Аттила не обладал свойствами, необходимыми для столь кардинальных изменений. В конце концов, он был в большей степени предводителем банды грабителей, нежели государственным деятелем.

Поэтому Аттила остался в памяти людей ужасным злодеем, сопоставимым в этом качестве только с Чингисханом. Для европейцев он является худшим из двоих, поскольку Чингисхан не достиг пределов Европы, хотя это и сделали его наследники — но и они не продвинулись вглубь континента так далеко, как он.

Да, Аттила был разрушителем, но не он один: многие национальные лидеры становились грабителями и убийцами. Они появляются и сегодня, и примерами тому служат Амин и Саддам Хусейн. Преступные устремления

таких лидеров постоянно угрожают сломать морально-нравственные барьеры нашей цивилизации, как это происходило в нацистской Германии, Руанде, на Балканах и в меньших масштабах во Вьетнаме и Северной Ирландии. Подобные преступные устремления прочно ассоциируются в нашем сознании с личностью Аттилы. Он представляется нам проявлением темной стороны человеческой сущности, сказочным великаном-людоедом или мистером Хайдом, готовым вырваться из глубин нашего подсознания и уничтожить все вокруг. Это предубеждение, сформированное христианскими авторами, которые описывали его вторжение в их мир, широко распространено и по сей день.

К счастью, в душах людей присутствуют и столь же сильные устремления противоположного характера — к миру, спокойствию и стабильности. Аттиле они тоже были не чужды, о чем свидетельствует тот факт, что он нанимал секретарей для составления писем на греческом и латыни и рассылал многочисленные посольства. У гуннов отсутствовали традиции дипломатии, но Аттила был не только воином, но и политиком.

Итак, свет знания рассеивает тьму предрассудков. Аттила вовсе не страшный призрак прошлого. Для современных венгров он настоящий герой. Всем им известно, что основателем их нации является Арпад, который привел мадьяр на венгерскую равнину из южнорусских степей в 896 году. Это событие подробно освещается в каждом школьном учебнике истории. Однако в глубине души венгры подозревают, что Арпад лишь вернул своему народу землю, которую за 450 лет до этого завоевал для него Аттила. Этот миф усиленно муссировался еще в средневековых венгерских хрониках. До недавнего времени венгерские историки традиционно изображали псевдобиблейское генеалогическое древо, согласно которому Аттила имел четыре поколения потомков и последний из них был отцом Арпада. Получается, что каждый потомок производил на свет наследника в возрасте

100 лет. Венгры считают, что Аттила был их соплеменником, и почитают его за это. Аттила (в венгерском языке ударение всегда падает на первый слог) — весьма распространенное мужское имя в Венгрии. Самым известным венгерским поэтом XX века является Аттила Йожеф (1905—1937), или Йожеф Аттила, так как у венгров имя следует за фамилией. Многие улицы и площади венгерских городов носят имя Аттилы или Йожефа Аттилы. Гостю из Западной Европы это наверняка покажется странным — все равно что называть сыновей, улицы и площади именем Гитлера. В данном случае действует принцип: это *наш* герой, и поэтому он велик, какие бы преступления ни совершил. Сегодня в Монголии весьма популярно имя Чингис, которое родители дают сыновьям в честь реабилитированного национального героя, на протяжении 70 лет правления коммунистов являвшегося персоной нон грата. В Венгрии, подвергшейся опустошительному нашествию монголов в 1241 году, это имя совсем не популярно.

Аттила нигде больше не пользовался таким уважением, как в Венгрии, тем не менее его фигура вполне заслуживает внимания. В работе над этой книгой я не имел возможности идти традиционным путем историка, ссылаясь на письменные источники, поскольку доступ к таким источникам чрезвычайно затруднен. Об эпохе Аттилы писали римский историк IV века Аммиан Марцеллин, живший на территории современной Сирии, и готский епископ Иордан, принявший христианство, написавший два исторических произведения о готах, краткую хронику мира, а Приск Паншийский, скорее чиновник, нежели историк, оставил единственное описание Аттилы в быту в своем историческом труде «Византийская история». После них этой теме уделили внимание лишь несколько христианских летописцев, которые были больше заинтересованы в отыскании путей небесных в отражении жизни людей, нежели в объективном описании событий. Сами гунны не знали письменности, поэтому все упоми-

нающие их источники принадлежат авторству сторонних наблюдателей. Никто из этих авторов не владел языком гуннов, мало кто непосредственно общался с ними, и почти все акцентировали внимание на негативных аспектах данной темы. Я мог лишь дополнить эти ненадежные первичные источники сведениями, полученными от археологов, историков, антропологов и одного известного спортсмена. Как бы то ни было, изучать личность Аттилы — все равно что пытаться рассмотреть старую выцветшую фотографию при тусклом свете.

Тем не менее игра стоит свеч, поскольку даже эти проблески истины способствуют разрушению мифов и клише. Аттила заслуженно остается символом жестокости, алчности и других черт, свойственных сегодняшним псевдо-Аттилам: хитрости, безжалостности, коварства. Иногда он мог быть обаятельным, но на него никогда нельзя было положиться. Он умел подчинять людей своей воле и достигать своих целей, но в конце концов стал творцом собственной гибели. Но в остальных отношениях Аттила был одним из самых уникальных исторических персонажей. Никогда прежде не подвергалась Европа столь сильному натиску со стороны кочевых племен. Никогда прежде не исходила такая угроза от одного-единственного вождя, к тому же вызывавшего неподдельное восхищение у своего народа и обладавшего даром превращать врагов в союзников. Никто не мог сравниться с ним вплоть до возвышения выдающегося стратега и строителя великой империи Чингисхана спустя 750 лет.

Однако его аппетиты сильно превосходили его возможности. Ему не удалось окончательно сокрушить Западную Римскую империю. Это сделало его неудачником в глазах историков, которые были склонны видеть в нем всего лишь крупномасштабного грабителя и воплощение варварства. Но существуют и другие методы оценки его исторического значения. Хотя гунны исчезли с лица земли, их исчезновение представляло собой социально-

политический взрыв, ускоривший начало процесса формирования национальных государств Европы, который продолжался несколько столетий. В неразберихе, последовавшей за крахом Западной Римской империи, зарождался новый мир, совершенно непохожий на те, что существовали до него. Рухнул гигантский колосс, всюду валялись его обломки, а люди искали причины произошедшего катаклизма и пытались понять, как жить дальше. Аттила, как нельзя лучше, пришелся к месту и ко времени, сыграв одновременно несколько ролей: движущей силы исторических перемен, покорившего значительную часть Европы воителя, разрушителя, бича божия для грешных христиан, а для некоторых еще и героя.

Часть I

УГРОЗА

1

ГРОЗА ПЕРЕД БУРЕЙ

Весной 376 г. до императора Валента в Константинополе дошли тревожные вести. Валент, правивший Римской империей совместно с родным братом, был осведомлен о беспокойной ситуации на границах, но до сих пор там не происходило ничего подобного. Далеко к северу, за Балканами, на болотистых берегах Дуная, скопились тысячи голодных беженцев, в страхе бросивших свои дома. Они не могли толком объяснить, что послужило причиной поспешного бегства. По словам историка Аммиана, «доселе неизвестная раса людей явилась из отдаленного уголка земли, разрушая все на своем пути подобно буре, обрушившейся с высоких гор».

Это была очень меткая метафора. Пришельцы — конные лучники — на полном скаку бросались в бой, окружали противника, осыпали его градом стрел и столь же стремительно отступали. Они были словно *пригвождены* к лошадям и *прикованы* к седлам — авторы старались подобрать как можно более подходящие образы, — составляя с животными единое целое. Казалось, ожили

кентавры из древних мифов. Эти люди пришли из бескрайних просторов внутренней Азии, гоня перед собой захваченных ими мирных жителей словно скот. «Неизвестной расе» потребовалось несколько лет, чтобы пройти под предводительством своего грозного вождя по степям южной России и Украины, поднимая с насиженных мест одно племя за другим. Представители последнего из них и собрались теперь на берегах Дуная. Нужно было что-то предпринимать.

Валента заботили не столько орды пришельцев, сколько толпы беженцев. Это были вестготы. Двести лет назад германское племя готов пришло в восточную Европу и на юг Руси и впоследствии разделилось на вестготов (западная ветвь) и остготов (восточная ветвь).

Валенту было под 50, он правил уже двенадцать лет, многое знал о гордых и независимых вестготах и имел все основания опасаться этих людей и их вождя Атанариха. После долгих странствий они обосновались на территории современной Румынии, превратившись из кочевников в земледельцев, из разнузданных мародеров в дисциплинированных воинов. Тридцатью годами ранее они вроде бы стали союзниками римлян и за деньги поставляли солдат в армии Рима и Константинополя. Но, несмотря на это, вестготы представляли опасность, и десять лет назад Валент пошел на них войной, чтобы выдворить их за пределы империи. Однако события развивались не по плану. Вестготов можно было разгромить в бою, но они имели досадную привычку скрываться в горах Трансильвании, а в качестве партизан победить их не представлялось возможным. Провоевав три года, Валент — кривоногий, пузатый, с потухшим взглядом — отчаянно нуждался в восстановлении своего сильно пошатнувшегося авторитета и решил заключить мир. Он пригласил Атанариха для переговоров. Однако тот заявил, что дал своему отцу клятву никогда не ступать на землю Римской империи, и Валенту пришлось беседовать с ним в лодке посреди Дуная, словно император и

вождь варваров были равней. Они согласились, что хороший забор способствует установлению хороших отношений между соседями, что Дунай является естественной границей и что ни одна из сторон не будет пересекать его.

Как все изменилось за семь лет! Теперь вестготы были готовы нарушить условия мирного договора, но уже не как воины, а как беженцы. Что делать? Проявить твердость и запретить им переправу через Дунай, злорадствуя по поводу их отчаянного положения? Сделать это было бы не так легко, поскольку от Атанариха в данный момент мало что зависело. Слухи о грозных пришельцах вызвали брожение среди вестготов, и вождь больше не имел на них былого влияния. Новый вождь, Фритигерн, умолял императора разрешить его народу переправиться через набухший от дождей Дунай, чтобы поселиться в гостеприимных, плодородных долинах Фракии.

Поскольку, в случае крайней нужды, они могли преодолеть Дунай и без разрешения, Валент решил воспользоваться сложившейся ситуацией к собственной выгоде. Фритигерну хватило ума не выдвигать ультиматумов и пообещать не только жить мирно, но и поставлять еще больше солдат в императорскую армию. Оба правителя знали о том, что подобный прецедент имел место в прошлом: однажды вестготам уже было позволено продвигнуться на 150 миль к югу от Дуная и поселиться в районе Адрианополя, сегодняшнего Эдирне, и они проявили себя примерными гражданами. Советники призывали Валента рассматривать своих бывших врагов не как беженцев, а как рекрутов в его армию. Император согласился при условии, что вестготы сдадут оружие. Его представители отправились на север, чтобы помочь беженцам с транспортом и питанием и выделить им участки земли для проживания в приграничных областях.

Летом 376 г. вестготы начали переправляться через Дунай на наскоро изготовленных лодках и плотах, перевозя на южный берег повозки и лошадей. Здесь река плавно

текла по равнине на протяжении 400 километров вплоть до поросшей камышом дельты. Трудность для беженцев представляла не скорость течения, а ширина разлившейся в результате дождей реки, составлявшая 2—3 километра. Многие из тех, кто пытался преодолеть реку вплавь, тонули, и их безжизненные тела медленно плыли вниз по течению.

Сколько всего было беженцев? Имперским чиновникам нужно было знать это, чтобы они могли рассчитать количество провизии и площадь отводимых земель. Аммиан цитирует Вергилия:

«Сосчитать их было столь же возможно,
Как сосчитать поднимаемые ветром песчинки
в Ливийской пустыне».

Может быть, чиновники не очень и старались. Это были не самые лучшие служители империи. По словам Аммиана, они придумывали всевозможные способы, чтобы нажиться на людской беде. Так, они продавали вестготам собак в качестве продукта питания в обмен на их соплеменников, чтобы затем продавать тех в рабство. Вряд ли это была хорошая основа для долгой дружбы.

Кроме того, Фракия отнюдь не была землей обетованной. Вестготов оставили там, где они переправились через реку. Южные берега Дуная являли собой сплошной лагерь, кишевший измученными, голодными людьми в лохмотьях вместо одежды. Вестготам казалось, что они попали с одной раскаленной сковородки на другую. Они начали роптать, говоря, что нужно силой захватить обещанные им земли. Один из чиновников по имени Лупицин вызвал дополнительные войска из Галлии, чтобы пресечь беспорядки.

Но время шло. На северные берега Дуная вышли соплеменники вестготов остготы, спасаясь от той же опасности. Они увидели, что река охраняется слабо, и переправились через нее, не дожидаясь разрешения. Получив в их лице подкрепление, Фритигерн повел своих людей

на юг, и они преодолели 100 километров, дойдя до провинциальной столицы Марцианополь (чьи наполовину раскопанные руины находятся неподалеку от города Девня, расположенного в 25 километрах к западу от болгарского черноморского курорта Варна). Там Лупицин пригласил предводителей вестготов на ужин, якобы для того, чтобы обсудить вопросы оказания помощи, в то время как их люди находились в кольце нескольких тысяч римских солдат. Подозревая, что их вождя заманили в ловушку, вестготы напали на римлян и завладели их оружием. Когда сидевший за столом Лупицин узнал об этом, он в отместку приказал убить нескольких человек из свиты Фритигерна и, по всей вероятности, хотел уничтожить всех своих гостей. Но это было бы равносильно самоубийству. Фритигерн заявил, что если Лупицин хочет восстановить мир, ему придется позволить предводителям вестготов вернуться к их народу невредимыми и свободными. Лупицин понял, что у него нет выбора, и отпустил Фритигерна, который тут же — согласно свидетельству Аммиана — «вскочил на коня и поскакал разжигать пламя войны».

Разъяренные вестготы принялись опустошать Нижнюю Мезию — современную северную Болгарию, убивая римлян и захватывая все больше оружия. Лупицин трусливо прятался в своей резиденции в разграбленном Марцианополе. Империя и раньше переживала подобные бедствия, — говорит Аммиан, — но это было до того, как дух высокой морали и самопожертвования был подорван склонностью к чревоугодию и чрезмерной алчностью.

Он мог бы еще добавить — и откровенной глупостью, — ибо Валент, испугавшийся, что одна группа готов объединится с другой, приказал давно жившим в Адрианополе вестготам-колониатам немедленно покинуть город. Адрианопись, стоявший на стратегических путях, ведущих к Константинополю, нельзя было подвергать риску.

Валент намеревался защитить его, но добился прямо противоположного. Когда колонисты попросили предоставить им два дня на сборы, местный военачальник ответил отказом и подговорил жителей-римлян забросать их камнями, чтобы они как можно быстрее ушли. Вестготы возмутились, убили нескольких римлян, вышли из города и соединились со своими соплеменниками.

Осенью 376 г. в военных действиях между двумя противоборствующими армиями возникла патовая ситуация. Готы нашли убежище в узких долинах Балканских гор, а римляне блокировали их, обосновавшись в опаленных солнцем степях Добруджи, области на территории современных Болгарии и Румынии, примыкающей к побережью Черного моря. Готы продолжали грабить, поскольку для бездомных беженцев это был единственный способ прокормить себя и свои семьи. Затем они прорвали заслон римлян и двинулись на юг, на территорию современной Турции. Аммиан рисует картину анархии, предшествовавшей ужасам, которые в скором времени захлестнут Балканы: «младенцы, убитые на груди матерей, изнасилованные женщины, уводимые в рабство мужчины, оплакивающие пепелища своих домов и сокрушающиеся по поводу того, что дожили до этого дня».

Хотя империя располагала войсками численностью около 500 000 человек, половина из них несла службу в пограничных гарнизонах, и только половина составляла мобильные полевые подразделения. Кроме того, многие солдаты являлись наемниками неримского происхождения, и любой приказ о передислокации привел бы к массовому дезертирству. Войска могли подойти лишь из Галлии. Ими командовал юный племянник Валента Грациан, который был его соправителем и императором западной части империи в течение последних двух лет. Хотя ему исполнилось всего восемнадцать лет, он уже завоевал репутацию способного военачальника. Однако известие о плане переброски войск из Галлии на Балканы просочилось за границы империи, что побудило герман-

цев организовать несколько вторжений на римскую территорию. В результате Грациан смог прийти на помощь своему дяде только в начале 378 г.

Если бы в тот момент вы спросили у римлянина или грека, что происходит, то наверняка услышали бы в ответ: столкнулись два мира — варварский и цивилизованный. На самом деле в то время в Западной, Центральной и Южной Европе существовало несколько миров: Рим, Галлия, Константинополь, варварские племена, воюющие друг с другом и с империей, и дикие, неизученные лесные трюцобы на северо-востоке.

Для римлян их государство было их миром, их гордостью, их жизнью. Они вели летоисчисление со дня основания Рима в 753 г. до н.э., и в описываемое время по их календарю шел 1130 г. АUC — *ad urbe condita* («от основания города»). Культурные корни Рима уходили в историю еще глубже, ибо он являлся духовным наследником цивилизации Древней Греции. В качестве оплота новой цивилизации Риму было уготовано судьбой править обширными землями, раскинувшимися вдоль берегов Средиземного моря, Нила и Рейна, а также долинами Альп, Галлией вплоть до Северного моря, Британией до вала Адриана, сооруженного на линии, до которой этот император дошел в 127 г. в ходе кампании против варваров-горцев, не говоря уже о множестве более мелких островов. В III веке н.э. римляне перешли Дунай и ненадолго задержались на территории современной Румынии. Тогда им казалось, что граница в Восточной Европе должна проходить по Карпатам.

Но их экспансия ограничивалась пределами, определяемыми другими народами и географией.

На северо-востоке путь им преграждал непроходимый лес. Лес. Чтобы испытать священный трепет, вызывавшийся некогда этим словом, нужно перенестись в ту эпоху, когда значительная часть Европы к востоку от Рей-

на была покрыта почти девственной растительностью. Для человека, привыкшего к жизни на открытых пространствах, лес представлялся средоточием опасности и обиталищем злых духов. Римляне с неприкрытым опасением относились к зарослям тмина в Этрурии, а уж леса к северу от Альп казались им воплощением варварства.

В 98 г. Тацит описал в своем труде «Germania» («Германия») ландшафт земель за Рейном. Он дал ему определение *informis* — бесформенный, ужасный, зловещий. Область между Рейном и Эльбой называлась Херцинианским лесом. (Это название происходит от древнегреческого обозначения леса в Богемии, современной Чехии.) Плиний утверждал, что его огромные дубы не знали топора от сотворения мира. Говорили, что требовалось 9 дней, чтобы пересечь его с севера на юг, и 60 дней для перехода в 500 километров от его восточной оконечности до западной.

По словам Юлия Цезаря, «каждый в Германии мог сказать, что он слышал, где кончается этот лес». Здесь водились невиданные в других местах звери, некоторые из них весьма опасные: лось с ветвистыми рогами, бурый медведь, волк и зубр — европейский бизон. В древнегреческих легендах упоминаются рощи Аркадии, из чего можно заключить, что когда-то и Греция была покрыта лесами, хотя вряд ли они были столь же густыми и непроходимыми.

Для римлян обитатели этих диких мест и сами были дикарями. Их мужчины вели свое происхождение от древнего божества Туисто, которое поднялось из земли словно дерево. Они носили плащи, закалываемые шипами растений, и питались дичью, фруктами и молочными продуктами. На всем этом огромном пространстве не было ни единого города. Связанные тропами селения состояли из убогих деревянных лачуг. Однако не все было так плохо. Тацит указывал на то, что на фоне суровой простоты жизни обитателей леса особенно бросалось в глаза разложение римского общества. И все же цивили-

зованным людям следовало держаться подальше от леса. Те, кто отваживался проникать в его глубины, подвергался большому риску. В 9 г. н.э. Публий Квинтилий Вар привел армию численностью 25 000 человек в Тевтобургский лес, находившийся в Северной Германии, где-то между Рейном и Везером, где они попали в засаду и были убиты вооруженными копьями херусками, неожиданно появившимися среди болот и деревьев. Увидев эту картину, Вар в отчаянии кинулся на собственный меч.

Конечно, за 300 лет многое изменилось. Сформировавшийся во времена Тацита образ свирепого светловолосого гиганта, хлещущего пиво, стал более многогранным, вобрав в себя черты, присущие саксам, франкам и алеманам, из которых впоследствии сложились европейские нации. В лесу уже образовались обширные вырубки, просеки, на которых появлялись все новые поселения и начали возделываться поля, но, в отличие от наших дней, он все еще представлял собой единый организм. Это был первобытный, волшебный, могущественный мир, источник жизни и смерти, обитель дичи и хищников, где на каждом дереве обитали духи. Этот мир нашел отражение в сказках братьев Гримм, а позже в книге Толкина «*Lord of the Rings*» («Властелин колец»).

Если лес служил пределом расширения империи, отступление из-за Дуная знаменовало собой начало ее заката. В конце IV века н.э. римляне уже не помышляли о возврате Дакии и завоевании германских лесов. В скором времени будет оставлена Британия, и вал Адриана станет всего лишь памятником былому величию Рима.

Когда-то всем заправляли император и сенат. Теперь же реальная власть перешла к армии, а император лишь номинально руководил очередной военной кампанией из резиденции в Трире, Милане или Равенне.

Положение усугублялось разделением империи. В 330 г. император Константин основал «Новый Рим», которому было суждено стать центром новой религии — христианства и символом нового единства христианского мира.

С этого момента западная часть империи, говорившая на латыни, начала разобщаться с ее восточной частью, говорившей на греческом (правда, зачастую двуязычной). Чем более приходил в упадок Рим, тем более возвышался Константинополь.

Константин сделал удачный выбор, приняв решение превратить древний городок Византий, располагавшийся на скалистом полуострове в Черном море, в новый вариант Рима. Разумеется, много говорилось о том, что им руководил господь, хотя не нужно было быть семи пядей во лбу для того, чтобы увидеть, что этот полуостров представляет собой гораздо лучшую, чем Рим, базу для обеспечения безопасности неприкрытых восточных границ. Константин огородил стеной длиной 2 километра территорию, превышавшую площадь Византия в пять раз, и возвел в своей новой столице триумфальную арку, заложил первый христианский храм и выложенный мраморной плиткой Форум, на котором стояла 30-метровая порфировая колонна из Египта, увенчанная бюстом самого императора Константина. Ипподром для процессий и скачек был соединен спиральной лестницей с залами для приемов, уединенными кабинетами, жилыми помещениями и казармами императорского дворца. В течение столетия здесь появились школа, цирк, 2 театра, 8 общественных и 153 частных бань, 52 портика, 5 зернохранилищ, 8 акведуков и резервуаров, 4 сенаторских зала и 2 зала судебных заседаний, 14 церквей, 14 дворцов и 4388 особняков, не считая домов простых граждан. К тому времени город был почти полностью окружен стеной, в том числе и со стороны моря, за исключением участка вдоль залива Золотой Рог, который был защищен огромной цепью (она была разрезана в 1204 году участниками Четвертого крестового похода, которые загрузили корабль камнями, укрепили на его носу гигантские ножницы и направили его на цепь).

Красота столицы Константина и быстрота, с которой она была воздвигнута, поражали воображение совре-

менников. Однако в течение одного поколения предназначавшаяся ей роль сменилась на противоположную: не объединение, а разделение, инициированное императором Валентинианом. Это была выдающаяся личность — чемпион по борьбе, великий воин, энергичный и добросовестный правитель. Он решил, что для империи будет лучше, если ее разделить на две части, каждая из которых могла бы сама заботиться о своей защите. В 364 г. он сделал своего брата Валента первым императором Востока, а сам сохранил контроль на Западе. Две части, хотя номинально и объединенные историей и семейными узами, начали отдаляться друг от друга: две столицы, два мира, два языка, две веры (и взаимные обвинения в ереси).

Это отнюдь не способствовало созданию прочной основы для борьбы с внешними и внутренними врагами. К востоку от империи находилось сильное персидское царство, в Африке представляли реальную угрозу мавританские мятежники, а на севере и северо-востоке лежали земли, населенные варварами, не говорившими ни на латыни, ни на греческом. В условиях постоянных варварских вторжений из-за Рейна и Дуная Рим (в это понятие иногда включался Константинополь, а иногда нет, в зависимости от контекста) старался защитить себя, прибегая к разным способам — от применения силы до переговоров, подкупа, междинастических браков, торговли и, наконец, контролируемой иммиграции. Последняя была единственным средством предотвращения нападения, но это неизбежно вело к дальнейшему ухудшению ситуации. Варвары считались искусными воинами. Имело смысл нанимать их на службу, но последствия этого были непредсказуемы для обеих сторон. Враги становились союзниками, и зачастую им потом приходилось воевать со своими соплеменниками. Армия усиливалась за счет притока варваров, но одновременно с этим росли налоги, так как требовались деньги для оплаты их услуг. Доверие к правительству неуклонно снижалось, процве-

тала коррупция. К концу IV в. границы империи напоминали ослабленную иммунную систему, через которую внутрь стареющего организма проникали варвары — либо путем прямого вторжения, либо в результате заключения временных союзов. Легионы, словно тромбоциты, бросались затягивать очередную рану, и их всегда оказывалось недостаточно.

Не все враги империи находились на ее границах или за их пределами. После того, как Константин в начале века решил сделать христианство государственной религией, его новая столица стала очагом размежевания по гораздо более серьезному поводу, нежели обычные политические дразги относительно имперского наследия. Христиане боролись против язычников, которые демонстрировали удивительную жизнестойкость. Кроме того, христиане бились друг с другом, ибо церковная доктрина еще находилась в стадии формирования, и приверженцы разных ветвей ожесточенно спорили о природе триединого бога, который, с одной стороны, был един в трех лицах, а с другой, воплощал в себе одновременно божественное и человеческое начала. Никто не мог разобраться в этом хитросплетении, но это не мешало оппонентам делать категорические заявления и обвинять друг друга в ереси.

Самая стойкая ересь получила название по имени священника Ария из Александрии, который утверждал, что Иисус был только человеком, сыном бога, и, следовательно, стоял ниже своего отца. Эта идея привлекала восточных императоров, в частности Валента — возможно, потому, что она не привлекала западных императоров. Именно в форме арианства приняли христианство готы.

Такова была эта огромная, величественная и неизлечимо больная империя, которую Валент в очередной раз готовился защищать, отправляясь из Константинополя на север ранним летом 378 г., чтобы соединиться со своим соправителем и соперником, своим амбициозным племянником Грацианом.

Самолюбие Валента было уязвлено. Ему пришлось обратиться за помощью к Грациану, но он завидовал успехам племянника и жаждал собственных побед. Когда он двинулся из Адрианополя на север в июле, разведчики донесли, что готы приближаются, но их всего 10 000, тогда как у него было 15 000 солдат. За Адрианополем, недалеко от слияния рек Марица и Тунджа, он разбил лагерь, вокруг которого в течение нескольких дней вырос частокол и пролег ров. Тем временем к нему прибыл с верхнего Дуная гонец с письмом от Грациана, который призывал дядю не предпринимать поспешных действий, пока не придет подкрепление. Валент созвал военный совет. Некоторые соглашались с Грацианом, другие заявляли, что Грациан просто хочет разделить славу победы, которая должна принадлежать одному Валенту. Последнему только того и было надо. Приготовления продолжались.

Фритигерн, вставший лагерем в 13 километрах вверх по течению Тунджи, тоже не торопился вступить в бой. Его окружали не только воины, но и их семьи — всего около 30 000 человек — с громоздкими повозками, нагруженными скарбом. Он нуждался в помощи и поэтому отправил гонца к остготам с просьбой прислать тяжелую кавалерию. Чтобы выиграть время, Фритигерн посылал людей поджигать высушенные солнцем пшеничные поля, отделявшие его лагерь от римского. Кроме того, он отправил к Валенту посла с письмом, дабы продемонстрировать ему: да, к услугам «варварских» вождей имеются секретари, свободно владеющие латынью. Эту миссию выполнил христианский священник, который, по всей вероятности, помогал вестготам в надежде обратить их в свою веру. В письме содержалось предложение восстановить статус-кво — заключить мир в обмен на землю и защиту от бури, надвигавшейся с востока.

У Валента это письмо не вызвало интереса. Ему была нужна только победа. Он отказался отвечать на письмо и

отослал священника восвояси, заявив, что тот слишком мелок, чтобы воспринимать его всерьез.

На следующее утро, 9 августа, римляне были готовы. Все имущество, не имевшее непосредственного отношения к боевым действиям, — шатры, сундуки с драгоценностями, императорские одежды — было отправлено обратно в Адрианополь в целях безопасности. Кавалерия и пехота двинулись в сторону лагеря вестготов. Это был короткий переход, всего 13 километров, но идти по выжженным полям под палящими лучами солнца без единого источника воды было чрезвычайно тяжело.

Спустя два часа римляне приблизились к вражескому лагерю, из которого доносились воинственные крики и песни, славившие предков готов. Из-за трудности перехода пехота отстала от кавалерии. Постепенно они вытянулись в линию и принялись бряцать оружием, ударяя им о щиты, чтобы заглушить голоса варваров.

Для Фритигерна, все еще ожидавшего помощи, эти звуки не предвещали ничего хорошего. Он опять попытался выиграть время, отправив к римлянам посла с предложением мира, и опять Валент не принял посла под предлогом его слишком низкого положения. Остготская кавалерия все никак не подходила. Фритигерн предложил Валенту направить для переговоров кого-нибудь из его высокопоставленных придворных, и тогда он сам принял бы в них участие. На этот раз Валент согласился. Знатный римлянин уже был в пути, когда группа римских конников, по всей вероятности, жаждавших славы, предприняла быструю атаку на фланг вестготов. Римский дипломат спешно повернул назад — как раз вовремя, ибо в этот момент наконец-то появилась остготская кавалерия. Римские конники бросились навстречу этой новой угрозе.

Фритигерн дождался своего часа. Его пехотинцы выскочили из повозок и обрушили на противника град стрел и копий, после чего две массы людей схлестнулись друг с

другом. Раздался треск ломающихся мечей и копий. Натиск с обеих сторон был настолько силен, что воинам стоило огромного труда поднять руку с оружием, а затем опустить ее. Над полем боя поднялось облако пыли. Все стрелы и копья вестготов, находившихся в стороне от схватки, достигали цели, несмотря на то, что им ничего не было видно.

Затем настала очередь остготской тяжелой кавалерии, которая не встретила никакого противодействия со стороны кавалерии римской. Остготы топтали лошадами раненых и разрубали боевыми топорами шлемы и нагрудные пластины ослабленных жарой пехотинцев, падавших на пропитанную кровью землю. Не прошло и часа, как оставшиеся в живых римляне начали отходить назад, спотыкаясь о тела. «Одни умирали, так и не поняв, кто нанес им удар, — пишет Аммиан, — другие падали, смятые толпой, третьих убивали собственные товарищи».

К вечеру шум битвы постепенно стих. 10 000 римлян — две трети армии — лежали мертвыми вперемежку с трупами лошадей. Темные поля огласились криками, стонами и рыданиями раненых, потянувшихся вслед за уцелевшими товарищами назад, в сторону Адрианополя.

Никто не знает, что случилось с Валентом. В ходе битвы телохранители оставили его, и он был вынужден самостоятельно пробиваться к наиболее опытным дисциплинированным легионам своей армии, державшимся до последней возможности. Кто-то утверждал, будто император пал, пораженный стрелой, вскоре после заката. Другие говорили, что он нашел убежище в деревенской хижине, которая была окружена готами и сожжена дотла. Якобы из спрятавшихся в ней римлян удалось спасти только одному, выпрыгнувшему в окно, который и рассказал о случившемся. Эта история дошла до Аммиана. Однако никаких свидетельств, подтверждающих ее, не было, поскольку останки императора так и не нашлись.

От дезертиров и пленных вестготы узнали о спрятан-

ных в Адрианополе сокровищах. На рассвете они двинулись к городу, наступая на пятки пытающимся найти спасение выжившим римлянам. Те, кто достиг Адрианополя раньше, отказались открыть ворота своим товарищам, опасаясь, что враг может ворваться в город на их плечах. К полудню вестготы окружили городские стены. В отчаянии около 300 римлян сдались, и их тут же убили на месте.

К счастью для города, разразившаяся гроза вынудила вестготов укрыться в их повозках, что дало защитникам время подготовиться к осаде. Когда на следующий день вестготы предприняли штурм, сотни из них погибли, сраженные камнями и пронзенные стрелами толщиной с копье.

Отказавшись от затеи взять Адрианополь, они направились к Константинополю, до которого было 200 километров, опустошая и грабя все на своем пути. При виде могучих стен столицы империи пылу у них значительно поубавилось. Затем произошло нечто ужасное. Из ворот города неожиданно вырвался отряд сарацин, и один из этих ужасных воителей, на котором была лишь набедренная повязка, бросился на ближайшего вестгота, перерезал ему мечом горло, схватил безжизненное тело и принялся пить брызжущую фонтаном кровь. Вестготы в страхе отступили от городских стен.

Довольно вялая война продолжалась еще четыре года и завершилась мирным договором, который давал вестготам все то, что было обещано им в самом начале: земли к югу от Дуная и автономию при условии предоставления солдат в римскую армию под начальством их вождей. Положения этого договора соблюдались недолго, ибо вестготы были чрезвычайно динамичным племенем, величайшим из варварских племен, уничтоживших в конечном итоге Западную Римскую империю. Некоторые из тех, кто штурмовал Адрианополь, вполне могли дожить до других весьма знаменательных событий: про-

движение в глубь Западной Римской империи, захват Рима в 410 г., бросок через Пиренеи и возвращение на юго-запад Франции, где этот беспокойный народ наконец обрел покой.

Все это — поток беженцев, мятеж, катастрофа под Адрианополем, наступление на Константинополь, мирный договор, проникновение варваров в глубь империи — было вызвано появлением на востоке «неизвестной расы». До сих пор ни в империи, ни в прилегающих к ее границам варварских областях никто ничего не знал об этом племени.

Хотя кто-то, может быть, и знал. По словам Аммиана, среди кавалерии остготов, пришедшей на помощь Фритигерну, был отряд легковооруженных конных лучников, насчитывавший не более нескольких сотен человек и выполнявший вспомогательные функции. Именно прибытие этого отряда годом ранее вынудило римлян пропустить вестготов во Фракию. Если они и принимали участие в битве под Адрианополем, вряд ли кто-нибудь обратил особое внимание на нескольких необычных людей, необычно одетых и вооруженных, но их видели впоследствии во время грабежей. Затем они исчезли, унеся с собой важные сведения. Они видели богатства Запада, видели империю в ее худшие дни со времен поражения от Ганнибала при Каннах 600 лет назад. Они даже могли догадаться, что в будущем римляне будут в большей степени полагаться на тяжелую кавалерию, которая не соответствует их стратегии ведения войны. Они видели, какие проблемы испытывает империя: трудности защиты границ, неспособность собирать большие армии и осуществлять их быструю передислокацию для подавления мятежей и отражения агрессии извне, высокомерие «цивилизованных людей» в отношении «варваров». В то время, как Балканы погрузились в пучину хаоса, эти быстрые всадники мчались назад, на северо-восток, увозя с

собой ценные вещи и бесценную информацию: *империя богата и уязвима.*

Эти легковооруженные, быстро передвигавшиеся конники были первыми гуннами, достигшими центральной Европы. Это их соплеменники подняли бурю, которая вышвырнула вестготов за Дунай. Очень скоро они тоже переправятся через эту реку, и последствия их вторжения для разлагающейся империи затмят по своим масштабам последствия вторжения вестготов.

2

ИЗ ГЛУБИН АЗИИ

Никто не знал, откуда пришел народ Аттилы. Говорили, будто некогда он обитал где-то за пределами известного мира, к востоку от Меотийских болот — мелкого и илистого Азовского моря, находящегося за Керченским проливом, который отделяет это внутреннее море от породившего его Черного моря. Когда и почему он появился там? Когда и почему двинулся на запад? Ответы на эти вопросы овеяны легендами.

Когда-то готы и гунны были соседями, и их разделял Керченский пролив. Готы жили к западу от пролива, в Крыму, а гунны по другую его сторону, на равнинах к северу от Кавказских гор, и два народа не подозревали о существовании друг друга. В один прекрасный день гуннская телка, укушенная слепнем, бросилась через топи неглубоких вод пролива. Пастух последовал за ней, обнаружил неизвестные прежде земли, вернулся и рассказал о своем открытии соплеменникам, и те тут же выступили в завоевательный поход на запад. Эта история отнюдь не проливает свет на истину, ибо животные фигурируют во

многих мифах о происхождении различных народов. Подозрительно похожее сказание повествует об Ио, жрице, превращенной в телку ее возлюбленным Зевсом. Точно так же укушенная слепнем, она примчалась из просторов Внутренней Азии, преодолела тот же самый пролив, переплыла Черное море, затем Эгейское, где находятся Ионические острова, получившие название в ее честь, и наконец оказалась в Египте, откуда Зевс в виде быка похитил ее дочь Европу, чтобы та основала цивилизацию на континенте, названном ее именем. Подобные сказки вряд ли способны удовлетворить кого бы то ни было. В попытках заполнить этот исторический пробел западные авторы предлагали десятки столь же фантастических гипотез. Гунны были посланы богом в качестве кары. Они воевали на стороне Ахилла в Троянской войне. Наиболее популярная версия: это были азиатские племена, называемые древними авторами «скифами», поскольку данное название использовалось для обозначения любого варварского племени. Фактом является то, что никто ничего не знает о происхождении гуннов и в то же самое время никто не желает признавать это. Для авторов было важно продемонстрировать знакомство с классиками, так как каждый образованный человек знал, что именно знание литературы отличает цивилизованность от варварства. Упоминая скифов или массагетов, вы, будучи римлянином, тем самым свидетельствуете о своем знакомстве с Геродотом, пусть и ничего не знаете о гуннах.

Народы, ставшие жертвой экспансии гуннов, знали о них не больше римлян. По сведениям готского историка Иордана, готский король выявил нескольких ведьм, которых изгнал в глубь Азии, где они спарились со злыми духами и произвели на свет «низкорослых, отвратительных, тщедушных существ, мало напоминавших людей и говоривших на языке, мало напоминавшем человеческий». Однажды они, преследуя олениху (в этой версии телка, слепень и пастух отсутствуют), переправились че-

рез Керченский пролив, в результате чего встретились с готами.

Академики не любят подобные исторические пробы, и живший в эпоху Просвещения французский синолог Жозеф де Гинь попытался заполнить его. Де Гинь, как его называют в большинстве каталогов, или Дегинь, как он называет себя сам, — это имя, обычно встречающееся в академических примечаниях и сносках. Однако этот ученый заслуживает большего. Его теория происхождения гуннов вызывает горячие дискуссии по сей день.

Де Гинь родился в 1721 году, и ему не исполнилось еще и тридцати, когда он получил должность «переводчика» с восточных языков в Королевской библиотеке в Париже. Особенно силен он был в китайском. Де Гинь тут же приступил к созданию монументального научного труда, который сделал ему имя. Слухи о блестящем молодом эрудите распространились за Ла-Манш. В 1751 году, в возрасте 29 лет, он был избран членом Британского Королевского общества, став одним из его самых молодых и одним из немногих приглашенных в него иностранцев. Этой честью Де Гинь был обязан черновым записям, которые, согласно цитате, «демонстрируют все, что только можно ожидать от столь значительной книги, которую он уже подготовил к печати». Однако прошло еще пять лет, прежде чем он смог отдать свой труд в печать, и еще два, прежде чем этот труд увидел свет. Его «Общая история гуннов, турок и монголов» была опубликована в пяти томах между 1756 и 1758 годами. Джентльмены из Королевского общества простили ему это промедление, ибо де Гинь, казалось, являл собой образец ученого эпохи Просвещения. Он должен был бы стать одним из крупных деятелей процесса обмена знаниями и критикой между Британией и континентом, подготовившим почву для перевода «Энциклопедии, или Всеобщего словаря» Эфраима Чемберса в 1740-е годы и создания на ее основе под редакцией Дени Дидро «Энциклопедии», первый том которой был опубликован в год избрания де Гиня в Королевское общество. Да, деятель-

ность де Гиня никогда не выходила за пределы его библиотеки, и своей способностью к критическому мышлению он не мог сравниться с его выдающимися современниками. Его сверхзадача состояла в том, чтобы доказать, что все восточные народы — китайцы, турки, монголы, гунны — являются потомками Ноя, отправившегося после Великого потопа на Восток. Эта навязчивая идея стала темой его следующей книги, вызвавшей резкую отповедь со стороны скептиков, на что де Гинь никак не отреагировал. Он оставался невосприимчивым к критике на протяжении почти 50 последующих лет, вплоть до своей смерти. Эта его книга никогда не переводилась на английский язык.

Но один из аспектов теории де Гиня пустил корни и расцвел пышным цветом. По его мнению, гунны Аттилы вели свое происхождение от племени, называвшегося «хунну» и, по всей вероятности, принадлежавшего не к китайскому, а к тюркскому этническому массиву. В 209 г. до н.э. этот народ основал кочевую империю, базировавшуюся на территории современной Монголии (задолго до выхода на историческую сцену монголов). Он не подкрепил свою гипотезу каким-либо фактическим материалом, просто утверждая, что «хунну» и являлись гуннами. Одним ничем не обоснованным предположением он расширил пределы своей темы на несколько столетий и несколько тысяч километров.

Его теория весьма привлекательна, поскольку в XVIII веке об этом народе было известно хотя бы что-то, а с тех пор знаний о нем значительно прибавилось. Во всяком случае, имеет смысл более пристально взглянуть на хунну, дабы понять, чего не хватало гуннам и что побудило их двинуться на Запад.

Хунну были первым племенем, создавшим империю за пределами китайской границы во Внутренней Азии, и они же первыми, в значительной мере, приобщились к образу жизни, сравнительно новому для той эпохи. На

протяжении 90 000 из 100 000 лет своей истории люди были охотниками и собирателями. Они организовывали свою деятельность в зависимости от сезонных изменений в природной среде, следуя за мигрирующими животными и отыскивая места произрастания съедобных плодов растений. Затем, около 10 000 лет назад, когда завершился последний ледниковый период, общественная жизнь начала относительно быстро меняться, в результате чего сформировались две новые системы. Одной из них являлось сельское хозяйство, ставшее основой для возникновения атрибутов современной жизни, таких как рост населения, материальное благополучие, досуг, города, искусство, литература, промышленность, крупномасштабные войны — всего того, что в статичных урбанистических обществах ассоциируется с цивилизацией. Но сельское хозяйство предполагает наличие домашних животных, благодаря которым скотоводы смогли выработать совершенно иной образ жизни, называемый кочевым. Новый мир открывал перед кочевниками широкие возможности — море травы, простиравшееся по равнинам Евразии на 6 000 километров, от Маньчжурии до Венгрии. Кочевникам нужно было научиться как можно более эффективно эксплуатировать пастбища, перегонять верблюдов, избегать более влажных зон, отыскивать подходящие почвы для лошадей, обеспечивать доступ к высокой траве вначале крупному рогатому скоту и лошадям и только потом овцам и козам, которые выщипывают ее корни.

Главным источником благосостояния в степи являлась лошадь, которую кочевники приручали и разводили в течение 1000 лет, превращая ее в сильное, выносливое и послушное животное, незаменимое при перевозке грузов, выпасе скота, на охоте и войне. Теперь пастухи могли свободно разъезжать по степи, используя лошадей для ухода за другими домашними животными — овцами, козами, верблюдами, коровами, яками. Они получали от них мясо, волос, кожу, навоз для отопления, войлок для

одежды и шатров, а также 150 различных видов молочных продуктов, включая основной напиток кочевников, кумыс — слегка перебродившее кобылье молоко. Теоретически на этой основе кочевники могли вести изолированное, автономное существование сколь угодно долгое время, не странствуя по степи без всякой системы наугад, как иногда полагают некоторые, а эксплуатируя одни и те же пастбища сезон за сезоном.

Они были также и воинами, обладавшими грозным оружием. Составной изогнутый лук, широко распространенный по всей Евразии, сыграл в истории человечества такую же роль, как римский меч и пулемет. Для его изготовления обитатели степей имели все необходимые материалы — рог, древесину, жилы, клей (хотя иногда они делали луки исключительно из рога), — и со временем они научились достигать оптимальных результатов, сочетая эти компоненты в определенных пропорциях. Мастер надевал на деревянную основу рог, имеющий высокую прочность при сжатии, и обрабатывал внутреннюю сторону лука. В качестве тетивы использовались жилы, имеющие высокую прочность при растяжении. Эти три компонента соединялись с помощью клея, вывариваемого из рыбьих костей. Столь схематичный рецепт ни в малейшей мере не отражает навыки, необходимые для изготовления хорошего лука. Для того чтобы научиться правильно подбирать материалы и определять ширину, длину и толщину элементов, нужную температуру, время выдержки и множество других параметров, требовались годы. Когда приобретенный опыт надлежащим образом сочетался с хорошими навыками и терпением, изготовление высококачественного составного лука занимало не меньше года.

Это оружие таило в себе огромную энергию и отличалось поразительной эффективностью. Самый ранний из известных монгольских письменных источников, датируемый 1225 годом, сообщает о том, что племянник Чингисхана поражал цель с дистанции 500 метров. Даль-

ность стрельбы современных составных луков составляет почти три четверти мили. Разумеется, на таком расстоянии стрела теряет значительную часть своей убойной силы. На близком расстоянии, скажем, 50—100 метров, стрела с наконечником нужного типа, выпущенная из «тяжелого» лука, по убойной силе превосходит многие виды огнестрельного оружия, пробивая деревянную доску толщиной полдюйма и бронежилет из железа.

Изготовление наконечников стрел осуществлялось по специальной технологии. Кость хорошо служила охотничьим целям, но для войны требовались металлические наконечники — из бронзы или железа — с двумя или тремя пластинами, вставлявшимися в пазы. Метод массового производства бронзовых наконечников с пазами был, по всей вероятности, изобретен в степи около 1000 г. до н.э. Он позволял всаднику возить с собой десятки стрел стандартных размеров с набором металлических наконечников. Кочевники имели в своей среде металлургов, умевших выплавлять железо из каменной породы, и кузнецов, способных ковать его. Эти специалисты трудились на стационарных базах, и во время миграций им требовались повозки для транспортировки оборудования.

Таким образом, к концу I тысячелетия до н.э. кочевая жизнь трансформировалась в довольно сложную систему. Некоторые кочевники превратились в ремесленников, — оружейников, плотников, ткачей, металлургов, кузнецов — большинство из которых, включая женщин, были еще и воинами. В отличие от статичных сельскохозяйственных сообществ, возникших к югу и востоку от великих пустынь Центральной Азии, эти народы отличались высокой мобильностью. Из их среды выделились вожди нового типа, способные контролировать перемещение стад домашних животных и доступ к лучшим пастбищам и благодаря этому правильно распределять ресурсы. По мере процветания экономики степи эти вожди объединялись в межплеменные союзы, из которых около 300 г. до н.э. образовались несколько империй.

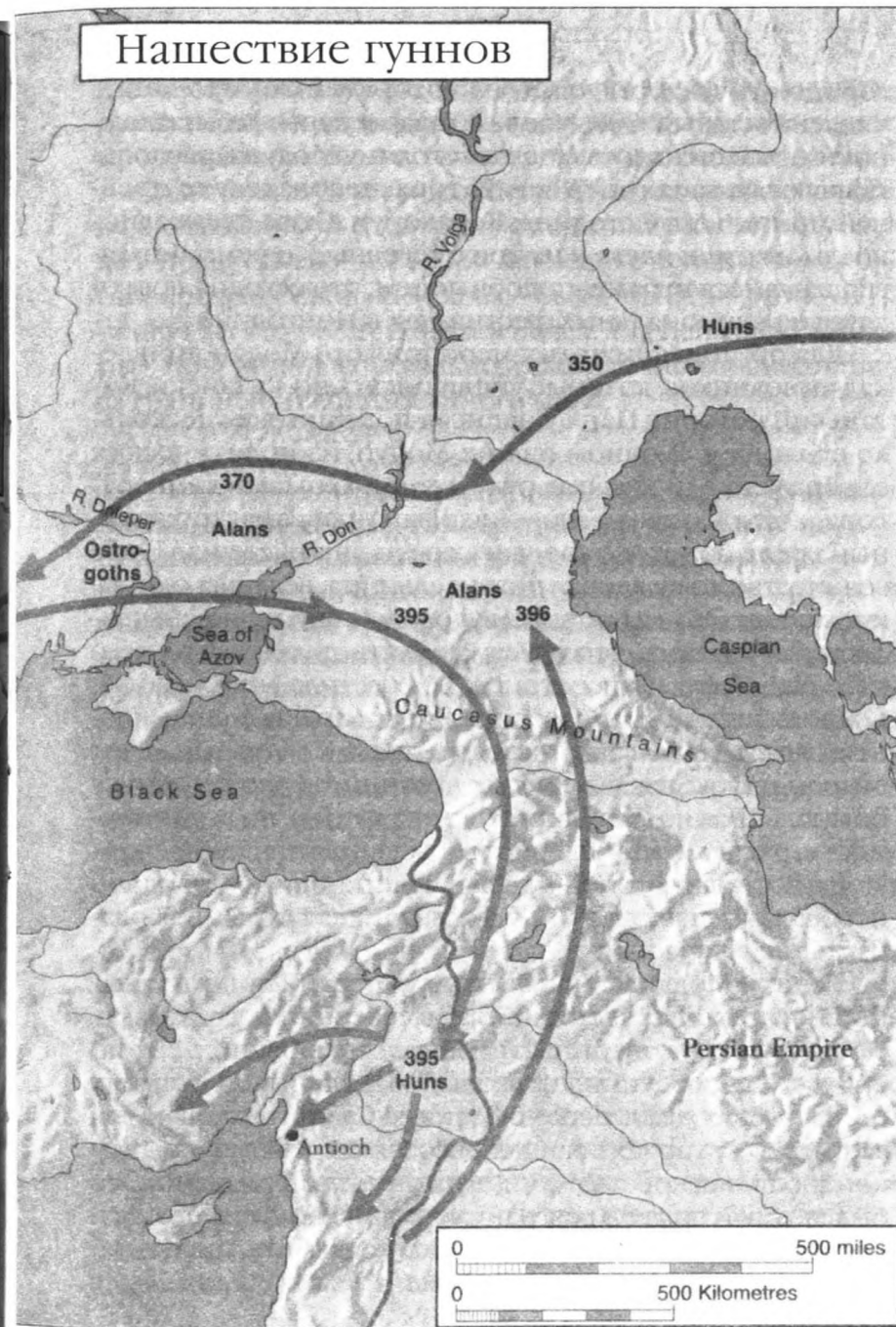
В империях накапливались богатства, и они нуждались в надлежащем управлении. Возникла потребность в едином центре — столице — и других, более мелких городах, в результате чего на традиционных кочевнических корнях сформировалось новое, урбанизированное общество. Среди этих империй первой и, очевидно, величайшей — в домонгольский период — была империя хунну.

Изначально хунну жили в большой северной излучине Хуанхэ, в области, известной сегодня, как Ордос, находящейся в автономном округе Внутренняя Монголия в Китае. Они могли бы остаться всего лишь одним из беспоконных, но недолговечных варварских королевств, которые во множестве возникали во Внутренней Азии, чтобы быстро распасться, если бы не отличавшийся особой безжалостностью предшественник Аттилы по имени Модун (также известный, как Мао-дун), чье возвышение в 209 г. до н.э. зафиксировал первый крупный китайский историк Сыма Цянь. Модун был отдан в качестве заложника в соседнее племя своим отцом, которого звали Тумен (что на монгольском языке означает «десять тысяч» и, в частности, войсковое подразделение, состоящее из 10 000 воинов; очевидно, хунну говорили на древнем монгольско-тюркском языке, существовавшем до того, как два языка начали развиваться отдельно друг от друга).

Сыма Цянь, живший и писавший в следующем веке, рассказывает историю о том, что произошло дальше, отходя от своего обычного сдержанного стиля и, возможно, черпая сведения из эпической поэмы хунну, повествовавшей о возвышении этого народа. Тумен благоволил к другому своему наследнику и желал Модуну смерти. Он предпринял нападение на своих соседей, надеясь, что они убьют Модуна. Однако тот сумел совершить дерзкий побег, украв коня, и явился перед отцом, который встретил сына натянутой улыбкой и передал в его распоряже-

ние часть своих войск, что полагалось ему в соответствии со статусом царевича. Это дало Модуну шанс отомстить отцу. Приняв решение повязать всех своих людей кровью царя, он потребовал от них абсолютного подчинения. «Стреляйте в ту цель, в которую попадет моя стрела! — приказал он. — Тот, кто не выстрелит, будет убит!» Затем он отправился с ними на охоту. Каждое животное, в которое он стрелял, становилось целью для его людей. Затем он прицелился в одну из своих лучших лошадей, и она пала под градом стрел. Однако некоторые проявили колебание и были тут же казнены. После этого он прицелился в свою любимую жену. Она погибла, как и те, что промедлили с выстрелом. Затем Модун выстрелил в одну из лучших лошадей отца. На сей раз казнить никого не пришлось. И, наконец, во время охоты он выстрелил в отца, и каждый из его людей послал стрелу в сторону короля. Следующей жертвой стал соседний правитель, череп которого Модун использовал впоследствии в качестве кубка, что являлось традиционным символом могущества правителей-кочевников.

Теперь хунну располагали прочной основой для строительства степной империи, которая со временем расширилась на 1000 километров к северу до озера Байкал и почти на 4000 километров к западу до Аральского моря. Из Сибири поступали меха, с Алтая — металл для наконечников стрел и доспехи, а из северной китайской империи Хань, чьи правители были рады торговать с хунну и преподносить им дары, лишь бы сохранять с ними мирные отношения, — шелк, вино и зерно. В течение 35-летнего правления Модуна элита хунну благоденствовала в долинах Северной Монголии и Южной Сибири. В хорошо укрепленном городе Иволга, находившемся к юго-западу от Улан-Удэ, жили плотники, каменщики, фермеры, литейщики и ювелиры. Некоторые дома имели подогреваемые полы в римском стиле. На западе, в современных китайских провинциях Ганьсу и Синцзян, хунну контролировали около 30 обнесенных стенами

городов-государств, один из которых имел население численностью 80 000 человек. Товары, дары, рабы, заложники — все стекалось в центр, столицу Модуна, располагавшуюся к западу от Улан-Батора, неподалеку от древней монгольской столицы Каракорум. Сюда съезжались послы и вожди племен на три ежегодные церемонии, завершавшиеся играми, подобные тем, что сегодня проводятся на национальных фестивалях в Монголии.

Для организации этих мероприятий Модун привлекал чиновников, которые умели писать по-китайски. Китайский историк Пан Гу написал под диктовку несколько его писем. В одном из них Модун, из политических соображений, предлагал руку матери ханьского императора, которую звали Лю. «Я вдовый правитель, рожденный среди болот и выросший среди диких степей. Ваше величество тоже вдовая правительница, ведущая одинокую жизнь. Оба мы не знаем удовольствий и лишены радостей. Я надеюсь, что мы сумеем дать друг другу то, чего нам недостает». Императрица Лю ответила, что он, должно быть, шутит. «Мой возраст весьма преклонен, и жизненные силы убывают с каждым днем. У меня выпадают волосы и зубы, и я даже не в состоянии твердо держаться на ногах. Шан-ю (титул императора хунну), по всей видимости, располагает неверными сведениями на мой счет». Модун отправил к ней посла с извинениями. Довольно необычный шаг для хунну, считавшихся грубыми варварами.

Успехи Модуна открыли новую страницу в длительной истории отношений Китая с северными варварами. Первый император династии Цинь, правивший с 221 по 206 г. до н.э., соединил несколько отдельных локальных стен, чтобы создать первую Великую Стену не столько для защиты от вторжения, сколько для определения зоны контроля над крестьянами, торговлей и солдатами. Это был зримый символ разграничения между фермерами и пастухами, оседлыми людьми и кочевниками, цивилизацией и варварством. С того момента в глазах китайцев

Стена служила выражением сущности китайской культуры. Еще и сегодня ее остатки — главным образом, в виде прогнивших пней — можно увидеть в пустынях и на пшеничных полях Северного Китая. Они кажутся жалкими на фоне Великой Стены, возведенной из камня в XVI веке и представляющей собой последнее проявление древних предрассудков. По словам Сыма Цяня, внутри Стены «живут те, кто носит шапки и пояса, а за ней живут варвары». Кочевники в буквальном смысле слова находились за границей цивилизованного мира.

В 1912 году монгольский горный инженер по фамилии Баллод осуществлял топографическую съемку поросших соснами холмов Нойон Уул в 100 километрах к северу от столицы Монголии Улан-Батора — или Урги, как она называлась в ту пору. Он производил раскопки в насыпи, обнаруженной незадолго до этого, и нашел там несколько фрагментов металла, дерева и ткани. Баллод сразу понял, что это не просто насыпь, а курган. Он отправил некоторые из своих находок в музей Иркутска. В течение двенадцати лет о них никто не вспоминал, что неудивительно, поскольку в скором времени началась Первая мировая война, а затем в России и Монголии произошли революции. В начале 1924 года, когда Баллода уже не было в живых, в Улан-Батор прибыл знаменитый русский исследователь Петр Козлов, возвращавшийся из экспедиции в Тибет. Времена были тяжелые, и вдова Баллода продала Козлову остатки сокровищ своего покойного мужа. Заинтригованный Козлов послал своего коллегу С.А. Кондратьева обследовать курган. Стоял февраль, земля была мерзлой, но рабочим Кондратьева удалось раскопать обложенную деревом шахту. Козлов изменил свои планы. К началу марта ему уже было ясно, что он сделал крупное открытие: эти холмы являли собой гигантское кладбище хунну, занимавшее площадь 10 квадратных километров и включавшее 212 могильных хол-

мов. В ходе раскопок выяснилось, что могилы подверглись разграблению, но затем были затоплены, а впоследствии заморожены. Это была удача, так как все, что не тронули грабители, замерзло и благодаря этому сохранилось. Экспедиция Козлова раскопала восемь курганов. Сняв 9-метровый слой камней и земли, они обнаружили пологие спуски в помещения высотой 2 метра, сложенные из сосновых бревен, полы которых были покрыты коврами из расшитой узорами шерсти. Внутри каждого помещения находилась гробница из сосновых бревен, внутри которой располагался обитый шелком гроб из лиственницы. Помещения были выполнены безупречно: покрытые шелком деревянные балки аккуратно входили в пазы боковых стен, а вся конструкция удерживалась на опорах, прочно заделанных в фундамент. Кусок расписанного глиняного горшка, найденный в кургане № 6, позволил установить возраст, по крайней мере, одного из захоронений. На нем были указаны имена гончара и художника и стояла дата: «сентябрь пятого года Цянь-пина» (что соответствует II веку до н.э.).

Всего в могилах обнаружилось 500 предметов (большинство из них хранится в настоящее время в Санкт-Петербурге). Все они были разбросаны грабителями среди костей людей и животных. Ни один скелет не сохранился целым. Эти захоронения не соответствовали стандартам гробницы Тутанхамона, поскольку почти все золото было похищено, но все указывало на то, что здесь покоились состоятельные люди, у которых на уме были не только война и сезон окота овец. Они явно любили искусные поделки ремесленников — расшитые шерстяные и войлочные ковры (некоторые с шелковыми нитями), лакированные деревянные бутылки, бронзовые горшки, ложки из рога, штаны до колен из шерсти и шелка, шелковые носки, китайские и монгольские халаты, пряжки, меховые шапки, нефритовые украшения, бронзовые украшения для уздечек, палочки для получения огня (за счет трения о доску), глиняные горшки, бронзовые пестики.

украшения для лошадей, золотые украшения, печати, шелковые флаги, гобелены с вышитыми черепахами, птицами, рыбами, человеческими портретами и всадниками. Женщины заплетали волосы в косы, ибо косы остались лежать на полу там, где их бросили после того, как они были отрезаны во время погребального ритуала.

Разумеется, многие из этих предметов роскоши люди носили по принуждению. Сыма Цянь рассказывает о китайском евнухе, перебежавшем к хунну, который прямо говорил своим бывшим соотечественникам: «Нужно только следить за тем, чтобы шелковая одежда была должного размера и качества, и все будет в порядке... Если чего-то не будет хватать или качество окажется не то, мы сядем на коней и потопчем весь ваш урожай». Однако хунну были далеки от того, чтобы резать курицу, несшую им золотые яйца. В их империи процветала торговля. Китайцам были нужны лошади и верблюды из степей и пустынь, собольи и лисьи меха из Сибири, нефрит и металлы с Алтая. Кроме того, торговля являлась единственным способом поддержания мира. Впрочем, китайцы пробовали и все другие возможные средства. Китайский сановник предложил отдать за Модуна одну из дочерей императора в надежде на то, что его наследники от этого брака будут более сговорчивыми и покладистыми, нежели он. «Кто-нибудь слышал о внуке, который обращался бы со своим дедом как с равным? — сказал он императору. — Таким образом, со временем хунну станут вашими подданными». А дочери, даже с богатым приданым, обходились дешевле, чем армии. (Жалко, правда, бедных девушек. Одна царевна написала поэму, в которой оплакивала свою судьбу: «Живу я в шатре с войлочными стенами. Питаюсь мясом и перебродившим молоком. Меня постоянно преследуют воспоминания о доме, мое сердце полно печали. Я хотела бы превратиться в золотого лебедя, чтобы улететь на родину».)

Стены, браки, торговля — а также и дары. В 50 г. до н.э. при китайском императорском дворе одному гостивше-

му там королю хунну преподнесли «шляпу, пояс, одежду и нижнее белье, золотую печать с желтыми шнурками, меч с драгоценными камнями, нож для ношения на поясе, лук с четырьмя комплектами стрел (по 12 в каждом комплекте), 10 жезлов в сундуке, колесницу, уздечку, 15 лошадей, 20 *гин* золота, 200 000 медных монет, 77 костюмов, 8000 различных предметов и 6000 *гин* хлопка-сырца. Все это имущество эквивалентно по стоимости дарам, с помощью которых англичане пытались откупиться от жадных викингов. Это тоже была попытка задобрить грозных кочевников и укротить их воинственный пыл. Как говорил своим новым хозяевам один перебежавший к хунну китайский сановник: «Китай должен отдать десятую часть своих богатств, чтобы привлечь всех хунну на сторону Дома Хань. Рвите полученную от китайцев шелковую и хлопчатобумажную одежду, бегая среди колючих кустарников, чтобы показать, что она менее прочна, чем шерстяная и кожаная одежда!»

Нойон Уул, Гора Бога — это название притягивало меня. Наконец летом 2004 года я прилетел в Монголию. 100 километров от Улан-Батора. Взяв в аренду автомобиль и наняв водителя, я посчитал, что это будет увеселительная прогулка. Однако Нойон Уул не входит в число туристических достопримечательностей. В путеводителе можно найти информацию об этом месте, но в нем не сказано, как добраться туда.

Помощь пришла из Улан-Баторского музея монгольской истории в лице специалиста по хунну Од-Батора, или просто Ода, так как монголы часто сокращают свои имена, ограничиваясь первым слогом. Это был художавый человек с доброжелательным выражением лица. Он пожал мне руку с подчеркнутой деликатностью и сложил ладони на груди, словно в знак почтения. Однако за его почтительностью скрывались не только глубокие знания и бесценный опыт, но и поразительная твердость ду-

ха. Незадолго до этого Од перенес ужасную травму. Он помогал своему другу строить дом, и ему в руку вонзился осколок стекла, едва не перерезав сухожилие. Своим рукопожатием я едва снова не вскрыл заживающую рану.

Нойон Уул всего лишь одно из открытий, связанных с хунну, — сообщил он. Археологи нашли шестнадцать кладбищ хунну, на одном из которых (Гол Мод, 450 километров к западу от Улан-Батора) французско-монгольская экспедиция работает с 2000 года. Но именно Нойон Уул, царское кладбище, дал больше всего материалов. В музее представлены фотографии места, образец гробницы и артефакты, сохранившиеся после грабительских раскопок Козлова — концы лука из рога, шелковый ковер с изображением схватки яка со снежным леопардом, железное стремя (к которому мы вернемся позже), зонтик, три косички.

«Ах да, — я вспомнил прочитанное, — люди отрезали волосы во время ритуального оплакивания, не так ли?»

«Возможно, не оплакивания, а ритуального убийства. Одна косичка, один человек. Трудно сказать, потому что обычно жертвы не погребались вместе с царем. Мало костей. Но я видел один череп в Гол Моде с отверстием как будто от удара...»

«Киркомотыгой?»

«Да, киркомотыгой».

«Од, — сказал я под внезапным наплывом чувств, — завтра я собираюсь в Нойон Уул, не могли бы вы поехать со мной?»

Од был явно заинтригован. Он никогда там не был и не знал, сможем ли мы найти туда дорогу. Начальник Ода включил в нашу мини-экспедицию еще одного члена — студента-выпускника Эригце, темой дипломной работы которого являлся Нойон Уул. Он выглядел, словно монгольский Индиана Джонс: плотного телосложения, с широким обветренным лицом и коротким ежиком волос.

На следующее утро мы отправились на север в массивном российском «УАЗ 4х4». Нас было шестеро: води-

тель, две бывалые австралийки, увлекавшиеся археологией, Од, Эригце и я. Через два часа мы ехали по дороге, якобы с покрытием, через долину реки Сюжект в направлении лесистых отрогов гор Нойон Уул.

Дорога петляла среди берез, кустарника, травы и желтых цветов. Она была сильно изрыта. «Охотники?» — спросил я, указывая на ямы и выбоины. «Золотоискатели!» — ответил Эригце, стараясь перекрыть шум двигателя. Ну конечно, человек, нашедший могилы, искал золото. Затем дорога стала более ровной, и вскоре на пути нам попался грузовик российско-монгольской экспедиции, застрявший в густом кустарнике. Экспедиция имела целью выяснить: не наступает ли степь на север в данной пограничной растительной зоне или же, напротив, не продвигается ли лес на юг? Ответ на этот вопрос мог бы вскрыть интересные факты по поводу климата, но, кроме того, если бы они могли собрать образцы торфа с большей глубины, это позволило бы понять, почему именно данное место было выбрано в качестве царского кладбища.

Где же могилы, курганы? Эригце указал на березовую рощу. Я не видел ничего, кроме деревьев.

«Раньше здесь не было деревьев, — сказал Эригце, — им около тридцати лет. Их рубят на дрова».

Мне вдруг пришла в голову мысль, что эта глушь, какой она воспринимается, вовсе никогда не являлась и не является глушью. Раньше сюда регулярно наведывались охотники, лесорубы и мародеры, а сейчас археологи, ботаники, а в скором времени сюда, возможно, даже будут забредать случайные туристы. Старые деревья здесь были редкостью. Мне на глаза попало лишь одно — кривая, обожженная огнем черная сосна, украшенная шелковыми синими ленточками, словно это обычное столетнее дерево почиталось как Мафусаил среди деревьев.

За стройными березами и плотным одеялом кустарника скрывался круглый курган с отверстием на противоположной стороне. Эта гробница № 1 Козлова выглядела как заросший, заброшенный колодец — квадратная

шахта, выложенная изнутри гниющим деревом. Только Эригце смог рассмотреть сквозь растительный покров место, где люди Козлова прокопали ход в курган и обнаружили коридор, по которому рабы когда-то благоговейно пронесли гроб и предназначенные для погребения предметы, чтобы зарыть все это и уйти, оставив курган на разграбление мародерам.

Другие прятавшиеся в рощах курганы оставались практически невидимыми. В течение получаса мы прошли мимо нескольких десятков, и, если бы не Эригце, я так и не узнал бы об их существовании. Эригце знал около 100, большинство из которых имеют в высоту 1—2 метра и располагаются на расстоянии 10 метров друг от друга. Некоторые имеют более внушительные размеры. Один из них, № 24, представляет собой кратер, на выкапывание которого ушло, должно быть, несколько недель. Он до сих пор имеет глубину 6 метров и диаметр около 20 метров. Группа Козлова раскапывала его примерно по траектории входного коридора.

Меня занимали не столько курганы, сколько само место. Я стоял на горе, где, по мнению большинства монголов и ученых, был похоронен Чингисхан. Хунну жили к северу и западу от прародины монголов, и две культуры отстояли друг от друга на 1000 лет. Но я уверен в том, что между ними существует связь. Бурхан Халдун, гора, находящаяся в 200 километрах к востоку, в горах Хенти, и Нойон Уул имеют кое-что общее: это внушительные вершины, но в то же время они легкодоступны для всадников на лошадях (едва ли имело бы смысл объявлять священной отдаленную и труднодоступную гору): они находятся на границе между северными лесами и южными степями: погребения располагаются в верхней части речной долины на плоскогорье, откуда подъем на вершину становится затруднительным. Случайны ли эти совпадения? Думаю, нет. Представляется весьма вероятным, что монголы, когда они объединились в империю под предводительством Чингисхана, знали о гробницах Ной-

он Уула, а возможно, и об их содержимом и сказали себе: Ага, вот как вы хоронили своих королей!

Но существует ли связь, ведущая *на запад*?

«Эригце, — спросил я, когда мы собирались в обратный путь в Улан-Батор. — Не считаете ли вы, что гунны и были хунну?»

«Разумеется. Мы говорим «Хун-ну». Он произнес звук «х», как шотландский «ch» в слове «loch» («озеро»), который на письме обычно обозначается «kh». «В монгольском языке слово «khun» означает «человек». Я думаю, они использовали это слово в том же значении, что и мы. Они враждовали с Китаем, поэтому наше слово «khun» превратилось в китайском языке в «xiong». (Это слово звучит, как «шун», что близко к «khun»). Оно означает «плохой». А «nu» означает «раб». Таким образом, «xiongnu» — «плохие рабы».

Если хунну действительно были гуннами, Нойон Уул является частью наследия предков Аттилы. Они забыли о священных горах и царских захоронениях на холмах, ибо после двух столетий странствий уже не могло быть речи о привязанности к какому-либо определенному месту. Они утратили ту значимость, которой обладали хунну, и превратились в кочевников, не имевших корней.

В течение 150 лет правителей хунну не могли умиротворить китайские предметы роскоши и укротить китайские царевны. В конце концов императоры Хань устали от претензий соседей и начали длительную серию военных походов против них. За кратким периодом успехов хунну в I веке н.э. произошел раскол между севером и югом. Южане присоединились к империи Хань, а северяне сохранили независимое государство на территории Монголии, где в 87 г. н.э. воины союза кланов из Маньчжурии, Сиен-пи, захватили вождя хунну в плен и содрали с него кожу в качестве трофея. В 89 г. северяне потерпели окончательное поражение. Ко второй половине

II века их рассеянные остатки переместились на запад, как и многие другие побежденные племена, в пустыни Центральной Азии и еще дальше, в поисках новых источников благосостояния. С точки зрения римлян, согласно которой степень варварства увеличивалась по мере продвижения на Восток, в глубь Евразии, они явились из тьмы, сгущающейся к границам обитаемого мира. На самом деле гунны прошли через современную китайскую провинцию Ганьсу, между пустыней Гоби и Тибетским нагорьем, затем двинулись на северо-запад, где сегодня железная дорога минует Урумчи и уходит за пределы Китая через Джунгарское ущелье, отделяющее Алтай от Тянь-Шаня. В этом путешествии их подстерегали опасности как со стороны местных племен, так и со стороны природы. Джунгарское ущелье славится своими *буранами*¹, о которых рассказывали путешественники более поздних эпох, отваживавшиеся проделать 80-километровый путь по этой сильно пересеченной местности. Монах Уильям из Рабрука писал об опасностях, подстерегавших его на этом пути, когда он ехал на встречу с монгольским ханом в 1253 г. Британский путешественник и исследователь Дуглас Каррутерс проезжал по Джунгарскому ущелью в 1910 г. «Ночью мы услышали отдаленный грохот. Это попавшие в западню ветры Джунгарской пустыни пробивались сквозь узкое дефиле», — писал он в своей книге «Неизвестная Монголия». Буран мог легко сорвать с креплений юрту и заморозить ее обитателей сильным ледяным ветром, понижающим температуру до -50°C .

Это было нелегкое путешествие, полное трудностей и лишений, но его уже проделали в прошлом и еще проделают в будущем множество племен, мигрировавших на запад. Спустя тысячу лет на другом конце этого степного океана монах Уильям увидел повозки монголов шири-

¹ Хотя *буран* зачастую переводится как «снежная буря», это нечто большее — недаром так называется советский космический корабль-челнок (Прим. пер.).

ной 10 метров и с осями, сравнимыми с корабельными мачтами, каждую из которых тянули упряжки из 22 быков, бороздившие прерии, словно галеоны. Хунну не обладали подобными ресурсами, но тем не менее успешно выдержали это испытание. Они наверняка тронулись с места летом, гоня перед собой стада домашних животных, нагулявших жир на весенних пастбищах. В следующий раз их коровы, овцы и козы смогли вдоволь насытиться только в степях Казахстана, простирающихся на 2000 километров.

Двести лет спустя, как отмечал де Гинь, на дальнем краю Центральной Азии появилось племя, гораздо более отсталое по сравнению с хунну, но сходное с ними по образу жизни — кочевники, живущие в шатрах, перемещавшиеся на повозках, конные лучники — и носившее похожее название. Этого было вполне достаточно для де Гиня и его последователей, наиболее выдающимся из которых был Эдвард Гиббон, автор известного труда «История упадка и крушения Римской империи». В лице Гиббона де Гинь нашел весьма авторитетного единомышленника и соратника. Гунны, угрожавшие Риму, являлись потомками племени, которое угрожало Китаю. «Они поражали непревзойденной ловкостью, с которой управлялись со своими луками и лошадьми; удивительной выносливостью в отношении сурового климата и непогоды и невероятной скоростью передвижения — ни глубокие пропасти, ни быстрые реки, ни высокие горы не были для них серьезным препятствием». Гиббон словно выстреливал словами и фразами, разбивая вдребезги всякие сомнения еще до того, как они успевали созреть. На протяжении двух последующих столетий считалось непреложным фактом, что гунны — это хунну, возродившиеся после того, как они оказались на грани уничтожения. «Британская Энциклопедия» издания 1911 года целиком и полностью полагается на теорию де Гиня, который упоминается там как «де Гик». Специалисты вроде француз-

ского историка Рене Груссе и американца Уильяма Макговерна, деятельность которых приходится на 1930-е годы, просто ставили знак равенства между гуннами и хунну, нисколько не сомневаясь в правильности такой позиции. В «Историческом атласе Китая» 1935 года Альберта Херрманна есть раздел, озаглавленный «Хунну или гунны». Примерно в то же самое время ученым с более критичным складом ума стало ясно, что нет абсолютно никаких оснований для того, чтобы связывать эти два народа. В самом деле, утонченное благородство захоронений Нойон Уула и откровенное убожество орд Аттилы являли собой разительный контраст. Постепенно данная версия изжила себя. Как писал в своей книге о гуннах 1948 года издания профессор Ноттингемского университета Эдвард Томпсон, «на этой теории отныне окончательно поставлен крест».

Однако не так давно она вновь обрела под собой почву. В течение короткого периода два племени были настолько близки друг к другу во времени и пространстве, что трудно поверить, будто это были отдельные племена. Остатки хунну, которые мигрировали примерно в 100 г. вдоль торговых путей, пролежавших через долину Или в южном Казахстане, около 120 г. достигли реки Сырдарья. За 30 лет они преодолели примерно 2800 километров, перемещаясь, таким образом, на 90 километров в год. В 160 г. древнегреческий ученый Птолемей упоминал народ «койной», обычно отождествлявшийся с племенем «хуни», чье название звучит очень похоже на название «гунны». Он помещал этот народ между двумя другими народами, наиболее отдаленный из которых, роксоланы, жил, по всей вероятности, на Дону. Следовательно, гунны обитали к северу от Азовского моря — «Меотийских болот», упоминавшихся позже римскими авторами. Разрыв сузился до 2000 километров и 40 лет, и он мог быть легко преодолен при весьма небольшой скорости перемещения — 50 километров в год.

Имеется еще одно свидетельство в пользу связи меж-

ду хунну и гуннами. В 1986 году совместная российско-монгольская экспедиция производила раскопки древних захоронений на крайнем западе Монголии, в Алтайских горах. В ее отчете говорится об обнаружении могил «гуннов», что отражает стремление монголов отождествить хунну с гуннами, хотя совершенно ясно: речь идет о захоронениях хунну. Пять захоронений представляли особый интерес, поскольку они не очень сильно пострадали от мародеров и вандалов. Все содержали деревянные гробы, в четырех из пяти были найдены детали луков: кусочки кости или рога, используемые в качестве «ушек» на концах лука и для укрепления центральной секции. Изучив эти детали, имевшие разную длину, авторы пришли к выводу, что верхняя часть лука была длиннее нижней. Эта асимметричность была характерной особенностью луков поздних гуннов, и ее смысл остается неясным. «Ушки» тоже наводят на мысль о связи с гуннами, поскольку они имелись на луках поздних гуннов.

Эту тайну можно было бы разрешить, если бы могилы содержали целые луки. Но целых луков в них не было. Может быть, они просто сгнили за 2000 лет? Это весьма маловероятно с учетом того, что сохранились деревянные гробы, а в одной из могил — куски березовой коры. Из четырех могил в двух были найдены по три ушка, в одной два и в одной четыре, и все они содержали разное количество роговых полосок, использовавшихся для укрепления деревянного корпуса лука. Множество фрагментов и ни одного целого лука. В гуннских могилах тоже не было найдено ни одного целого лука. Даже когда обнаруживались половинки костей, которые на первый взгляд подходили друг другу — как, например, в захоронении IV века неподалеку от Ташкента, — при более пристальном рассмотрении выяснялось, что эти две детали были вырезаны разными мастерами для разных луков. Напрашивается лишь один вывод: фрагменты, найденные в могилах, не принадлежали к одному определенному луку. Как писал один из величайших специалистов по

гуннам, Отто Менхен-Хелфен, «люди хоронили павшего воина с ненастоящим мечом». Однажды высказанная, эта мысль сразу стала очевидной. *Разумеется*, они клали в могилу ненастоящие или сломанные мечи. Во многих культурах подданные хоронили своих царей вместе с предметами, отражавшими их высокий статус; но меч, который имел каждый, отнюдь не относился к таким предметам. Могилы в Западной Монголии принадлежали людям более низкого ранга, которые оставляли принадлежавшее им имущество своим родственникам. Разве стали бы не очень состоятельные члены семьи покойного класть в его могилу что-либо ценное?

На основании вышесказанного можно прийти к заключению: то, что мы видим в могилах хунну, — это гуннский меч в процессе эволюции. И если это так, значит, между гуннами и хунну существует непосредственная связь.

Раз археология неспособна поставить четкий знак равенства между гуннами и хунну, то как насчет фольклора? Если существовала связь, не странно ли, что у гуннов не сохранилась о ней народная память? Тюркские наследники хунну в Монголии с гордостью называли их своими предками до того, как сами двинулись на запад в VIII веке. Но Аттила, который стоит к ним гораздо ближе во времени, никогда не говорил о родстве с ними. У гуннов были барды, но никто не записал их песни, повествующие о воинственных предках.

Однако этот аргумент отнюдь ничего не доказывает. Иногда фольклорная традиция сохраняется на удивление долго — сказание о Троянской войне передавалось из поколения в поколение на протяжении нескольких столетий, пока Гомер не записал его. Иногда она очень быстро угасает, особенно в процессе длительных миграций. Однажды я работал с одним маленьким племенем ваорани, живущим во влажных тропиках Эквадора. Они

пришли на место нынешнего обитания «очень давно, из низовьев реки», и это все, что им известно об их прошлом. Монголы тоже не помнят о своем происхождении. На эту тему в их великой эпической поэме «Сокровенное сказание монголов» говорится лишь то, что они произошли от волка и оленихи и пришли в Монголию 500 годами ранее, после того, как пересекли океан или озеро. Гунны, судя по всему, забыли о своем происхождении гораздо быстрее, за 250 лет, и ничего не помнили о своих предках — по крайней мере, никаких письменных свидетельств они не оставили.

Возможно, в случае с превращением хунну в гуннов дело заключается не только и не столько в забывчивости. Оказавшись после имперского великолепия в бедственном положении, гунны, вполне вероятно, стыдились своего унижения и просто не хотели рассказывать потомкам о былом величии их народа. Мне не доводилось слышать, чтобы какой-нибудь летописец описывал упадок цивилизации и культуры собственного народа. Одного поколения табу — «Ни слова о Китае!» — было бы вполне достаточно.

При исследовании происхождения гуннов язык неспособен оказать сколько-нибудь значительную помощь. Хотя Аттила пользовался услугами переводчиков и секретарей, никто из них не писал на гуннском, только на латыни и греческом — языках доминировавшей в ту эпоху культуры, которой было присуще предубеждение против варварских языков. В силу этого ученые были вольны импровизировать, и Гиббон придерживался убеждения, будто гунны на самом деле являлись монголами. (Этого не может быть, ибо монголы пришли на территорию, занимаемую хунну, лишь спустя 500 лет после того, как те покинули ее.) Некоторые специалисты объявляли определенные слова гуннскими, но их происхождение весьма спорно, и нет ни единого слова, которое без всяких сомнений могло бы быть признано гуннским.

Правда, мы располагаем гуннскими именами или ду-

маем, что располагаем. Дело в том, что гунны, готы, представители других германских племен и даже римляне заимствовали имена из других культур. Гуннские имена приобретали латинские и греческие окончания, и зачастую разные писцы записывали их по-разному. Тем не менее коренная часть имени содержит определенную информацию о языке. Дядя Аттилы Октар фигурировал в различных письменных источниках также под именами Ойптагос, Аккила, Оккила, Оптила и Уптар (в балканском диалекте латыни сочетание звуков «кт» трансформировалось в «пт»). Но «öktör» в древнетюркском языке означает «могущественный». Совпадение? Ученые полагают, что нет. Имена других персонажей этой истории тоже свидетельствуют о наличии в них тюркских корней: отец Аттилы Мундзук («Жемчуг» или «Украшение»), его дядя Айбарс («Лунная Пантера»), его старшая жена Эрекан («Прекрасная Королева»), его сын Эрнак («Герой»), полумифический король Чаратон/Каратон (что-то «Черное», возможно, «Одежда»). Окончание «кам» в нескольких именах вызывает ассоциацию с тюркским словом, переводимым как «священник» или «шаман». Конечно, имена изменчивы и легко заимствуются из других культур. Так, к примеру, библейские имена были усвоены многими европейскими народами, предварительно подвергшись адаптации в зависимости от характерных особенностей национальных языков. Однако, как говорит величайший специалист по гуннам археолог Иштван Бона, «существует достаточно свидетельств, опровергающих ошибочное мнение, широко распространенное среди современных исследователей, которые на основании того, что отдельные черепа обладают некоторыми монголоидными чертами, путают расовые признаки с языковыми и делают из гуннов монголов».

Итак, гунны, по всей вероятности, принадлежали к тюркам, вероятно, говорили на тюркском языке (имевшем общие корни с монгольским языком), возможно, являлись остатками мигрировавших хунну, не имели ника-

ких связей с Китаем, за исключением нескольких общих элементов культуры, и, вне всякого сомнения, не имели ничего общего со славянскими и германскими племенами, в чьи земли они столь неожиданно вторглись.

На определенном этапе развития воинского искусства выяснилось: для достижения высокой эффективности лучник нуждается в средстве передвижения. Скифы и китайцы использовали в качестве такого средства двухколесную колесницу — скоростную, устойчивую, маневренную платформу для стрельбы. Для ее использования требовалось наличие погонщика лошадей, а также искусных плотников и литейщиков, запасов дерева и металлических руд. Кочевники, которые, вероятно, ездили на лошадях без седел и почти наверняка без стремян, такими ресурсами не располагали и поэтому не обладали возможностями колесничих.

Следовательно, прежде чем стать грозной боевой силой, кочевникам пришлось дожидаться появления стремени, в особенности железного, которое в сочетании с седлом имело такое же значение для военного дела, как и составной лук. Приверженцы традиционных взглядов утверждают, будто стремяна появились очень поздно и распространялись очень медленно, поскольку опытные всадники могли обходиться без них — возможно, потому что колесницы отчасти решали проблему эффективного применения лука. Самые ранние стремяна, впервые письменно зарегистрированные в Индии во II веке до н.э., предположительно изготавливались из веревок в качестве опоры для большого пальца ноги. Идея проникла в Китай и Корею, где железные стремяна появились в V веке н.э. Оттуда они распространились на Запад, где первые свидетельства о них датируются началом VI века. Но если копнуть глубже, от традиционных взглядов не остается камня на камне. Стремяна старше, чем принято считать, и это совершенно очевидно. И пришли они во-

все не из Индии. Вереvoчное стремя для большого пальца помогает садиться верхом, но только если у вас босые ноги, что вполне естественно для Индии, но не для Центральной Азии, где лошади впервые были одомашнены. Сочетание кожаных ботинок, металлургии и лошадей должно было привести к созданию железного стремени к 1000 г. до н.э. наряду с наконечниками стрел. Возможно, так и произошло, но этому нет свидетельств в археологических отчетах за период до VI века до н.э., когда тюрки пришли в Монголию. Самое раннее свидетельство я видел в книге великого ученого Джозефа Нидхэма «Наука и цивилизация в Китае»: глиняная фигурка китайского всадника со стремениами, датируемая 302 г. н.э. Если у китайцев имелись стремениа, то они наверняка имелись и у их врагов. Однако они отсутствуют на изображениях конных лучников. (На этот счет существует теория, согласно которой железные стремениа были изобретены толстыми, ленивыми жителями китайских городов, а кочевники, увидев преимущества этих приспособлений, переняли их. Вы верите в это? Я нет.)

Дело еще более запуталось, когда Од провел меня по Музею монгольской истории. Ибо среди экспонатов, относящихся к хунну, оказалось железное стремя — не из Нойон Уула, а из захоронения хунну в провинции Ковд, на крайнем западе страны. В то же самое время королевские гробницы Нойон Уула не содержали ни одного железного стремениа. Потом Од прислал мне сообщение по электронной почте: «Мы раскопали множество захоронений, но, к сожалению, не смогли больше найти железных стремян». Все это очень странно. Может быть, захоронения в Ковде появились позже, когда хунну уже были разбиты и двигались на запад? Можем ли мы предположить в этом случае, что хунну, прекрасные литейщики и наездники, не имели стремян в период расцвета и имели их в период упадка? И если они их имели, почему стремениа не получили распространения среди других народов?

Гунны должны были знать стремя и пользоваться им.

независимо от того, были они изначально хунну или нет. Тем не менее связанные с гуннами археологические находки содержат все, что угодно, только не стремяна. Нет и упоминаний о них в (предположительно некомпетентных) латинских и греческих источниках. Да, гунны могли ездить верхом без стремян или использовать веревочные стремяна, но почему они, имея возможность отливать наконечники стрел, мечи и котлы для приготовления пищи, отказывались от железных стремян? Это остается загадкой.

Во всяком случае, примерно к 350 г. н.э. скотоводы-кочевники Внутренней Азии имели преимущество над пехотой, тяжелой кавалерией и колесницами. Гунны располагали всем необходимым для сражения как зимой, так и летом — двумя или тремя запасными лошадьми, луком с десятками стрел и наконечников для стрел — и были готовы защищать своих жен, детей и родителей, ехавших в повозках. Это было новое явление в истории, и они обладали потенциалом, превосходившим мощь хунну. Эти люди могли жить и мирным трудом, и грабежом. Жить грабежом было куда легче. Они сделались опытными хищниками и, подобно акулам, бороздили степной океан, сметая на своем пути более слабые племена, пока не вышли к границам цивилизованной Европы.

Греков приводила в ужас исходившая от степи угроза варварского нашествия, которую олицетворяли скифы. Само понятие «варвар», якобы происходившее от нечленораздельных звуков «вар-вар-вар», которые иноземцы произносили вместо слов, заключало в себе выражение ксенофобии, служившей для греков критерием их самоидентификации. Для них все, кто не принадлежал к грекам, были одинаковы в своей жестокости, глупости, необразованности. В значительной мере это было заблуждением, поскольку, к примеру, те же скифы создали утонченную, сложную культуру, которая просуществовала около 700 лет.

Римляне унаследовали эти предрассудки и вели себя

соответствующим образом. На всем протяжении границы империи — от Атлантического побережья Африки до Черного моря и Евфрата, — тянувшейся более чем на 4000 миль, сооружались стены, башни, форты, рвы. В Европе граница проходила по великим рекам Рейн и Дунай, рассекавшим континент с северо-запада на юго-восток. Они стали для Рима эквивалентом Великой Стены, отделявшей империю от Дакии, эквивалента Ордоса — пограничной области, использовавшейся доминирующей культурой в качестве буферной зоны, откуда она, однако, была изгнана варварами. География Европы была менее удобной, нежели география Китая. В своих верховьях Рейн и Дунай почти соединяются друг с другом, но вниз по течению они образуют прямой угол к северу от Альп, который трудно защищать. По мере роста мощи империи по линии, срезавшей этот угол, строились форты и башни, на смену которым пришла каменная стена, протянувшаяся по Южной Германии, а другая стена, Адрианов вал, определяла границу с северными варварами. Еще одна стена блокировала 80-километровый коридор между Дунаем и Черным морем. В 260 г. н.э. после нападения варваров стена Рейн — Дунай была оставлена, и граница империи отступила назад к рекам.

Формируя свое мнение о народе Аттилы, римляне исходили из принципов, унаследованных от греков. Это были самые отвратительные существа, каких только можно вообразить. Они пришли с севера, а всем известно, что, чем холоднее климат, тем больше варварства в людях. Аммиан Марцеллин, никогда не видевший гуннов, описывал их как приземистых, с толстой шеей и настолько безобразных, словно это были двуногие животные или фигуры, вырезанные из пней, которые можно видеть на парапетах мостов. Никто не мог сравниться с ними в жестокости и уродстве — одна черта подчеркивала другую, — поскольку они разрезали своим сыновьям щеки, чтобы, когда те станут взрослыми, борода росла у них клоками. Им не были известны металлы, у них не было религии,

они жили как дикари, не пользуясь огнем и поедая пищу сырой, а мясо размягчали, подкладывая его под лошадиные седла. Разумеется, они не строили домов, а жили в камышовых хижинах. Их приводила в ужас мысль о том, что можно находиться под крышей. Надев однажды рубашку из грубой ткани, они не снимали ее до тех пор, пока она не истлевала на теле. Даже то, что они были превосходными наездниками, воспринималось как проявление варварства, ибо они ели, пили и спали в седле. Их обувь была настолько бесформенной, а ноги настолько искривлены, что они едва могли ходить. Готский историк Иордан был не менее безжалостен к ним. Эти низкорослые, грязные, мерзкие дикари, порождения ведьм и нечистых духов «имели вместо головы бесформенный ком, а вместо глаз — крохотные отверстия». Удивительно, как они вообще могли видеть, с учетом того, что «свет, падающий на свод черепа, едва достигал запавших внутрь зрачков... Обладая человеческим обличем, они жестоки, словно дикие звери». Эти оценки отдавались эхом на протяжении последующих столетий. Все кому не лень, включая Гиббона, в один голос обрушивались с проклятиями на зловонных, кривоногих, отвратительных, грубых и отталкивающе низкорослых гуннов.

Почти все это полная бессмыслица.

Когда в середине IV века гунны появились где-то к северу от Каспийского моря и двинулись в сторону Черного моря, для римлян они находились на границах известного им мира. Однако, на основе результатов исследований антропологов и археологов, мы имеем возможность выявить некоторые их характерные черты. Как выяснили позже те, кто посещал их, гунны носили бороды, выращивали сельскохозяйственные культуры, умели строить дома, и доля красивых мужчин и женщин среди них была не меньшей, чем у любого другого народа. Разумеется, мужчины, скорее всего, выглядели устрашающе, поскольку они прошли немало испытаний, были закалены боями и противоборством с природной стихией и обла-

дали внушительной силой вследствие ежедневного применения своих мощных луков. Но, как и у современных монголов, у них наверняка была примесь чужой крови, благодаря чему некоторые из них отличались привлекательностью. Никто из непосредственно общавшихся с гуннами не упоминал о детях со шрамами на лице. Возможно, бороды у мужчин были редкими, как у Аттилы, и некоторые из них могли иметь покрытые шрамами лица, но это не имеет ничего общего с жестокостью по отношению к детям — эти шрамы взрослые мужчины нанесли себе сами в ходе траурного ритуала.

Гунны были знакомы с металлами и ели вареную пищу, о чем свидетельствуют наконечники их стрел и гигантские металлические котлы с ручками, достигавшие метра в высоту и весившие 16—18 килограммов. Десятки таких котлов были найдены в Чехии, Польше, Венгрии, Румынии, Молдове — и России, где полдюжины их оказались рассеянными на обширной территории: один около Ульяновска на Волге, другой в 600 километрах к северу, еще один в Алтайских горах, всего в 250 километрах от монгольской границы. Они напоминают огромные вазы с опорами в виде конуса. Их части отливали в двух или трех литейных формах, затем эти части грубо спаивались, и места стыков оставлялись необработанными. Содержание сплавов варьировалось в широких пределах. В большинстве случаев использовалась местная медь с добавками красного окисла меди и свинца, но не олова, которое в сплаве с медью дает бронзу. Любому хорошему литейщику все это показалось бы дилетантством, не идущим ни в какое сравнение с бронзовой посудой китайцев и тех же хунну. Но это были кочевники, и поэтому их котлы представляют интерес. Гуннские литейщики располагали средствами для плавки меди (которая требует наличия печи, способной создавать температуру 1000°C) и массивными каменными литейными формами. Одни лишь котлы, не говоря уже о декорированных седлах и конской упряжи, опровергают мнение, будто это были

примитивные скотоводы, которые умели лишь воевать и есть сырое мясо. Для содержания и перевозки литейщиков, средств и продуктов их производства требовались большая, хорошо организованная группа и дополнительный провиант.

Не может быть, чтобы у гуннов отсутствовала религия. Человек религиозен по своей природе. Представляется вполне вероятным, что побуждение объяснять и контролировать мир природы в такой степени присуще человеческой натуре, что нет ни одного общества, каким бы неразвитым оно ни было, в котором не сформировалось бы убеждения, в той или иной форме, что мы возникли из скрытой сущности Вселенной, остаемся ее частью, подчиняемся ей, можем влиять на нее и, рано или поздно, снова сольемся с ней¹.

Гунны не были исключением, и римляне знали об этом. Под «отсутствием религии» они подразумевали отсутствие *надлежащей* религии, такой, как у них, будь то христианство или цивилизованное язычество, заимствованное у греков. «Суеверия» не в счет. Во что гунны верили и как отправляли свой культ, доподлинно неизвестно, но нет никаких сомнений в том, что они были анимистами

¹ Это широкое обобщение представляет собой гипотезу, истинность которой остается неподтвержденной. У меня имеются некоторые свидетельства в ее пользу, полученные в процессе работы с племенем *ваорани* в тропиках Эквадора в начале 1980-х годов. В то время ваорани относились к категории самых примитивных обществ, известных антропологам. У них не было вождей, шаманов и тщательно разработанных ритуалов. Их музыка была крайне проста, одеждой им служила полоска хлопчатобумажной ткани, обернутая вокруг бедер, изобразительное искусство сводилось к росписи тела и нескольким артефактам (3-метровые трубки для выдувания стрел и лучшие в Амазонии гамаки). Но у них были легенды, фольклор и космология, и они верили в загробную жизнь, которая протекала на небесах, где люди вечно раскачивались в гамаках и охотились, в преддверии ада для тех, кто вернулся в этот мир в виде животного, и в аду, где обитали «бессловесные». В их верованиях фигурировали добрые и злые духи и присутствовал миф о сотворении мира творцом Ваенгонги. «Примитивные» люди — монотеисты! Это было удивительно. Считается, что идея единого бога развилась из политеизма как высшая форма религии. Это оказалось на руку американским миссионерам, когда они пришли к ваорани со своей версией Ваенгонги.

и поклонялись силам природы — ветру, снегу, дождю, грому и молнии и представляли, будто в каждом этом явлении заключен дух. Можно предположить, что, подобно монголам несколько столетий спустя, они видели источник происхождения этих сил в небе и стремились контролировать собственные судьбы, поклоняясь ему и принося жертвы. Мы, современные европейцы, подсознательно взываем к этому небесному богу в каждом восклицании: «Царь наш небесный!», «Good Heavens!», «Ciel!», «Himmel!» У тюркских и монгольских племен, живших бок о бок перед тем, как тюрки двинулись на запад, имелось имя для своего небесного бога: Тенгер или Тенгри. Его изображения встречаются от пустыни Тенгри во Внутренней Монголии до Восточной Болгарии. В монгольском, как и во многих других языках, «тенгер» означает «небо» — и в мирском, и в божественном значении. По-монгольски «кёк тенгер» — это и «божество», и «ясный день». Хунну тоже поклонялись Тенгри. В истории династии Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.), написанной в конце I века историком Пан Гу, в разделе о хунну говорится: «Они называли своего правителя титулом *чен ли* (транслитерация слова *тенгри*) ку т'у (сын) шан-ю (король) — то есть что-то вроде «Его Величество, Сын Неба». В ранних тюркских письменных источниках правитель получает власть от Тенгри. В VIII—IX веках уйгурские владыки получали имя Тенгри. Гунны просто физически не могли оказаться за обширными пределами влияния Тенгри. Независимо от того, являлись они хунну или нет, осталось у их бога прежнее имя или нет, гунны явно сохранили систему верований и убеждение в том, что шаманы с помощью песнопений, барабанов и духов способны устанавливать непосредственную связь с небом.

Свидетельства тому содержатся в нескольких письменных источниках. В 439 г., перед битвой с вестготами под Тулузой, римский полководец Литорий решил задобрить гуннов, входивших в состав его армии, проведя *арустикацию*, церемонию гадания. Аттила, при дворе ко-

того имелись ясновидящие, сделал то же самое перед своим великим поражением 12 годами позже. То, что было истинным в середине V века, должно было быть истинным и в более ранние времена, ибо гадание на тот момент уже насчитывало тысячелетнюю историю. Оно имело чрезвычайно важное значение в китайской культуре, став отправной точкой в процессе создания письменности: во время династии Шан, около 1500 г. до н.э. шаманы увидели смысл в форме трещин, образовавшихся в раскаленных черепаших панцирях, и зарисовали эти трещины, снабдив эти рисунки своими интерпретациями. Впоследствии многие народы Центральной Азии практиковали гадание на бараньей лопатке, раскаляя ее на огне. Какие-либо письменные свидетельства о проведении подобной церемонии при дворе Аттилы отсутствуют, но происхождение гуннов дает все основания полагать, что их шаманы прибегали к гаданию на бараньей лопатке.

Антропологи выяснили, что у некоторых детей гуннов были деформированные головы, имевшие продолговатую, вытянутую форму. Это не являлось последствием болезни, и с детьми было все в порядке. Более того, они, судя по всему, вели более привилегированную жизнь, нежели большинство их сверстников.

Впервые в своей жизни я столкнулся с искусственно деформированными черепами в Венском музее истории искусств, где работают Петер Стадлер, специалист по варварским племенам Карпатского бассейна, и Карен Вилчке, антрополог, которая проявляет особый интерес к проблеме гуннов. Наша беседа происходила в огромном помещении, содержащем коллекцию скелетов. Ни один из них не был подвешен на проволоке, как обычно поступают с анатомическими образцами. Они лежали в ящиках, нагроможденных друг на друга вдоль стен помещения и в коридоре, и всего их было 25 000, при этом еще

25 000 ожидали инвентаризации. Из них примерно 40—50 имели искусственно деформированные черепа. Поскольку они датируются началом V века, это преимущественно гуннские черепа, и многие из них принадлежат детям. По некоторым, весьма скудным свидетельствам, деформации подвергались черепа как мальчиков, так и девочек, и те из них, кто выживал и становился взрослым, сохраняли этот отличительный признак. Выживали далеко не все, о чем говорит более низкий процент среди останков взрослых с деформированными черепами.

Деформация черепа была довольно распространенным явлением на всем протяжении истории. В 1931 г. вышло чрезвычайно любопытное исследование, посвященное этой теме — «Искусственная деформация черепа: Вклад в изучение этнического членовредительства». Его автор Эрик Дингуолл имел странное пристрастие к этническому членовредительству. Следуя очаровательной традиции английской эксцентричности, он жил среди коллекции поясов целомудрия, занимался исследованиями и, в качестве почетного академика, работал в библиотеке Кембриджского университета вплоть до своей смерти в 1986 году. Помимо всего прочего, он написал один из первых трудов о женском обрезании. Женское обрезание до сих пор имеет место в некоторых культурах, а деформация черепа канула в Лету. Первое представляет собой весьма болезненную, хотя и недолгую процедуру, эффект от которой носит преходящий характер, тогда как вторая безболезненна, требует длительного воздействия на череп, и ее последствия остаются видимыми на протяжении всей жизни подвергшегося ей человека. Деформация черепа практиковалась во многих обществах по всему миру. Неандертальцы прибегали к ней 55 000 лет назад, и она долго оставалась «любопытным и широко распространенным обычаем», как отмечал Дингуолл, приводя примеры ее применения в Азии, Африке, Индонезии, Новой Гвинее, Меланезии, Полинезии, обеих Америках и в Европе. По его мнению, она не

имела ничего общего с ритуалами инициации, поскольку ее можно осуществлять только в раннем детстве, когда кости черепа еще мягкие и находятся в стадии роста. В Чили и на северо-западе Северной Америки индейцы привязывали к головам своих детей доски, чтобы те становились плоскими. Этот обычай особенно был распространен у чинуков, которые известны также как плоскоголовые индейцы. В других культурах использовались повязки из ткани, в результате чего черепа приобретали цилиндрическую форму. Сделать это нетрудно. Нужно лишь туго затягивать повязку на голове и менять ее каждые несколько дней, чтобы поддерживать требуемое давление и иметь возможность мыть голову. Этот метод применялся аборигенами в Новом Южном Уэльсе, Австралия, 13 000 лет назад и, вероятно, древними египтянами, о чем свидетельствует элегантно удлинённая голова Нефертити, супруги фараона Эхнатона. Это была обычная практика в сельской Франции в XVII—XVIII веках.

Для чего это делалось? В некоторых случаях это мог быть знак того, что ребенку предназначено стать жрецом. Однако, похоже, данная практика имела, главным образом, социальное значение. У чинуков она служила свидетельством хорошего ухода за ребенком. Матери, не утруждавшие себя сплющиванием голов своих детей, считались нерадивыми, а их круглоголовые чада рисковали стать объектом насмешек со стороны плоскоголовых сверстников. В других культурах, где матери или няни имели время для соответствующих процедур, удлинённая голова являлась признаком статуса. В случае с гуннами дело обстоит сложнее. Нефертити на бюстах имеет подчеркнута удлинённую голову, но никто не замечал, чтобы у Аттилы, его сыновей, полководцев, послов или супруги был деформированный череп. Они либо покрывали голову — но тогда возникает вопрос, зачем, если деформация была признаком высокого статуса? — либо перевязывание головы не являлось признаком высокого статуса.

Нужно найти объяснение одной закономерности. Как сказала Карен Вилчке, «чем дальше на Восток, тем выше процент деформаций».

Но за 20 лет существования империи Аттилы (433—453 гг.) и в течение некоторого времени после ее распада другие племена, попавшие в сферу влияния гуннов, приобщились к этой практике. Возьмем, к примеру, великого вождя остготов Теодориха, родившегося в Паннонии (сегодняшние Западная Венгрия и Восточная Хорватия) через год или два после смерти Аттилы и закончившего свои дни правителем пост-Римской Италии. На монетах он изображен с удлинённой головой. Возможно, эта мода была позаимствована у самых удачливых варваров среди тех, кто когда-либо вторгнулся в пределы Римской империи, а те, в свою очередь, принесли ее с востока.

Перед нами стоит загадка. От археологов мы знаем, что гунны перевязывали головы некоторым из своих детей, которые сохраняли деформацию черепа на протяжении всей жизни. Тем не менее ни один из общавшихся с гуннами летописцев не оставил письменных свидетельств существования у них подобной практики. Мы можем лишь догадываться о причинах этого. Возможно, люди с деформированными черепами прятали их от посторонних глаз под шапками, которые снимали только в присутствии соплеменников. Возможно, длинноголовые являлись представителями элиты, кем-то вроде масонов, чьи секреты передавались от отца и матери к сыну и дочери. В охотничьих обществах существовала подобная категория — каста шаманов, которые, войдя в транс под удары барабанов, начинали воспринимать себя в качестве ястреба, орла, селезня или гусака и воспаряли в царство всемогущества и сокровенного знания. От шаманов, рассказывавших о своих видениях, люди узнавали о своей силе, о слабости врагов, о наиболее подходящем моменте для битвы, о будущем, о причинах болезней и способах их лечения. Иноплеменники не имели доступа к такого рода информации.

Взглянем на предков Аттилы в более широком контексте. По землям Восточной Европы и Западной России текут четыре крупные реки, названия которых начинаются на букву «Д»: Дунай, Днестр, Днепр и Дон. Если посмотреть на карту, их русла как будто расходятся веером от северного побережья Черного и Азовского морей, куда все они впадают. Земли, начинавшиеся от полуроманизированной Дакии (современная Румыния) к северу от Дуная и переходящие за Днестром в обширные южнорусские равнины в бассейне Днепра и дальше к Дону, откуда открывался путь к труднодоступным долинам Кавказских гор, по мере продвижения на восток были все в меньшей степени знакомы римлянам. Посредине этого таинственного мира, словно лампа, освещавшая погруженную в сумерки обитель варварства, находился Крым, который на протяжении веков являлся базой греческой колонизации, пока греков не сменили римляне. Греки и римляне рассматривали Черное море и впадавшие в него реки как буфера между цивилизацией и дикостью, а Крым служил транзитной зоной для мореплавания. Здесь Геродот познакомился со скифами, жившими на стыке двух миров — эллинизма и варварства.

За пределами прибрежных греческих колоний начиналась степь, широкая, безлесная, плавно перетекающая в луга и пастбища Казахстана. Теперь здесь располагаются сельскохозяйственные угодья, возникшие в результате освоения русскими целинных земель в середине XX века, подобно тому, как когда-то был освоен Средний Запад США. На протяжении двух тысячелетий для жителей запада эти области были средоточием варварской тьмы, а для бесчисленных племен — новой временной родиной в их медленном продвижении на запад. Гунны пришли сюда из еще более отдаленных мест, из мира мифов и теней.

Что побудило их двинуться в путь? Почему небольшое племя, пришедшее из глубин Азии, неожиданно вырвалось на мировую арену? Когда-то было модно приписывать крупные миграции кочевников климатическим

изменениям и росту населения, как будто «сердце страны» действительно представляло собой огромное сердце, пульсировавшее в некоем тайном экологическом ритме, выталкивая артериальный поток людей в западном направлении. Однако одни лишь климатические изменения неспособны объяснить это, ибо для менее крупного племени они могли бы оказаться роковыми, как засуха для бедных эфиопов.

В самом деле, на крайнем востоке Евразии бьется огромное сердце. Это Китай, чья история представляет собой серию династических импульсов, которая продолжалась 2000 лет, и каждый импульс длился от нескольких десятилетий до нескольких столетий. Возникновение и исчезновение династий на протяжении столь долгого периода — уникальное явление, и многие историки посвятили всю свою жизнь попыткам понять закономерность этого процесса. Если такая закономерность существует, она, похоже, связана с идеей унифицированного правления, в соответствии с которым династии сменяли друг друга, и их судьбы определялись комплексным взаимодействием самых разных элементов, включая сельское хозяйство, реки, каналы, стены, крестьянские восстания, формирование армий, вторжения варваров, взимание налогов, гражданскую службу, политические реформы. Сегодня для нас важно то, что иногда кочевники вторгались в сердце Китая, а иногда китайцы переходили границу, отделявшую их от варваров. Каждый такой импульс сотрясал приграничные земли и вынуждал одно или два племени двинуться в западном направлении — как правило, в небытие. В результате в IV веке в северном Китае царил хаос. Историки называют этот период Шестнадцать Царств Пяти Варваров. Обстановка начала налаживаться после того, как тюркское племя *т'о-на* основало в 396 г. царство, известное под названием Северное Вэй. Явились ли эти исторические катаклизмы причиной, побудившей гуннов отправиться на запад? Никто не знает ответа на этот вопрос.

На мой взгляд, похолодание в Центральной Азии и перемещение масс кочевников в западном направлении не могут служить объяснением, почему гунны стали завоевателями, а другие племена нет. В чем разница? Своими успехами гунны обязаны не климатическим изменениям и перипетиям исторического процесса, а присущим им навыкам воинского искусства, о которых речь пойдет в следующей главе.

Поразмыслим о причинах, заставивших их сняться с насиженных мест, с точки зрения того, чего им не доставало и чем они располагали:

- Им не доставало комфорта.
- Они располагали возможностями для грабежа.

Скотоводы-кочевники производили больше продукции, чем им требовалось для удовлетворения основных жизненных потребностей, но им *всегда* не доставало комфорта, в соответствии со стандартами высших классов оседлого общества, которые они восприняли. Они были нужны им, чтобы просто выжить. Нужно было перегонять стада на новые пастбища, разбирать и устанавливать шатры, нагружать животных, укладывать скарб в повозки. Имущество препятствовало мобильности и, следовательно, угрожало самому существованию. Жизнь в подобных условиях — это жизнь без элементарных удобств, не говоря уже об изысках. Она хорошо выковывает характер. Результаты этого можно увидеть в сегодняшней Монголии, в каких-нибудь двух-трех часах езды от столицы. Современные монголы — это гордые, независимые люди: мужчины столь же сильны, как их лошади, и управляют с лассо не хуже цирковых наездников; розовощекие дети и крепкие женщины обладают завидным здоровьем и белозубой улыбкой благодаря отсутствию в рационе сахара. Однако короткий визит в их стойбища в летнюю пору способен развеять романтический ореол, которым всегда была окружена жизнь скотоводов-кочевников. Туристы легко поддаются обаянию современной версии благородных дикарей, перегоняющих стада с одного

пастбища на другое и живущих в соответствии с чередованием сезонных циклов. Но теперь у них имеются вырабатывающие электроэнергию ветряки, мотоциклы и телевизоры, не говоря уже о школе-интернате в ближайшем городе, где их дети могут жить в течение учебного года. Теперь призовите на помощь воображение, мысленно вернитесь на одно-два столетия назад, да еще и в зиму, представьте жизнь без свежих фруктов и овощей (эта проблема до сих пор существует в отдаленных районах), и вы поймете, насколько она была тяжела. Буран покрывает траву толстым слоем снега, обрекая на смерть тысячи лошадей и овец. Еще не так давно подобная катастрофа оставила бы семьи скотоводов без молока, мяса и навоза, используемого для отопления юрт. С одной стороны, тяготы и лишения вырабатывают силу, выносливость и независимость характера, что является предметом гордости, с другой — вызывают зависть к людям, чья жизнь неизмеримо легче и приятнее. Неудивительно, что взоры скотоводов-кочевников были устремлены в сторону соседей.

Они могли существовать автономно в течение нескольких месяцев, может быть, года, но не дольше. Свидетельства тому существуют в Монголии еще и сегодня, как существовали в XIII веке и в эпоху возвышения и падения кочевнических царств со времен хунну. Чтобы выжить в степи, нужен был шатер, а чтобы поставить шатер, нужны были каркас и опоры из дерева, а деревья растут в лесах на горных склонах. Кроме того, для перевозки стариков, детей, шатра, котла и другого имущества требовалась двухколесная повозка, которая тоже изготавливалась из дерева. Таким образом, для изготовления шатров и повозок степным скотоводам была необходима древесина. Для добычи древесины требовались топоры, а для их изготовления — железо. Кроме того, кочевники, будучи такими же людьми, как и все остальные, нуждались в таких продуктах, недоступных в степи, как чай, рис, сахар, мягкие ткани, в особенности шелк. Эти продукты

производили фермеры и более сложные, урбанистические общества.

Скотоводы-кочевники мигрировали отнюдь не постоянно. Многие семьи вели относительно оседлую жизнь на протяжении нескольких лет, десятилетий и даже поколений, если в окрестностях имелось достаточно пастбищ и они могли обеспечивать себя всем необходимым. Но в долгосрочной перспективе изменения были неизбежны. Нарушилась цикличность сезонов, болезни уносили все больше жизней, разрасталось население, вследствие чего пастбищ перестало хватать на всех. На протяжении всей истории человечества жизнь в степи претерпевала изменения, вызываемые как внутренними, так и внешними факторами. Это относится и к той области, из которой пришли гунны, — понтийским и каспийским степям. Они стали местом смешения и ассимиляции многочисленных народов. Теперь представьте нашу небольшую группу гуннов, которые ушли с родных пастбищ из-за ухудшения климата или непомерных амбиций своих соседей. Они пришли на новые пастбища, недружелюбно встреченные новыми соседями, смотревшими на них с подозрением. Им недоставало родины, а кроме того, мягких тканей, ковров, драгоценностей и многого другого, что облегчает и разнообразит жизнь, делая ее комфортной.

Гунны были беженцами, которые нуждались в базе, постоянном источнике продовольствия, новой самоидентификации и возрождении чувства гордости за свой народ. Эти потребности можно было удовлетворить только тремя способами: найти свободные, никем не занятые земли (никаких шансов); либо осесть на занятых землях, договорившись с новыми соседями (очень мало шансов); либо при помощи силы. Отныне их жизнь сильно отличалась от традиционной жизни скотоводов-кочевников. У них больше не было собственных пастбищ, им приходилось вторгаться на чужие земли и договариваться с их владельцами, и единственным имевшимся у них аргументом являлась сила. По мере продвижения на запад

плотность оседлого населения увеличивалась, а пастбищ становилось все меньше. Они неизбежно попадали в экономическую зависимость от других. Нужные продукты можно было приобретать посредством торговли, но гунны, находясь на более низком уровне развития по сравнению со своими новыми соседями, могли предложить им только шерсть, войлок и домашних животных. Такой обмен был для соседей явно невыгоден, и гуннам не оставалось ничего другого, как превратиться в банду грабителей и отбирать все необходимое им силой. Насилие стало для них образом жизни.

Гунны двигались на запад, от степей Казахстана и равнин, простиравшихся к северу от Аральского моря. Перед ними стоял выбор: исчезнуть или стать завоевателями. Последнее требовало сплоченности и эффективного руководства. Другими словами, им был необходим вождь, способный повести за собой народ к достижению новых целей. Прежде у гуннов не было правителя, под началом которого они могли бы реализовать накопленный у них потенциал. Первый вождь, привлечший внимание окружающего мира к себе и своему народу, появился у них в IV веке. Его звали Баламбер или Баламур, и, кроме имени, о нем почти ничего не известно. Именно он вдохновил гуннов и направил их энергию на борьбу, громя одно племя за другим. Он впервые проявил навыки тактического воинского искусства и заложил традиции руководства, на которых позже воспитывался Атила.

В 350 г. н.э. гунны переправились через Волгу. Несколько небольших отрядов конных лучников вели свои повозки и стада лошадей и скота по поросшей травой равнине, простиравшейся на 800 километров от великой русской реки до Крыма, которая мало изменилась с той поры и до того момента, когда Антон Чехов, будучи еще мальчиком, увидел ее в 1870-х годах. Он описал увиденное в одном из своих первых крупных произведений, повести «Степь», словами юного героя Егорушки:

«Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали; едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается... Солнце уже выглянуло сзади из-за гор и тихо, без хлопот принялось за свою работу. Сначала, далеко впереди, где небо сходится с землею, около курганчиков и ветряной мельницы, которая издали похожа на маленького человечка, размахивающего руками, поползла по земле широкая ярко-желтая полоса; через минуту такая же полоса засветилась несколько ближе, поползла вправо и охватила холмы... и вдруг вся широкая степь сбросила с себя утреннюю полутьму, улыбнулась и засверкала росой... Над дорогой с веселым криком носились ласточки, в траве перекликались суслики, где-то далеко влево плакали чибисы... Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затаили в траве свою скрипучую монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, бурозеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...»

В середине IV века в этой степи господствовали сарматы, разрозненная конфедерация народов иранского происхождения, которые отвоевали ее у скифов более 500 лет назад. О сарматах известно довольно много, поскольку несколько кладов с принадлежавшими им предметами искусства были обнаружены в Западной Сибири и переданы российскому императору Петру Великому. Они любили изготавливать таблички из финифти в металлическом обрамлении, изображавшие сражающихся животных — грифонов или тигров против лошадей или яков. Этот стиль распространился на Запад, и его пере-

няли готы и другие германские племена. Основным оружием сарматов были копья, они облачались в кольчуги, а их головы защищали конусообразные шлемы.

Одна из групп сарматов называлась «аланы», а персам они были известны, как «асы». (Между прочим, от слова «алан» произошло слово «ариец», когда в некоторых иранских языках буква «л» трансформировалась в букву «р». Таким образом, арийцы, которых Гитлер считал предками немцев, не имели с древними германцами ничего общего.) Это племя было хорошо известно римлянам. Сенека, Лукан и Марциал упоминали алан в I веке н.э. Марциал, известный мастер колких эпиграмм, одну из них посвятил некой Целии и ее сексуальной распущенности. Он спрашивает ее, как может римлянка отдаваться парфянам, германцам, дакам, киликийцам, каппадокийцам, фарианам, индийцам, обрезанным евреям и «алану с его сарматской лошады» и при этом не находить удовольствия в общении с римлянами. Аланы вторглись с севера в Каппадокию (область в современной Северо-Восточной Турции), где с ними воевал греческий историк и полководец Ариан, отмечавший, что излюбленной тактикой аланской кавалерии является ложное отступление. (Этот прием был впоследствии усовершенствован гуннскими лучниками). Аммиан говорит, что они были скотоводами-кочевниками, жившими в повозках, крытых корой, и поклонявшимися воткнутому в землю мечу. (Этот ритуал позже позаимствовал Аттила.) Прекрасные наездники, мчавшиеся словно вихрь на своих маленьких, выносливых лошадях, аланы были в большей степени европейцами, нежели азиатами. Их лица покрывали густые бороды, у них были голубые глаза, они любили воевать, издавали во время схватки устрашающие крики, мастерски владели мечом и лассо и презирали стариков за то, что те не погибли в бою. Про них говорили, будто они сдирали с убитых врагов кожу и делали из нее попоны. Аланы имели развитую культуру. На юге России были обнаружены сотни их могил, многие из которых принадлежали жен-

щинам-воительницам (отсюда, вероятно, берут начало греческие легенды об амазонках). Они охотно принимали в свою среду пленных и сами с готовностью подвергались ассимиляции. Отсутствие сплоченности и стало главной причиной их поражений при столкновении с гуннами.

Гунны громили один их клан за другим. В скором времени аланы станут осколками демографического взрыва, известного, как великое переселение народов. Успешно ассимилируя других, аланы сумели сохранить собственную идентичность. Спустя два поколения различные их кланы оказались поставщиками рекрутов гуннам, а также союзниками Рима. Их потомки ныне живут на Кавказе, на юге России и в Грузии, под именем «осетины», напоминающим об их персидском названии «асы». Населяемая ими республика в составе Российской Федерации носит название Северная Осетия—Алания, в котором дважды подчеркивается их происхождение. На другом конце империи они присоединятся к готам в их походе в Испанию — некоторые считают, будто название Каталония происходит от комбинации названий «готы» и «аланы» — и к вандалам, вторгшимся в Северную Африку в 420 г. Позже мы еще поговорим об аланах.

За Днепром жили остготы. Это был оседлый народ, занимавшийся земледелием. Его почтенный правитель Эрманарих¹ станет образцом для амбициозного вождя гуннов. Он правил весьма непрочным и раздробленным государством, протянувшимся от Черного до Балтийского моря, через посредство вассалов, союзников и торговых партнеров. Согласно легенде, один из его вассалов оказался предателем и бежал от него, оставив ему на растерзание свою жену по имени Сунильда. В отместку за предательство мужа ее тело разорвали пополам лошадьми. Двое братьев Сунильды предприняли попытку убить пре-

¹ По всей вероятности, имя Эрманарих происходит от сочетания Херманн-Рекс, король Херманн. Готы позаимствовали латинское слово и превратили его в «рейкс», а со временем оно стало произноситься как «рих». Это было обычное окончание имен готских аристократов. (*Прим. пер.*)

старелого правителя, но им удалось лишь ранить его. После этого, по словам Иордана, «ослабленный раной, он влачил жалкое существование больного старика». Гуннская и аланская конница Баламбера разбила армию Эрманариха на северном побережье Черного моря в 376 г. Рыхлая федерация племен развалилась, словно карточный домик. Эрманарих покончил с собой, а Баламбер взял в жены готскую царевну, дабы узаконить смену власти.

Следующей жертвой гуннов стали вестготы, жившие на Днестре, на территории современной Румынии, о чем в скором времени предстояло узнать императору Валенту. Вестготы представляли собой гордый народ, находившийся на высоком уровне развития. Они жили в городах, уважали законы и соблюдали порядок, поддерживаемый их правителем, называвшимся судьей. Когда однажды римский посол назвал его «царем», тот возразил: царь правит, опираясь на власть, а судья — на мудрость. Римляне, оставившие мысль о прямом управлении, рассматривали вестготов в качестве торговых партнеров, получая от них рабов, зерно, одежду, вино и монеты. Некоторые из вестготов были христианами. За поколение до пришествия гуннов христианский епископ Ульфилла (311—383) создал готский алфавит (из 27 букв) и перевел на готский язык Библию. Но христианство так и не стало религией «судьи» и других аристократов, сохранивших приверженность традиционным верованиям своего народа, составлявшим сущность его самоидентификации и противостоявшим культурной экспансии со стороны Константинополя. После того, как Валент в 369 г. признал независимость вестготов под предводительством Атанариха, казалось, в выигрыше остались обе стороны: их договор предусматривал развитие торговых отношений, взаимное уважение, создание буферного государства, защищавшего Рим от варварских орд Внутренней Азии, и свободу рук для Атанариха, который мог делать все, что хотел, не опасаясь вмешательства в его дела со стороны великого соседа. Он хотел искоренить христианство. Этого он достиг с помощью зловещего ритуала, восстано-

ливавшего главенство старой готской религии, центральной фигурой которой (по сведениям историка Тацита) была мать земли, богиня Нерфус. Чиновники Атанариха установили деревянные статуи богини перед шатрами христиан и приказали им под страхом смерти отказаться от своей религии и поклоняться Нерфус. Все предпочли жизнь, за исключением одного фанатика по имени Саба, который был подвергнут мучениям. Когда его объявили сумасшедшим и выгнали из деревни, он принялся насмехаться над соплеменниками. Кончилось дело тем, что его бросили в реку и утопили, удерживая под водой с помощью деревянной доски. Он добился своего и стал первым готским святым.

Готы смогли успешно противостоять Риму и христианству, но не гуннам. Атанарих построил оборонительную линию вдоль Днестра, но гунны легко обошли ее, переправившись ночью через реку, и неожиданно напали на готов с тыла. После поспешного отступления по территории современной Молдовы готы начали возводить вал вдоль реки Прут. Но к тому времени их моральный дух пал так низко, что они переправились через Дунай во Фракию, положив начало цепи событий, приведших к битве при Адрианополе.

Вслед за ними, из степей Украины, шли непосредственные предки Аттилы, совершив 75-километровый марш через Карпаты и пройдя по дороге, которая сегодня ведет от города Коломыя в Карпатский национальный природный парк. Это традиционный путь захватчиков, которым спустя почти 1000 лет воспользовались монголы. Вы легко взбираетесь на высоту 931 метр по Яблунницкому перевалу (прекрасное катание на лыжах зимой, прелестные горные тропы летом), затем выходите к румынской границе, идете по извилистой узкой дороге вдоль реки Тиса, оставляя слева Трансильванское нагорье, и спускаетесь на Венгерскую равнину.

Здесь все стало на свои места, и гунны наконец обрели вторую родину.

3

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОННОГО ЛУЧНИКА

«Отвратительные, безобразные выродки» — так писал о гуннах Аммиан, олицетворение цивилизации в собственных глазах и в глазах его читателей. Такая предубежденность не удивительна, ибо речь шла о самом опасном враге из всех, кто когда-либо нападал на империю. Мы же, рассматривающие эти исторические события в ретроспективе, должны проявить беспристрастность, отказаться от всякой предубежденности и попытаться понять, почему гунны пришли в Европу.

Их сила складывалась из четырех элементов:

- древнее искусство стрельбы из лука верхом;
- новая модель древнего оружия — изогнутый лук;
- новая тактика;
- новый тип вождя.

Человеческая личность в целом — тема обсуждения последующих глав. В данный момент нас интересуют ее компоненты: навыки и амбиции конных пастухов-ското-

водов, вооруженных луками. Конные лучники держали в страхе урбанизированные культуры по всей Евразии на протяжении почти 2000 лет, вплоть до того момента, когда изобретение пороха смело их с исторической сцены — точно так же, как японских самураев и швейцарских копейщиков. В течение короткого промежутка времени навыки, которыми владели воины-кочевники от Маньчжурии до русских степей, вышли из употребления и оказались почти забытыми, сохранившись лишь в рассказах тех, кому доводилось быть мишенью для стрел кочевников, и в умах кабинетных стратегов. Сами конные лучники не оставили учебных пособий. После их исчезновения никто не знал, как следует вынимать стрелу из колчана, вставлять ее в лук и стрелять раз за разом, сидя при этом на мчащейся галопом лошади и соблюдая строй. Никто не пытался делать это.

Вплоть до сегодняшнего дня. Искусство стрельбы из лука верхом возвращается, принося с собой понимание того, каким образом конные лучники добивались превосходства, — и это нечто большее, нежели просто навык. Практически все скотоводы-кочевники Евразии были мастерами-наездниками и мастерами-лучниками, и никто не мог сравниться с гуннами в их разрушительной способности. Их успехи нельзя объяснить одними лишь талантами вождей. Гуннам было присуще нечто такое, характерное только для них, что помогало им одерживать победы. Только возрождение искусства стрельбы из лука верхом позволяет понять, что это было за волшебное свойство.

Заслуга возрождения древнего искусства целиком и полностью принадлежит одному человеку — Лайошу Кашаи, который, как я подозреваю, является первым настоящим конным лучником в Европе с момента ухода монголов в 1242 году. Монголы отступали через Венгрию, и именно здесь Аттила создал свою базу. Поэтому весьма кстати,

что Кашаи венгр, и еще более кстати, что он живет на расстоянии одного конного перехода от линии наибольшего продвижения монголов и от резиденции Аттилы V века. Владение искусством стрельбы из лука верхом сделало его сильным, целеустремленным, уверенным в себе. Эти качества оно придает сейчас, и эти же качества оно придавало некогда гуннам. Кашаи шутит, что он является реинкарнацией Аттилы. «У меня такое ощущение, будто я родился в XX веке по ошибке». Однако это лишь отчасти шутка, если речь идет о молодом Аттиле, а не о царе гуннов.

Если бы я общался со специалистами по лошадям и лукам, то наверняка узнал бы о Кашаи в Колорадо или Берлине. Но впервые мне довелось услышать его имя от музейных работников в Вене и в венгерском городе Дьер, а затем от любителя андалузийских лошадей, который сообщил мне, что скоро Кашаи будет демонстрировать свое искусство на спортивном фестивале в Будапеште. С той поры Кашаи Лайош (как говорят венгры, всегда сначала называющие фамилию), чье имя звучит так поэтично благодаря чередованию мягких звуков «ш», стал для меня настоящим наваждением.

Я и моя переводчица Андреа Сегеди разыскали его на ярмарке на дунайском острове Маргарет. Он оказался в компании трех своих помощников, продававших луки с его клеймом, на нем была простая накидка, какую в древности носили кочевники. «Не могли бы мы поговорить?» В ответ он лишь кивнул головой, даже не улыбнувшись. Пристальный взгляд его голубых глаз на совершенно бесстрастном лице скользил по мне в течение некоторого времени. Я испытывал неловкость. Он мог бы произнести несколько вежливых фраз, дабы вселить в меня уверенность, но не сделал этого. Собравшись с духом, я спросил, как у него возник интерес к стрельбе из лука верхом.

«Это всегда было у меня внутри, — ответил он по-анг-

лийски, слегка запинаясь и сверля меня свирепым взглядом. — А что, вообще, вы имеете в виду?»

«Ну, почему именно интерес к этому?»

Он перевел взгляд на Андреа и заговорил по-венгерски, в той же отрывистой манере: «Это зов души. Я должен делать это. Вот и все».

«Насколько я понимаю, интерес к стрельбе из лука верхом неуклонно растет?»

«Люди приезжают учиться отовсюду: из США, Канады, других стран».

«Почему им нравится заниматься этим?»

«Если я не знаю, почему это нравится мне, то как могу отвечать за других?»

Мне стало понятно, почему его раздражает этот разговор. Я, абсолютный профан, задавал ему глупые вопросы, в то время как он был сосредоточен на том, что ему сейчас предстоит сделать. Это все равно что подойти к финалисту Уимблдона перед решающей встречей и попросить его объяснить, в чем заключается суть игры в теннис. Кроме того, мне пришлось все время возиться с камерой и магнитофоном, что тоже наверняка действовало ему на нервы. Андреа была студенткой-медиком: высокая, стройная, с коротко стриженными волосами и отличный профессионал — во всяком случае, так мне казалось, пока она не поделилась со мной своими впечатлениями от этой беседы.

«Да, он может показаться ужасным. Но спустя секунду его настроение меняется, на лице появляется очаровательная улыбка, и тогда он становится действительно забавным. Он ругается — говорит «дьявольски хорошо», как это у нас принято. А то может посмотреть...» Она сидела за рулем автомобиля, в котором мы ехали по прямому, ровному шоссе, пролежавшему через *пушту*, но ее мысли были далеки от степи. «У нас есть выражение: когда кто-то смотрит подобным образом, про него говорят, что он видит кости. Именно так он на меня и смотрел.

Он взглянул на меня и задал какой-то простой вопрос, а мне пришлось хорошо подумать, прежде чем ответить, потому что он смотрел прямо в глаза, и в нем было что-то удивительное». Она сделала паузу. «На самом деле. Честное слово».

Действительно, в Кашаи было что-то такое, что вызывало интерес и притягивало к нему. Мы встретились с ним еще, на сей раз у него дома, и продолжили беседу. Стрельба из лука верхом — дело всей его жизни. Чтобы объяснить это мне, ему потребовались бы недели. К счастью, он уже написал книгу «Стрельба из лука верхом», но даже она составляет лишь половину его багажа. Другая половина проявляется в действии, в обучении других людей и в тех чувствах, которые испытывают по отношению к нему эти другие люди. Понять до конца, что такое конный лучник, можно, только став им.

Жизнь Кашаи идеально соответствует его представлению о предназначенной ему судьбе. Отсюда происходят твердая уверенность в себе, ясное самосознание и целеустремленность, чего очень трудно добиться в мире, где, как ему представляется, происходят кардинальные изменения и царят амбиции, которые, после их осмысления, должны уступить место новым амбициям. Кашаи, подобно монаху, услышавшему колокольный набат, устремился к цели и достиг ее. Но, в отличие от монаха, он не искал путь и цель с помощью учения, организации или Учителя, поскольку и то, и другое, и третье воплощено в нем самом. Он сочетает в себе необычную комбинацию физической и умственной работы. В нем есть что-то от воина Дзен, бойца, добивающегося внутреннего баланса для совершенствования своих боевых навыков, — если не считать, что ему пришлось стать собственным Учителем и создать собственную религию. Это заняло у него свыше 20 лет.

Я снова спросил его: «Почему?» Он ответил, что у него не было выбора, ибо стрельба из лука верхом в его генах.

Конечно, это не так, поскольку данные навыки возродились недостаточно давно, чтобы проникнуть в его генетический код. У кочевников они не впитывались с молоком матери, а вырабатывались в детстве и совершенствовались десятилетиями. Кашаи не имел таких возможностей. Он жил в мире сельскохозяйственных кооператоров, горожан и заводских рабочих. Возможно, в детстве он получил воспитание иного рода, в результате чего в его подсознании зародилось стремление хотя бы в воображении бежать от гнета навязанной Советами диктатуры, серой монотонности социализма.

Будучи еще ребенком, он прочитал роман Гезы Гардоньи «Человек-невидимка», посвященный гуннам. В нем повествуется о фракийском рабе по имени Зета, который приезжает ко двору Аттилы с греческим чиновником Приском (тем самым человеком-невидимкой, чей реальный отчет об этой поездке, состоявшейся в 449 г., является темой одной из последующих глав). С Зетой происходит множество приключений, он влюбляется во взбалмошную гуннскую девушку, отвергает другую, которая, несмотря на это, продолжает любить его, участвует вместе с Аттилой в великой битве на Каталаунских полях, присутствует на похоронах Аттилы и наконец бежит с той, которую признал за свою единственную, подлинную любовь. В романе довольно много пафоса и восклицательных знаков, но это хорошее, занимательное чтение для детей. Постоянно переиздающийся после первой публикации в 1902 г., он отражает популярность Аттилы в Венгрии и широко распространенное убеждение, будто гунны являются истинными предками венгров, хотя всем хорошо известно, что их настоящие предки пришли с Урала спустя 400 лет.

Ниже приводится отрывок из главы этого романа, озаглавленной «Раб гуннов», в котором в мрачных тонах и утрированной манере описываются приготовления орд Аттилы к походу на запад:

«Молодые люди упражнялись на площадках большими группами. Трубачи подавали им сигналы. Долгая нисходящая нота означала сигнал к отступлению. Две долгих восходящих ноты означали сигнал к повороту кругом на среднем галопе и выстрелу. Гунны тренировались с детства. Когда лошади пускались вскачь и казалось, что они плывут по воздуху, всадники поворачивались, ложились на живот и выпускали стрелы. Некоторые стреляли, даже лежа на спине».

Орды продолжали прибывать в течение нескольких недель: аланы со своими дротиками, нубады в волчьих шкурах, бородатые блеммы, раскрашенные гелоны, вооруженные косами, грохочущие повозки с бастарнами, акатиры с луками, которые были вдвое выше их самих, худые скирианы, затем герулы, квады, остготы — и так на несколько страниц,

«...десять тысяч здесь, двадцать тысяч там, пятьдесят тысяч одних только языгов, восемьдесят тысяч гепидов, шестьдесят тысяч готов. Мы считали их целую неделю, принимая на веру сведения вождей о численности их людей. Пройдя полумиллионную отметку, мы оставили это занятие. И по сей день я не знаю, сколько всего человек собралось... там было полмиллиона лошадей и тысячи, тысячи повозок».

Самая что ни на есть подходящая книга для мальчика, жаждущего свободы и активной деятельности и готового воплотить в жизнь смелые фантазии автора. «Да, наши предки — гунны были величайшими конными лучниками в мире, — говорит Кашаи. — Я живо представлял себе лошадей, несущихся в диком галопе с пеной у морды, натянутые тетивы луков. Вот это ощущения! Я хотел быть, как они, — грозным, бесстрашным воином».

Для начала нужно было стать лучником. Кашаи жил неподалеку от города Капошвар, в 40 километрах к югу от озера Балатон. Еще будучи ребенком, он начал изготавливать луки, собирая нужную информацию и приоб-

ретая необходимый опыт. Он испытывал разные породы дерева на прочность и скорость реакции, искал оптимальный способ расщепления жил (на задней части лука, для обеспечения сопротивления растяжению) и рога (на передней части лука, для обеспечения сопротивления сжатию), проверял стрелы на вес и прочность, а их наконечники на пробивную способность. Он стал метким стрелком и к тому же добился хороших результатов по скорострельности¹.

Это требует большой физической силы. Мышцы и сухожилия предплечья и плеча должны стать железными. Три пальца руки, держащей тетиву, должны привыкнуть к постоянному трению о нее, так как в пылу боя конные лучники не имели возможности использовать защитные кожаные колпачки современных лучников или кольца для пальцев, применявшиеся впоследствии турками. Если тренироваться с детства, на кончиках пальцев нарастает мозольная ткань, но у Кашаи не было такой возможности, и он клеивал пальцы лейкопластырем.

Но это была только стрельба из лука. Он все еще не ездил верхом. Взяв несколько уроков верховой езды, он понял, что в Венгрии никто не сможет научить его ездить так, как ездили кочевники. Практически единственным местом, где он мог бы чему-то научиться, была Монголия. Здесь ездить верхом детей учат с трехлетнего возраста и добиваются того, что очень скоро они становятся единым целым с лошадью. Кашаи был уже взрослым, и Монголия находилась слишком далеко, поэтому ему пришлось учиться самому. Он приступил к занятиям в возрасте двадцати лет с небольшим, а помогал ему один энтузиаст по имени Пранкиш, который крестил его огнем, заставлял во весь опор скакать под низко склоненными

¹ Один из друзей Кашаи, итальянец Селестино Полетти, используя его лук, установил мировой рекорд по количеству выпущенных стрел за 24 часа. Это одно из самых невероятных человеческих достижений. Он выпускал по одной стреле каждые 5 секунд, по 11 каждую минуту, по 700 в час и за сутки выпустил 17 000 стрел.

ветками, волочил его за стремя и падал на него, увлекая в грязь. «Я ощущал землю только тогда, когда утыкался в нее головой».

Однажды дикий галоп завершился у подножия крутого склона холма. Пранкиш остановился. Неожиданно наступила тишина, и Кашаи осмотрелся. Он находился в долине, обрамленной отвесными стенами, представлявшимися такими близкими, что казалось, протяни руку и коснешься их. У него было чувство, будто он нашел свое место в этом мире, место, где «выбрав для себя сладостное одиночество добровольного изгнанника, я мог бы удалиться от суеты этого шумного века и довести искусство стрельбы из лука верхом до совершенства».

Это место не очень подходило для жилья или упражнений в верховой езде, поскольку оно густо поросло лесом, открытые пространства были покрыты травой, а низменные участки представляли собой болото. Оно принадлежало государственному сельскохозяйственному предприятию, но в качестве угодий не использовалось. Кашаи взял эти 15 гектаров в аренду и начал приспособлять их к занятиям по стрельбе из лука верхом.

Это был длительный процесс. Место, где правила природа, заслуживало должного уважения. Человек мог приспособить его к своим потребностям на короткий период отведенного ему земного существования, но он не должен был причинять ему невосполнимый ущерб. Нужно было учитывать множество различных факторов. По какой траектории здесь дуют ветры? Что произойдет, если на долину обрушатся проливные дожди или, наоборот, если ее поразит засуха? Где снег тает в первую очередь и где в последнюю? Каким путем предпочитают ходить лошади и где они любят ложиться? Где они пасутся днем и где ночью? Когда сюда приходят люди, где они останавливаются, чтобы побеседовать или разжечь костер? Где они предпочитают стрелять? Ему потребовалось четыре года, чтобы изучить все пастбища, облазить все холмы и болота и найти ответы на все эти вопросы, бла-

годаря чему он определил, как можно наилучшим образом воплотить свою мечту в жизнь.

Нужно было восстановить каждую деталь этого древнего искусства. Природный ландшафт предоставил в его распоряжение естественный скаковой круг, вдоль которого расположились мишени. Кашаи приобрел вторую лошадь, бедную хромую кобылу, которую должны были отвести на живодерню, и поэтому она обошлась ему очень дешево. После нескольких месяцев тщательного ухода и нежной заботы Белла превратилась в холеное, ласковое и чрезвычайно восприимчивое животное. Занимаясь с ней, Кашаи выяснил, как нужно приучать лошадь к поводу, седлу и всаднику с луком. Белла научилась ровно идти галопом по кругу, затем делать то же самое без повода, затем спокойно воспринимать необычные звуки, издаваемые пролетающими над ее головой палками, лентами, мешками и мячами. Теперь она была готова к резким звукам спускаемой тетивы и летящей стрелы, а также к движениям сидящего на ней лучника, который время от времени стреляет, и умела поворачивать и менять шаг, подчиняясь едва заметным движениям ног всадника и смещением веса его тела вперед или назад.

Первый опыт стрельбы из лука верхом стал для Кашаи настоящим откровением. Его мишенью была охапка сена. За один проход галопом в 2—3 метрах от нее он успевал выпустить всего одну стрелу, да еще и не всегда попадал в цель. А самый знаменитый прием конного лучника, «парфянский выстрел» (выстрел через плечо), и вовсе оказался за пределами его возможностей. Он упражнялся несколько недель. Белла становилась все сильнее и сильнее, а он — уже признанный лучник, выигравший множество соревнований, — все еще топтался на месте. Ему никак не удавалось совладать с сочетанием продвижения вперед и тряски в седле. Он не мог прицелиться и точно выстрелить, не говоря уже о том, чтобы перезарядить лук.

Кашаи был на грани отчаяния. Он никак не мог нау-

читься тому, что Аттила, все гуннские воины, все конные лучники с незапамятных времен умели делать уже в детстве, что было частью их личности и о чем они никогда не говорили тем немногим чужакам, которые изучали их воинскую методику. Кашаи прекратил ездить верхом — не отказавшись от своей мечты, а лишь для того, чтобы познать сущность навыка, которым он пытался овладеть, сущность искусства варваров, скрытую под пеленой цивилизации.

Он погрузился в себя, не пытаясь больше добиться точности стрельбы посредством технических ухищрений и рационализации действий. Технология и здравый смысл — не тот путь, который в данном случае может привести к цели. Он обратился к практике Дзен, основывающейся на внутренней гармонии и обеспечивающей достижение успеха при наименьших стараниях. По своей сути, это тот же самый подход, к которому прибегает ребенок, пытаясь научиться ездить на велосипеде. Этот подход называется «расслабленная концентрация», и с его помощью спортсмены в тех дисциплинах, где требуется мгновенная концентрация сил — метание копья, прыжки в высоту, прыжки с шестом, — ставят рекорды без видимого напряжения.

Кашаи вернулся к основам: лошадь и всадник. Он начал ездить без седла, желая почувствовать тело лошади и стать с ней единым целым. Боль стала для него образом жизни. Он постоянно падал на землю, после чего его моча неделями была красной от крови. Он понял: боль и страдание — не одно и то же. То, что ему приходилось терпеть, было не страдание, поскольку никто не заставлял его делать все это. Он сам причинял себе боль, сознавая, что благодаря этому продвигается все ближе к заветной цели. Раны заживают быстро, — говорит Кашаи, — и можно идти дальше, к следующему препятствию, по пути наибольшего сопротивления. Он выбрал тот же путь, что и монахи, надевающие вериги и бичующие себя хлыстами, и это наполняло его неистовой радостью близящегоо-

ся спасения. Было ли это навязчивой идеей или легким помешательством? Наверняка и он не имел ничего против такого безумия.

Это безумие породило успех, после чего вновь уступило место здравому смыслу. Кашаи научился отделять верхнее тело от нижнего. Теперь он мог устойчиво сидеть на лошади, идущей рысью, без седла, держа в вытянутой левой руке стакан с водой. Он приобрел еще несколько лошадей и обучил их. Он тренировался при самых неблагоприятных погодных условиях — в дождь, грязь, снег, на замерзшей земле. Особое внимание он уделял «парфянскому выстрелу», разворачивая верхнюю часть туловища на 180 градусов. Он превратился в кентавра — получеловека-полулошадь, — который являлся для греков символом скифского конного лучника.

Между делом он отточил свой навык стрельбы. Главным камнем преткновения была скоростная стрельба, когда стрелы нужно выпускать одну за другой и как можно быстрее. Это совсем не то что стрелять, стоя на ногах, поскольку перезарядка лука на лошади требует особого умения. Стрела имеет выемку на заднем конце, в которую входит тетива. Каждому любителю известно, что операция по заряданию лука предусматривает множество движений: нужно опустить лук, повернуть его в горизонтальное положение, достать стрелу, правильно расположить ее по отношению к луку, надеть ее выемкой на тетиву, взяться кончиками трех пальцев за тетиву, сжать двумя пальцами стрелу, поднять лук, натянуть тетиву, прицелиться и выстрелить. Все это занимает около 30 секунд — примерно то самое время, которое ушло у вас на ознакомление с данной инструкцией.

Чтобы научиться быстро стрелять, Кашаи понадобились годы и множество экспериментов. Для начала нужно забыть о колчане. Он служит лишь для хранения стрел, но не предназначен для тех стрел, которые должны быть выпущены в данный момент, потому что извлечение стрел

ВОЗРОДИВШИЙСЯ АТТИЛА

Венгр Лайош Кашаи сделал стрельбу из лука верхом делом всей своей жизни (смотрите главу 3). В одиночку воссоздав это давно забытое искусство, он обучает ему других и устраивает представления в своем поместье недалеко от Капошвара. *На снимке:* осуществляя контроль над лошастью посредством движений ног и тела, он выпускает последнюю из девяти стрел при выполнении упражнения «парфянский выстрел».

Грифон, нападающий на оленя. Изображение на гобелене хунну из Музея монгольской истории в Улан-Баторе.

Один из археологов экспедиции Козлова, С.А. Теплухов, с монгольскими рабочими в раскопанном погребении Нойон Уула, 1925 г.

Это я рядом с шахтой, ведущей в один из курганов, которые настолько заросли зеленью, что их не видно с расстояния нескольких метров.

ВОЗМОЖНО, В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ ОСТАЮТСЯ СЛЕДЫ ПРЕДКОВ ГУННОВ.

Ученые давно подозревают, что гунны происходили от хунну. Если это так, находки, сделанные в погребениях хунну Нойон Уула (смотрите карту на стр. 36—37) и в других местах, свидетельствуют о том, что они забыли о своем происхождении, поскольку хунну были цивилизованным народом, имевшим несколько городов и богатые традиции в области прикладного искусства (подтверждением чему служат изображенные ниже предметы, датируемые периодом 200 г. до н.э. — 200 г. н.э.).

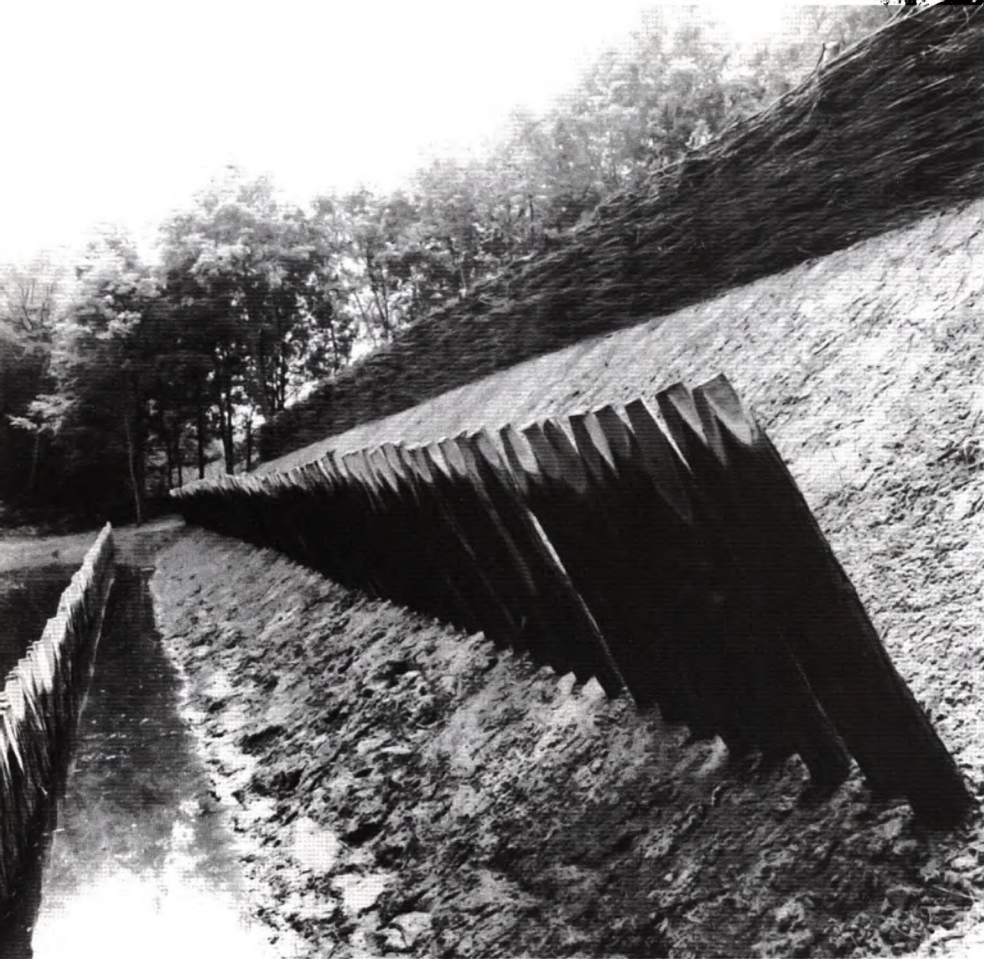

Железные стремяна хунну, датируемые периодом до II века. Если гунны были потомками хунну, они могли использовать железные стремяна во время миграции на запад, хотя какие-либо свидетельства на этот счет отсутствуют.

Серьга женщины из высшего сословия хунну. Изображение оленя сходно с изображением оленя на гобелене (смотрите выше).

Портрет, вышитый на куске ткани.

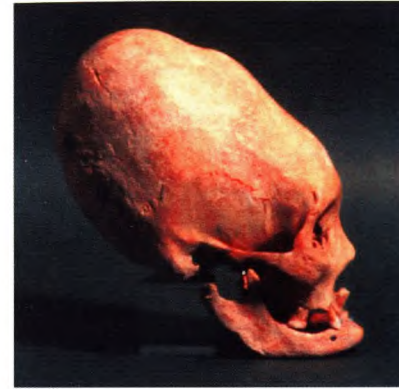

«Дьявольская канава» — воссозданное оборонительное укрепление сармат неподалеку от Дебрецена в Восточной Венгрии.

НА ЗАПАД

Придя из глубин Центральной Азии, гунны переправились через Днепр (картина в нижней части разворота) и вторглись на земли алан (подгруппа сармат), затем на земли остготов и вестготов, которые подчинили себе остатки других сармат. Эти племена имели между занимаемыми ими территориями фиксированные границы.

На востоке Венгрии археологи раскопали и реконструировали сарматские оборонительные сооружения, которые преодолели гунны во время миграции на запад. Гунны принесли с собой традиции (деформация черепа) и художественные ремесла (ювелирное искусство и изготовление железных изделий).

Удлиненный череп, результат применения головной повязки в детстве.

Котел: такие большие котлы весили до 40 килограммов.

На этой картине Архипа Куинджи изображен Днепр, каким он был до колонизации украинских степей. Должно быть, примерно таким же он предстал взорам гуннов, переправившихся через него в 375 г.

На римском барельефе изображен бой legionера с варваром. Возможно, это гунн — круглый дом на заднем плане напоминает центральноазиатскую юрту, особый тип шатра, которым пользовались гунны, когда пришли в Европу.

БИТВА ЗА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Хотя гунны Аттилы разграбили много балканских городов, Константинополь остался для них неприступным. Его стены, построенные Феодосием II в начале V века, были слишком массивными, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки (главная фотография). Они были разрушены землетрясением в 447 г., что, вероятно, предоставляло Аттиле возможность завладеть городом. Если это так, то он ею не воспользовался: они были быстро восстановлены.

Медали с изображениями императоров Валента (*вверху*) и Грациана (*слева*), а также монета Феодосия II (*справа*). Валент погиб во время битвы при Адрианопле в 378 г., когда к готам, восставшим против римлян, присоединился отряд гуннов. Часть ответственности за гибель Валента лежит на его племяннике Грациане, императоре Западной империи, который не успел вовремя прийти к нему на помощь. Феодосий II, именем которого названы изображенные выше стены, пытался откупиться от гуннов. Монеты, подобные тем, что представлены на фотографии, должны были быть знакомы Аттиле.

НАЙДЕННЫЕ АРХЕОЛОГАМИ СОКРОВИЩА ГУННОВ

Артефакты гуннов, зачастую позолоченные и инкрустированные полудрагоценными камнями, были найдены в нескольких сотнях раскопанных мест стоянок на территории от Венгрии до Южной России. Среди них «клад», раскопанный возле монастыря Паннонхалма в Венгрии в 1979 г.

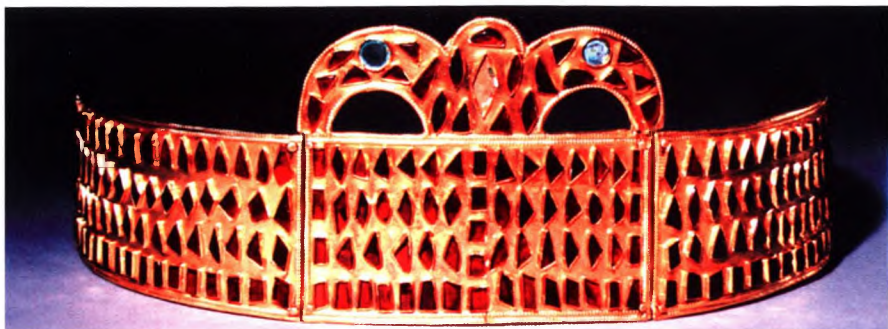
Золотая застёжка в форме цикады.

Золотые ожерелья, инкрустированные гранатами.

Кусочки золота и два ржавых меча (слева) — часть клада Паннонхалмы. Петер Томка, директор Музея Яноша Сантуша (справа), пришел к заключению, что это жертвоприношения, погребенные отдельно от тела их владельца.

Диадемы, подобные этой, укладывались в могилы богатых гуннских женщин. Всего их было найдено около двадцати. Та, что изображена на снимке, изготовленная из позолоченной бронзы и инкрустированная гранатами, была обнаружена в могиле недалеко от Керчи в Крыму в начале XX века. Она была надета на голову женщины с деформированным черепом.

из висящего на поясе колчана отнимает слишком много времени.

Делается это так: вы держите в левой руке пучок раздвинутых веером стрел, прижимая их к луку; просовываете руку между тетивой и луком и берете стрелу двумя согнутыми пальцами, прочно удерживая ее с двух сторон, и кладете на нее большой палец; отводите стрелу назад, чтобы тетива сдвинулась вдоль большого пальца и вошла в выемку стрелы; и натягиваете тетиву, одновременно поднимая лук. Однако это всего лишь слова. Для того чтобы претворить их в жизнь, нужно выполнить в высшей степени точные движения, сравнимые с движениями пальцев слепого, читающего по методу Брайля (например, правильность расположения выемки стрелы вы проверяете пальцем, и без соответствующей практики вам вряд ли удастся даже нащупать выемку, не говоря уже о коррекции ее положения, не говоря уже о том, что это делается верхом на скачущей галопом лошади).

Спустя год Кашаи *выпускал три стрелы в течение шести секунд*.

Трижды и очень быстро повторите эту фразу. Именно столько времени требуется ему для того, чтобы выпустить три стрелы подряд.

Теперь пришло время для применения его новых навыков на практике. Он начал заряжать лук и стрелять на скаку, целясь последовательно в трех направлениях: вперед, вбок, назад. Первое время он делал промах за промахом, пока однажды все три стрелы не попали в охапки сена. Это стало настоящим прорывом. Ведь если подобное можно сделать один раз, значит, это можно сделать и два, и тысячу, и сто тысяч раз подряд, хватило бы терпения. В тот момент он впервые почувствовал себя настоящим конным лучником.

Чтобы достигнуть этого уровня, он потратил четыре года, и это было только начало. Впереди его еще ждали открытия. Пешие лучники натягивают тетиву до скулы или подбородка, зачастую целуют ее, а затем тщательно

прицеливаются. Кашаи в течение нескольких месяцев пытался проделать подобное на скаку, но потом был вынужден признать, что это невозможно. Как может всадник выбрать правильный момент для пуска стрелы, когда натянута тетива, мышцы руки и плеч напряжены, а разные части тела совершают разные движения? Однажды он решил прибегнуть к техническому ухищрению: прикрепил к стреле маленький лазер и попытался удержать луч красного света на мишени, когда скакал мимо нее. К его немалому удивлению, стрела прошла далеко от цели. Он не смог удержать луч света даже в пределах метра от мишени. «Этот эксперимент показал, что я знаю абсолютно все о стрельбе из лука, — говорит Кашаи с кривой усмешкой, — за небольшим исключением: я не знаю, каким образом стреле удастся поразить центр мишени».

Он решил попробовать натянуть тетиву не к подбородку, а непосредственно вдоль линии вытянутой руки, подведя стрелу к груди, чтобы затем интуиция подсказала ему момент выстрела. Этот момент наступает тогда, когда после очередного прыжка лошади все четыре ее ноги оказываются в воздухе. В эту долю секунды всаднику ничто не мешает пустить стрелу точно в цель. Однако мозг не успевает вовремя подать команду на выстрел. Здесь не может быть никаких размышлений, никакого анализа. Только действие.

Как вы прицеливаетесь? Да никак, потому что у вас нет для этого времени. Вы отключаете сознание и полагаетесь на интуицию.

Но это требует опыта и информации, которую должен обработать мозг. Как в живописи и поэзии, интуиция ничто без технической основы, без многих лет экспериментов, боли, неудач и отчаяния. В эпосе Кашаи было что-то от средневековой мистической борьбы с долгой темной ночью души.

Затем он попал в некое подобие рая.

«На рассвете я пустил свою лошадь вскачь по хрустальному ковру из капель росы и принялся выпускать стрелы в мишень сквозь пропитанный влагой, подернутый утренним туманом воздух, оставляя в нем ясно видимые следы. Затем я вдруг почувствовал, как яркие солнечные лучи обожгли мое лицо, которое сразу же сделалось красным, все вокруг меня затрещало от сильного жара, и желтый склон холма гудел от звона колоколов, доносившегося из соседней деревни.

Я грезил наяву. Время таяло, словно мед в стакане утреннего чая. Как долго я искал это ощущение! Я гнался за ним, как мальчик, пытающийся поймать бабочку на поросшем цветами лугу. Чудесное насекомое летит зигзагом, словно лист бумаги, подхваченный ветром, затем опускается на душистый цветок. Ребенок бросается к ней, тяжело дыша, и целовко протягивает руку, чтобы схватить ее, но бабочка взлетает, и он опять, спотыкаясь, бежит за ней.

Я бережно держал бабочку между ладоней, стараясь не повредить ее хрупкие крылья. Ветры перемен веяли сквозь меня, пока я ждал момент, когда смогу направить все свои силы на решение новой проблемы».

Новая проблема была не менее серьезной. Речь шла в буквальном смысле о жизни и смерти, ибо без стрельбы из лука верхом Кашаи, по его словам, просто умер бы. Для финансирования своей навязчивой идеи он нуждался в постоянном источнике дохода. Ему пришлось заняться бизнесом, а это означало изобретение нового вида спорта с разработкой соответствующих правил. Его долина вполне подходила для создания базы, а правила были таковы: нужно пройти 90-метровый скаковой круг с тремя мишенями, каждая диаметром 90 сантиметров, которые необходимо поразить одну за другой, целясь вперед, вбок и назад, на полном скаку; прохождение круга со стрельбой должно занимать не более шестнадцати секунд, тогда как опытные всадники проходят его за восемь или девять секунд; первый выстрел должен производиться не далее первых 30 метров круга, а последняя

цель должна быть поражена как можно быстрее посредством «парфянского выстрела», когда всадник скачет прочь от нее; три выстрела в течение шести секунд, выстрел каждые две секунды. Для того чтобы поставить новый вид спорта на ноги, Кашаи нужно было продемонстрировать его возможности и сделать себе имя.

Его следующая грандиозная идея заключалась в следующем: он намеревался скакать по кругу, меняя лошадей, и непрерывно стрелять в течение двенадцати часов подряд. Он закрыл долину, выгнал всех любопытствующих, «вероломных компаньонов», «откровенных врагов», «двуличных любителей» — данные выражения свидетельствуют о том, как трудно иметь дело с этим требовательным, нелицеприятным энтузиастом — и тренировался в течение шести месяцев. «Не было дня, чтобы я не представлял себя на поле битвы. Несмотря на одиночество, я не был одинок ни единой минуты. Мое воображение заполняло долину товарищами по оружию и смертельными врагами». Этот опыт открыл ему новые горизонты успеха и свободы. «Мне кажется, жизнь испытывает каждого из нас, но по-настоящему счастливы только те, кто сам выбирает для себя испытания и ужесточает их вплоть до предела собственных возможностей». Разумеется, все это делалось не только ради духовного совершенствования: марафон Кашаи должен был привлечь средства для создания материальной базы. Пришло время сообщить миру о возрождении стрельбы из лука верхом.

И это произошло. О предстоящем событии были оповещены «Книга рекордов Гиннеса», телевидение и пресса. Съехались друзья и знакомые, чтобы держать лошадей и подавать стрелы. Кашаи стартовал июньским днем в пять часов утра. Вначале он использовал медленных лошадей, выпуская по пять стрел каждые десять или двенадцать секунд, которые требовались им, чтобы пройти круг. Затем, когда усилилась жара, он переключился на более быстрых лошадей, проходивших круг менее чем за

семь секунд, и выпускал по три стрелы за один проход. К пяти часам вечера он проскакал 286 кругов и выпустил свыше 1000 стрел. От усталости Кашаи впал в состояние ступора. Помощники и ученики подбрасывали его в воздух, поздравляя с невероятным достижением. «Я буду вечно обязан им за их энтузиазм, — пишет он с иронией. — Понадобилось еще два часа для того, чтобы я проснулся. Затем накопившаяся за десять лет усталость словно налила мое тело свинцом. Во время вечерних танцев я не проявлял особой активности».

За прошедшие с тех пор пятнадцать лет Кашаи довел свое мастерство почти до совершенства. Новый вид спорта, в котором используется система баллов, завоевал прочные позиции и успешно развивается. С 1990-х годов несколько сотен мужчин и женщин — с каждым годом все в большем числе — овладевали этим суровым искусством, вначале в Венгрии, а теперь еще в Германии и Австрии. Несколько энтузиастов есть также в США. Наступит время, когда приверженцы этого вида спорта будут ратовать за его включение в программу Олимпийских игр.

Тодд Делл из Аризоны познакомился с Кашаи, когда тот проводил занятия в США. Неожиданно интерес к стрельбе из лука и верховой езде, давно тлевший в его душе, разгорелся с новой силой после того, как он понял, что это нечто большее, нежели просто спорт. Это сплав движения и мысли, которые отражают друг друга, мера жизненных успехов и неудач, «ибо нельзя осознать в полной мере, что такое успех, не осознав прежде, что такое неудача». Однако речь в данном случае идет не только об индивидуальных, но и о групповых достижениях, когда члены группы подбадривают друг друга — дух коллективизма весьма редкое явление в индивидуальных видах спорта. Именно так должно обстоять дело с навыком, который обеспечивает выживание в битве как отдельных

индивидов, так и группы в целом. Сегодня появились другие люди, утверждающие, что они обучают стрельбе из лука верхом. «Я встречался с некоторыми из них, — говорит Делл. — Кашаи отличается от них тем, что не просто учит технике стрельбы из лука со скачущей лошади. *Он дает возможность понять душу истинного воина*».

И это действительно так. Если Кашаи — Аттила-лучник, он также и Аттила-вождь. Он создал группу, приверженную достижению конкретной цели. Проводимая им работа раскрывает творческий потенциал как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Он говорит о том, что такое быть воином, но сам далек от жестокостей войны. В случае с Аттилой ситуация была совершенно иной. Тогда все то же, что делает сейчас Кашаи, имело целью и в конечном счете вело к завоеванию, убийству, насилию и грабежу.

В настоящее время долина Кашаи представляет собой центр не просто спорта, но культа, образа жизни, а также вполне самостоятельного бизнеса.

Здесь теперь находится и дом Кашаи — простой, круглый, деревянный, с мебелью, вырезанной из целых стволов деревьев. Кроме дома есть еще и амбар, насыщенный ароматным запахом сена, заготавливаемого для двух десятков лошадей; крытая площадка для обучения верховой езде и арена; два тренировочных скаковых круга и два стрельбища для пешей стрельбы и, на склоне холма, казахская юрта, куда местные дети приходят брать уроки живой истории. После прокладки системы каналов болото превратилось в озеро. В мастерских близлежащего городка изготавливаются луки, стрелы и седла. Большую поддержку предприятию оказывают несколько сотен энтузиастов — главным образом, венгры, но также немцы, австрийцы, несколько англичан и американцев.

Их можно увидеть за работой в первую субботу каждого месяца. Во время моего посещения состав учени-

ков, насчитывавших 35 человек, варьировался в широких пределах — от почти мастеров до шестилетнего мальчика. Среди них было одиннадцать женщин. В конце концов, женщины сражались и в рядах гуннов, и в рядах скифов. Одна из наиболее преданных учениц Кашаи, Петра Энгелендер, ведет собственные курсы неподалеку от Берлина. Кашаи управляет своей общиной подобно сержанту, обучающему новобранцев воинскому искусству. День начинается на арене, окруженной сотней зрителей. Три десятка учеников, выстроившись в шеренги, вслед за учителем вытягивают вперед левую руку и левую ногу, правой рукой тянут к груди воображаемую тетиву, затем, услышав его крик «Хё!», они отпускают ее с криком «Ха!», после чего делают шаг назад, поворачиваются на 180 градусов и повторяют упражнение, но на сей раз вытянув вперед правую руку и правую ногу.

«Важно уметь стрелять с обеих рук, для поддержания симметрии. Это не то что ваш английский длинный лук, — объяснил Кашаи позже, когда мы с ним шли по долине. — Мы должны быть готовы к атаке в равной мере с обеих сторон».

Затем последовали другие вариации на ту же самую тему — имитация выстрелов в шеренгах вперед, вбок, назад, из положения на корточках, под аккомпанемент шаманского барабана — при этом Кашаи все время прохаживался взад и вперед вдоль шеренг. Спустя примерно час ученики побежали в конюшню, переоделись в напоминающие кимоно просторные одеяния и вновь появились на своих лошадях, без седел. Вначале они бросали друг в друга мешки с сеном и дрались ими, затем взяли палки и принялись бить ими по столбам и бросать их словно копья в вырезанные из дерева фигурки.

Это было довольно занятное зрелище, но публика ждала выступления Кашаи, производившего поистине ошеломляющее впечатление. Вдоль края арены встали три человека с шестами, на каждом из которых была закреплена круглая мишень диаметром 90 сантиметров. Кашаи

поскакал галопом по арене. Один из помощников сорвался с места, держа мишень примерно на высоте метра над головой. Кашаи, нагнав и обогнав его в течение шести секунд, выпустил по мишени три стрелы. Тут же побежал второй помощник — еще шесть секунд, еще три стрелы — и за ним третий — те же шесть секунд и три стрелы. Восемнадцать секунд, девять стрел, выпущенных с криком «Ха!», и девять попаданий в цель. Затем словно выступление на бис: тот же галоп, те же люди, только теперь каждый из них держал по две мишени без шестов. На сей раз, когда Кашаи настигал бегущего помощника, тот подбрасывал мишени вверх, через плечи. Шесть летящих мишеней, шесть выстрелов, все в пределах метра от бегущих, и ни одного промаха. Последний помощник падает на колени, словно благодаря богов за то, что он остался жив, и все зрители аплодируют. Лицо Кашаи, как всегда, непроницаемо.

Позже, прогуливаясь по долине, я увидел, как пять учеников стреляют по мишеням, подбрасываемым в воздух. Я наблюдал за ними несколько минут, и ни один из них ни разу не поразил цель. А ведь они стреляли не на скорость, не говоря уже о том, что не сидели при этом на скачущей лошади.

Итак, только Кашаи мог ответить на главный вопрос: если гунны были конными лучниками, вели тот же образ жизни, что и десятки других кочевых племен, почему они добились гораздо больших успехов, чем их соседи? Не только Аттила являлся тому причиной. Гунны начали свои завоевания за два поколения до него, разгромив аланов и готов.

Ключом к успеху гуннов — в буквальном смысле, их секретным оружием — был гуннский лук. Он асимметричен, подобно своему прототипу, которым пользовались хунну: при натянутой тетиве его верхняя часть длиннее нижней. Независимо от того, унаследовали гунны конст-

рукцию лука у хунну или нет, она существовала в течение нескольких столетий и распространилась на восток, в Японию. Асимметричность отнюдь не повышает боевые качества лука — не усиливает его мощност, не увеличивает ни дальность, ни точность стрельбы, поэтому ее смысл и назначение остаются не вполне понятными. Возможно, нижняя часть укорачивалась для того, чтобы она не упиралась в шею лошади. Возможно, это облегчало стрельбу из положения на коленях — хотя в каком случае могла возникнуть необходимость стрелять из такого положения? Кашаи, проникнутый мистическими настроениями, выдвинул версию, будто при натянутой тетиве такой лук напоминал своей формой гуннский шатер или небесный свод. Я же склонен думать, что все дело в традиции: возможно, гуннские луки были асимметричными всегда, так как в древности, когда заготовка вырезалась из ствола дерева, она была скорее асимметричной, нежели симметричной. Вполне вероятно, если бы вы осмелились спросить Аттилу, почему верхняя часть гуннских луков длиннее нижней, он ответил бы через переводчика: «Так мы, гунны, делаем свои луки».

Гуннские луки отличались еще и тем, что были больше по размерам и обладали более выраженной кривизной. Это, по всей видимости, делало их мощнее. Конструкция изменялась в соответствии с изменениями условий ведения боевых действий в степи. Маленький скифский лук надежно служил на протяжении 2000 лет, до тех пор, пока восточные соседи скифов сарматы не нашли защиту от скифских стрел. Они начали использовать доспехи, предохраняющие воинов и лошадей, и стали действовать на поле боя в сомкнутом строю. Этому можно было противопоставить множество самых различных средств — мечи, копья, дротики, тяжелую кавалерию. Но самым эффективным средством был лук, способный пробивать доспехи. Такой лук (подобный тем, что были обнаружены в могилах хунну) гунны принесли с собой с востока. Он имел на концах «крылья» из рога длиной около 3 сан-

тиметров, изгибавшиеся в сторону от лучника. Именно к ним, а не к деревянному остову, крепилась тетива. «Крылья» придавали слабым концам жесткость, которую не могло обеспечить дерево. Их можно сравнить с ногтями, которые способны делать то, что неспособны делать голые пальцы. Кроме того, они увеличивали длину лука, в результате чего возрастала его убойная сила. Это позволяло лучнику натягивать тетиву более тяжелого лука, прилагая меньшее усилие, поскольку загибающиеся «уши» работали, как если бы они являлись частью колеса большого диаметра. Когда лучник натягивал тетиву, «уши» разгибались, удлиняя тетиву. При отпуске тетивы «уши» снова загибались, укорачивая тетиву и увеличивая ускорение стрелы, благодаря чему отпадала необходимость в более длинных стрелах и слишком сильном натягивании тетивы. Это изобретение явилось предзнаменованием системы блоков, используемой в современных составных луках. Оно позволило гуннскому лучнику стрелять чуть дальше — всего на несколько метров, но благодаря этим метрам его стрелы убивали врагов, в то время как стрелы врагов не причиняли ему вреда.

Это прекрасное и сложное оружие имело еще одно преимущество. На его изготовление уходило не меньше года, и оно требовало уровня мастерства, приближающегося к артистизму. Подобные изделия нельзя было штамповать тысячами на заводах Центральной Азии, как это происходит в наши дни с автоматом «калашников». Более того, мастер по изготовлению луков должен был быть еще и мастером по изготовлению «ушей» из рога. Каждый такой лук представлял собой шедевр, и никто другой не мог противопоставить ему ничего подобного.

Однако непревзойденный лук был всего лишь одним из компонентов превосходства гуннов. Он имел важное значение для одиночного воина или небольшой разведывательной группы, но для огромной орды мелкие победы в стратегическом плане ничего не решали. Гунны должны были стать машиной массового уничтожения.

Одним из их преимуществ был кочевой образ жизни, позволявший им воевать круглый год в отличие от западных армий, которые зиму проводили в лагерях, а воевали только летом. Сильные воины на сильных лошадях с легкостью проходили по замерзшей земле и скованным льдом рекам. Другое их крупное преимущество заключалось в том, что они научились воевать как единый организм. Они разработали тактику, соответствовавшую их новому оружию. Если скифы умели налетать словно ветер, гунны научились налетать словно ураган.

Выглядело это следующим образом.

Представьте армию конных гуннов, стоящую перед армией закованной в латы кавалерии — сарматов, готов, римлян, в данный момент это не имеет значения, поскольку все они обладали одними и теми же элементами: все имели луки, все носили доспехи, главным образом кожаные, костяные или бронзовые. Их лошади защищены таким же образом. Гунны одеты легче и, по всей вероятности, не носят доспехов. Они полагаются на свою быстроту и убойную силу своих луков. Каждый из них имеет лук, колчан с 60 стрелами и висящий на поясе меч. Хотя гунны могут ездить без седел, у них имеются седла и, я думаю, стремена из кожи или веревки. В первой линии гуннов находятся два полка, каждый, скажем, по 1000 человек, а за ними располагаются десятки запряженных лошадей повозок с несколькими сотнями запасных луков и 100 000 стрел.

Раздаются звуки трубы. Гунны, находящиеся вне пределов досягаемости со стороны противника, метрах в 500 от него, образуют две огромные массы, медленно закругляющиеся в противоположных направлениях, подобно надвигающейся буре. Поднимаются зловещие облака пыли, и слышится глухой топот копыт. Снова звучит труба, и каждый из 2000 воинов вынимает свободной рукой из колчана шесть, семь, может быть, девять стрел, в зависимости от мастерства и опыта, кладет их под ладонь, держащую лук, и прижимает к его наружному краю.

Еще один сигнал трубы. Всадники трогают лошадей и начинают двигаться кругами диаметром 200—300 метров в ожидании атаки. Лошади знают, что сейчас произойдет. Они потеют по мере нарастания напряжения. Звучит сигнал атаки. От внешней кромки каждой из кружащих масс отделяется шеренга всадников и мчится галопом на неподвижно стоящего противника. Расстояние между ними сокращается: 400 метров, 300 метров. С момента последнего сигнала прошло меньше 30 секунд. Скорость гуннов составляет 30—40 километров в час. На расстоянии 200 метров со стороны противника поднимается в воздух туча стрел, но дистанция слишком велика, и почти все стрелы не достигают цели. На расстоянии 150 метров первые несколько сотен гуннов производят залп по узкому участку вражеских рядов шириной 100 метров. Стрелы летят со скоростью 200 километров в час. Они снабжены маленькими трехгранными железными кончиками, острыми, словно иглы, и обладают пробивной способностью пули. На расстоянии 100 метров гунны разворачиваются на 90 градусов и мчатся вдоль вражеских рядов, стреляя вбок, почти горизонтально. Вспомнив Кашаи, который за 90-метровый круг выпускает шесть стрел, можно представить количество выпущенных ими стрел. Тем временем находящаяся за ними основная масса тоже осыпает противника стрелами. В течение пяти секунд 1000 стрел способны поразить 200 вражеских воинов. Таким образом, скорострельность гуннов составляет 12 000 стрел в минуту, что эквивалентно десяти пулеметам. Теперь, на том же расстоянии 100 метров, атакующие первой шеренги разворачиваются и скачут назад от противника. При этом они стреляют по его рядам еще один или два раза, целясь поверх голов оставшихся сзади них соплеменников. Выхватив из колчанов еще один пучок стрел, прижав их к луку, нащупав на них выемки и развернув их в правильное положение, они возвращаются на поле битвы. Ураган набирает силу. 100 всадников на переднем крае носятся вдоль рядов противни-

ка, за ними десять шеренг, и все рвутся в бой, стремясь занять как можно более выгодное положение. Жителям близлежащих деревень, которые видят поднимающиеся над выжженной солнцем степью вихри пыли, все это действительно представляется похожим на ураган. В течение 45 секунд, что более чем достаточно для того, чтобы преодолеть галопом 400 метров, еще 200 врагов падают замертво, пораженные 5000 стрел, по 25 на человека. Разумеется, большинство из них отбивают щиты, но некоторые все же находят цель. Место павших занимают другие, чтобы тоже пасть.

Рассмотрим этот феномен в более широком контексте. Никому и никогда не удавалось достигнуть такой скорости стрельбы. Ничего подобного не было до того момента, когда во время Столетней войны французы столкнулись с англичанами, вооруженными большими, в человеческий рост, луками. Но английские лучники стояли на месте и поэтому были лишены того преимущества, которое давала гуннам их маневренность. Никому не удавалось создать такую плотность стрельбы вплоть до изобретения многозарядных ружей во второй половине XIX века, и даже тогда вооруженные ружьями солдаты не шли ни в какое сравнение с лучниками. Лучники учились своему мастерству с детства и поэтому представляли ценность, а солдат обучали обращению с ружьем в течение нескольких дней и потом легко находили им замену.

В течение 10 минут с расстояния 100 метров гунны выпускают по противнику 50 000 стрел. Теперь вспомните о том, что воины одного полка, находящегося слева, стреляют с правой руки, а второго, находящегося справа, — с левой. Они контролируют разделяющие их 200 метров поля битвы. Стоит одному воину противника пасть, образуется брешь, в которую тут же полетят стрелы, и плотина будет прорвана.

Разумеется, воины разных армий были защищены по-разному. Персы, сарматы, готы и римляне имели конницу, защищенную доспехами, и пехотинцев в доспехах и

со щитами, вооруженных копьями, дротиками и пиками. Иногда их поддерживали катапульты. У гуннов могла возникнуть необходимость прорывать надежно защищенные ряды с помощью других средств, и они применяли другую тактику, в частности, ложное отступление, чтобы выманить противника вперед, в результате чего его строй ломался сам по себе и в нем образовывались бреши. На близких дистанциях гунны использовали лассо — традиционное оружие пастухов. Сегодня в Монголии сельские жители используют лассо на шестах для ловли овец и коз. «Если враги предохраняются от ран, причиняемых мечами, — пишет Аммиан, — гунны набрасывают на них полоски ткани с петлями на конце, и те настолько запутываются в них, что лишаются способности перемещаться верхом и пешком».

Все это давало гуннам преимущество на открытой местности. Их тактические приемы были чрезвычайно эффективны в степи, когда они столкнулись с более статичными сарматами, аланами и готами. Но к моменту рождения Аттилы, когда гунны овладели равнинами восточной Венгрии, степей, которые можно было бы завоевать, уже не осталось. Традиции, связанные с кочевым образом жизни, исчерпали себя. Теперь гунны жили среди лесов, гор и городов, и им предстояло в скором времени столкнуться со стратегическими и тактическими проблемами, к чему они не были готовы.

Часть II

СОПЕРНИКИ

4

ХАОС НА КОНТИНЕНТЕ

В 380-х годах гунны обосновались на Венгерской равнине, обретя здесь новую родину, хотя она и не казалась им идеальной. До этого в течение по меньшей мере одного поколения они мигрировали и жили тем, что им удавалось добыть войной. Гунны занимались грабежом только для того, чтобы выжить. И вдруг они оказались в окружении. К востоку высились Карпатские горы, через которые они перешли несколькими годами ранее. В той стороне для них уже не было ничего интересного. На юге и западе тек Дунай, являвшийся границей Римской империи, берега которого были защищены крепостями и сильными армиями. К северу и западу жили германские племена, которые могли бы стать их вассалами, но не были особенно богаты. Нужно было время для того, чтобы решить, в каком направлении следует осуществлять экспансию. Будущее представлялось недавним кочевникам туманным и неопределенным.

После Адрианополя римляне пытались восстановить мир и спокойствие в империи и за ее пределами, но все было тщетно. Балканы продолжали бурлить, там бесчин-

ствовали банды готов, пока западный император Грациан и его восточный соправитель Феодосий Великий, каждый в индивидуальном порядке, не заключили с ними мир в 380—382 гг., задоблив их освобождением от податей, предоставлением земель и привлечением на военную службу. Когда в готском государстве начались гонения на христиан, Феодосий послал армию на их защиту от язычников. Он выиграл время, превратив готов в союзников, хотя их версия христианства (они были арианами) считалась еретической. Перед своей смертью в 395 году он распространил Никейский Символ Веры на всей территории империи¹. Вместе с его кончиной пал бастион сопротивления беспорядку и варварской заразе. Его преемниками были два сына, не унаследовавшие от отца политическую мудрость и силу духа, — Аркадий, ставший в 18 лет правителем Востока, и Гонорий, ставший в 11 лет правителем Запада.

Империя превратилась в смесь различных культур, перемешавшихся и взаимозависимых. Одни варвары перешли к оседлой жизни, другие продолжали мигрировать — например, вестготы. Их новый вождь Аларих совершил настолько успешный марш по Балканам, что его назначили правителем провинции, но это был лишь этап на пути к обретению лучшей родины для его народа в пределах империи. В обеих ее частях готы и другие варвары — даже отдельные гунны — становились старшими чиновниками. Теневой правитель Западной Римской империи Стилихон, вандал по происхождению, был женат на племяннице Феодосия. Готы составляли целые контингенты в армиях обеих империй, и всегда существовала опасность того, что они скорее будут верны своим командирам, нежели императорам. Варвары быстро становились арбитрами судеб Западной Римской империи. В 401 г. Аларих привел вестготов в Италию, вынудив им-

¹ В том же году Римская империя окончательно разделилась на Западную Римскую и Восточную Римскую, или Византийскую, империи. (*Прим. пер.*)

ператора перевезти свой двор в Равенну, где он оставался в течение столетия.

В 405—407 гг. варварские армии готов, аланов, вандалов, швабов, алеманов и бургундов прошли смерчем по Галлии и Италии. Стилихон пытался организовать сопротивление, но был схвачен варварами и казнен. В 410 г. Аларих захватил Рим. Впервые за последние 800 лет враги оказались в пределах стен Вечного города, и это событие было столь шокирующим для христиан, что вдохновило святого Августина, епископа из Гиппо (Северная Африка), на сочинение одной из наиболее влиятельных книг столетия «О граде Божьем». Аларих умер в том же году, и его воины, так и не обретшие родину, вернулись в Галлию, затем проследовали в Испанию и, вновь перейдя Пиренеи, обосновались наконец на землях, ныне называемых Аквитанией. В 418 г. их новая столица Тулуза стала центром полуавтономной области, поставлявшей Западной Римской империи войска в обмен на зерно. Варвары и римляне смешивались в географическом, военном, общественном и политическом планах. Показательным примером тому служит судьба дочери Феодосия и сестры императора Гонория, 20-летней Галлы Пласидии, которая против своей воли стала женой наследника Алариха, Атаульфа.

Однако та же самая судьба все же оказалась к ней довольно благосклонной. После смерти Атаульфа она опять вышла замуж (и опять против своей воли) за римлянина, подходившего ей по занимаемому положению — патриция и полководца Константина, соправителя империи в течение семи месяцев 421 года. Этот брак открыл ей путь во власть, в результате чего, после множества перипетий, она стала одной из самых влиятельных женщин своего времени. Когда Константин умер, ее обвинили в интригах против собственного брата, и она бежала в Константинополь с дочерью Гонорией и четырехлетним сыном Валентинианом, наследником императора Западной Римской империи. В Константинополе Восточной Римской

империей правил сын Аркадия Феодосий, который на короткий период времени в 423 г. стал единоличным правителем обеих частей империи в возрасте 22 лет. Тем не менее он оказал поддержку Галле Пласидии, когда она потребовала западный престол для юного Валентиниана. Когда в том же году при дворе в Равенне было принято решение короновать чиновника по имени Иоанн, не имевшего никакого отношения к императорской семье, Феодосий послал на запад армию, чтобы свергнуть узурпатора. В результате на престол взошел Валентиниан, которому теперь было шесть лет, а Галла Пласидия вернулась в Италию вместе с дочерью Гонорией (которой позже предстоит сыграть драматическую роль в нашей истории).

Такая ситуация складывалась в 420-е годы, когда Атилла вступил в пору зрелости: империя окончательно разделилась на две части, раздираемые религиозным и политическим соперничеством, на ее территории обитают полдюжины варварских сообществ, на северной границе царит хаос, в армиях обеих империй служат люди, чья лояльность вызывает большие сомнения. Амбициозному вождю, утвердившемуся к северу от Дуная, эта ситуация казалась весьма многообещающей.

Вернемся на 40 лет назад и посмотрим, чем все это время занимались гунны.

Впервые они появились в Западной Европе в 384 году, когда их вместе с их вассалами аланами пригласили укрепить ряды императорской армии в гражданской войне против узурпатора Максима. Гунны помогли выдворить Максима из Италии и, по всей вероятности, углубились бы в пределы империи, если бы им не были преподнесены дары, дабы они вели себя надлежащим образом и отправились восвояси. Их хорошее поведение побудило Феодосия вновь нанять их четыре года спустя для подавления мятежа в Италии. «Удивительное дело, — пишет

историк IV века Латин Папат. — Готы, гунны, аланы откликаются на перекличке, несут караульную службу и редко нарушают дисциплину. Они ведут себя совсем не как варвары». Но на сей раз, одержав победу, отряды варваров отказались возвращаться домой. Святитель Иоанн Хризостом (Златоуст), епископ Константинопольский, пишет о том, что произошло после этого: «То, чего никогда не было ранее, случилось. Варвары, покинувшие свою страну, пришли к нам. Они жгут деревни, захватывают города, глумятся над нами и не собираются возвращаться домой». Это были не войска, подчиняющиеся центральному командованию, а разрозненные банды грабителей, совершавшие молниеносные налеты и скрывавшиеся с добычей. Их было невозможно разбить на поле боя. Это все равно что воевать с тенью. Константинополь предложил сделку: варвары — в основном готы, но также и группы гуннов — становятся союзниками империи, *федератами*, и получают земли к югу от Дуная. Гуннские кланы не имели общего руководства, являясь, по сути, семейными группами, но это был первый случай, когда гунны находились на территории империи легально.

К северу от Дуная основная масса гуннов, владевшая на данный момент восточной Венгрией и Румынией, имела, по крайней мере, зачатки единства под руководством наследников Баламбера, Басиха и Курсиха. Древнее кладбище, раскинувшееся неподалеку от деревни Кшаквар, расположенной на краю поросших лесом холмов Вертеш, между Будапештом и озером Балатон, являет собой пример смешения культур. Здесь погребены исконные жители этих мест вместе с римлянами и теми, кто перевязывал детям головы, хоронил лошадей и носил на голове ленты с золотыми и серебряными пластинами, а также серебряные и бронзовые серьги. Но эти земли мало подходили кочевникам. Местная экономика пребывала в плачевном состоянии. Пастбищ в поросших лесами долинах Карпат было мало, и те, кто жил со своими стадами на венгерской *пуште*, начинали понимать, что это

отнюдь не степь их мечты, поскольку река Тиса разливалась каждую весну, разрезая их пастбища на две части. У них имелись рабы — военнопленные готы и аланы из-за Карпат, а также сарматы, тоже некогда бывшие хозяевами Венгрии и поэтому знавшие, как нужно обрабатывать здесь землю. Но местное сельское хозяйство не давало достаточных объемов продовольствия, в которых нуждались гунны. Они могли отнимать его у аборигенов или покупать у соседей, если, конечно, у них были деньги. Золотые монеты были ценным исходным материалом для получения золотых чешуек, которыми гуннская знать украшала конскую сбрую, оружие и головные уборы.

Где взять золото? На Балканах все, что можно, уже было разграблено, а Константинополь представлял собой крепкий орешек. Они искали более легкую цель.

В 395 г. гунны обратили свои взоры на восточные провинции империи, которые оказались незащищенными, поскольку императорская армия увязла в очередной гражданской войне в Италии. Для того чтобы добраться туда, им нужно было обогнуть Черное море и пройти около 1500 километров. Но их путь пролегал через земли, которые некогда принадлежали готам и аланам, а теперь являлись частью их территории. Стояла весна, и пастбища покрылись молодой травой. При наличии двух или трех запасных лошадей у каждого всадника, армия гуннов, не обремененная повозками, могла покрывать по 160 километров в день по южнорусским степям, и спустя месяц перед ней открылись заснеженные вершины Кавказа. Затем потребовались бы еще две недели на преодоление гор — по всей вероятности, через Дарьяльское ущелье, поскольку это наиболее удобный путь через Центральный Кавказ — и проникновение в Грузию. Дальше лежала христианская Армения и в 1200 километрах от нее находились богатые города сирийского и финикийского побережья. В то лето по всей Центральной Турции пылали деревни. Согласно одному источнику, гунны захватили в Сирии 18 000 рабов.

Живший в ту пору в Вифлееме ученый и будущий святой, блаженный Иероним, узнав об их приближении, затрясся от страха. Он родился в Северной Италии и учился в Риме, где стал христианином, потом прожил много лет в Антиохии, пытаясь разрешить спор по поводу арианства — ереси, отрицавшей божественную сущность Христа. Иероним много путешествовал — Рим, Греция, Святая земля, Египет, — пока не обосновался в Вифлееме. Теперь он решил, что единственный путь к спасению — бегство к побережью. Спустя год, когда все закончилось, он так описывал эти события:

«Волки, но не арабские, а северные, набросились на нас в прошлом году, спустившись со скал Кавказа, и в течение короткого периода времени пронесли по большой территории. Сколько монастырей было захвачено, сколько рек оросилось человеческой кровью! ... Даже если бы я имел сотню языков и голос из железа, то не смог бы рассказать о каждом несчастье... Мчась на своих быстрых лошадях, они всюду сеяли панику и опережали распространявшиеся о них слухи. Они не знали жалости ни к кому — ни к старику, ни к плачущему ребенку. Те, кто только начал жить, погибли... Мы сами были вынуждены приготовить корабли и ждать на берегу приближения врага, страшась варваров гораздо больше, нежели кораблекрушения, хотя на море был сильный шторм».

Христианский священник из Сирии Кирилл едва не утратил веру из-за явного «самоустранения» бога и облек свои переживания в форму трогательной поэмы:

«Каждый день наполнен тревогой, каждый день новые сообщения о несчастьях, каждый день новые нападения и схватки. В разрушенных городах никого не осталось, все уведены в плен... Купцы мертвы, женщины остались вдовами... Если гунны захватят меня, о господи, зачем я прибегаю к помощи святых мучеников? Если их мечи поразят моих сы-

новой, зачем я поклонялся твоему кресту? Если ты отдашь им наши города, где будет сиять слава твоей святой Церкви? ... Не прошло и года с тех пор, как гунны обездолили меня, увели моих детей в плен, и вот опять они угрожают унижить нашу родину».

Но гунны так и не достигли Палестины. Иероним вернулся в свой дом в Вифлееме. Повторное вторжение не последовало, так как продвижение гуннов вдоль Евфрата и Тигра привлекло внимание персов. Они отбросили их обратно на север, отобрали награбленное и освободили 18 000 пленных. Когда греческий чиновник Приск услышал об этом походе спустя 50 лет, ему рассказали, что гунны, дабы оторваться от преследования, избрали для отступления другой маршрут, «мимо языков пламени, вырывавшихся из-под скал под морским дном», что наводит на мысль о богатом нефтью побережье Каспийского моря. Марко Поло тоже свидетельствует об этом феномене, описывая «мощный фонтан масла... Этим маслом нельзя приправлять еду, но оно хорошо горит».

Таким образом, этот поход нельзя назвать абсолютно успешным, но тем не менее это было огромным достижением. Да, гунны, возможно, лишились части добычи и рабов, но они значительно расширили свои географические познания и военный опыт. До сих пор они не проводили такой кампании, беспрецедентной по скорости и жестокости. С ними смогли сравниться только монголы 800 лет спустя. Это должно было придать им уверенности в себе. Каких результатов они могли бы достигнуть, если бы снова атаковали восточную империю, на сей раз пройдя прямо на юг, через Балканы, всего-навсего 800 километров от Венгерской равнины, пятую часть покрытого ими расстояния?

Прошло девять лет. На северных рубежах все было спокойно. Возможно, готские рабы показывали более высокую производительность, Тиса вела себя лучше, добычи

от похода за Кавказские горы хватало на безбедное существование. При новом предводителе Улдине гунны даже сумели снискать расположение Константинополя, разобравшись с одним из готских вождей по имени Гайна-нас, который, будучи командиром подразделения императорской армии, изменил империи. Короткая кровопролитная война завершилась смертью Гайна-наса, чья голова была преподнесена в дар императору Аркадию.

Если не считать подобных эпизодов, гунны вели мирную жизнь, оставаясь в пределах своей новой родины вплоть до зимы 404—405 гг., когда Улдин повел своих людей через замерзший Дунай во Фракию. Это стало всего лишь тренировочным походом — гуннам нужно было немного разогреться. Менее чем через четыре года, в 408 г., Улдин вернулся во главе большой армии. Момент для нанесения удара был выбран как нельзя более удачный: как раз в это время вестготы двигались на Рим, массы вандалов и других варваров переправлялись через Рейн, а византийская армия была отведена на восток, для укрепления границы с Персией. Волны смятения, вызванного вторжением гуннов, докатились до Иерусалима, где Иероним пришел к заключению, что на погрязший в грехах римский мир вновь обрушилась божья кара под видом диких племен.

Остановить гуннов силой было невозможно, и поэтому неназванный византийский полководец вступил с ними в мирные переговоры, чтобы откупиться от них. Ранним летним утром он и вождь гуннов встретились где-то в северной части Фракии. На Улдина предложение византийцев не произвело впечатления. Указывая рукой на восходящее солнце, он заявил, что способен захватить все освещаемые им земли, если они не заплатят ему сумму, которая представлялась ему достаточной. К несчастью для него, некоторые из его командиров соблазнились предложенными деньгами и ушли, позволив византийцам разгромить сохранившие верность Улдину войска и привести оставшихся в живых в Константинополь в це-

пях. Повествующий об этой истории церковный историк Ермий Созомен Саламанский, который жил в Константинополе в середине V века, сообщает, что впоследствии видел многих из этих людей работавшими на фермах вблизи горы Олимп. Улдину, чей авторитет был в значительной мере подорван, чудом удалось бежать обратно за Дунай. После этого на реке постоянно несли патрульную службу корабли, срочно присланные сюда для укрепления Дунайской флотилии.

Улдину не были нужны земли или право селиться на них, как готам за 30 лет до него. Новые территории распылили бы силы гуннов и тем самым ослабили бы его могущество. Ему были нужны деньги, так как кочевое скотоводство, даже в сочетании с эксплуатацией труда рабов-земледельцев, не приносило больше достаточных средств существования. Для сохранения власти он нуждался в национальном единстве, а для этого ему требовались деньги, чтобы купить преданность подданных. Очевидным источником денег являлись Рим и Константинополь, и чтобы получить их, ему была нужна сильная армия. Власть, единство, контроль над вассалами, давление на обе империи — и все это ради сохранения опять же власти и единства. Гунны попали в замкнутый круг, и, чтобы выжить, они должны были воевать и завоевывать.

Как уже было сказано, после кампании 408 г. власть Улдина ослабла. Вассалы начали постепенно разбегаться, и даже его воины уходили целыми группами — одни присоединялись к готам в их марше на Рим, другие вступали в ряды римской армии, защищавшей Вечный город.

Что мог сделать Улдин? Ничего, что могло бы оказать какое-либо влияние на мир, простиравшийся за Дунаем. Он сконцентрировал свою власть на небольшой группе, известной как гепиды, которые жили в степях к востоку от Тисы. Среди примерно 100 раскопанных археологами мест стоянок в этой области многие содержали образцы серебряных пряжек с головой орла — украшение, характерное для гепидов. С той поры гепиды стали ча-

стью гуннской федерации. Больше о деятельности гуннов в первые два десятилетия V века ничего не известно. Историк Олимпиодору из Фив в Египте приписывают подробный отчет о своем визите к некому королю гуннов Шаратону примерно в 412 г. Нам известно об этом событии только со слов других. Однако в 22-томной «Истории» Олимпиодора о нем нет ни малейшего упоминания, и имя Шаратон остается не более чем просто именем.

Представляется весьма вероятным, что отношения гуннов с Западной и Восточной империями были не во всем одинаковыми. Два закона, принятые в Константинополе в 419 и 420 гг., позволяют предположить, что амбиции Шаратона были устремлены на Восток. Первый закон предусматривал смертный приговор для всякого, кто откроет варварам искусство кораблестроения; второй запрещал экспорт по морю некоторых товаров. Эти законы вполне могут свидетельствовать о том, что у гуннов были намерения создать морскую торговую державу и что византийцы помешали им. Если это так, то именно противодействие Константинополя вынудило гуннов снова жить за счет грабежа.

И, по всей очевидности, они занимались грабежом. Это единственный вывод, который можно сделать из содержания эдикта о строительстве оборонительных сооружений Константинополя, в частности, новой стены, начатом в 413 г. в ответ на гуннскую угрозу. Стена была названа в честь императора Феодосия II, но когда она возводилась, он был еще ребенком. Этот проект был задуман и осуществлен регентом, преторианским префектом Анфимием, много сделавшим для защиты Восточной империи. Наряду с организацией корабельного патрулирования Дуная он подписал мирный договор с Персией и стремился к улучшению отношений с Римом. Новая стена была нужна, потому что Константинополь разросся и вышел за пределы старых укреплений, сооруженных Константином. Вал длиной 5 километров с девятью

воротами и десятком башен должен был располагаться между Мраморным морем и заливом Золотой Рог. Башни были достаточно большими, и власти разместили в них небольшие частные предприятия, позволив первоначальным владельцам земли использовать нижние этажи, освободив их от обычного для того времени обязательства, согласно которому в случае необходимости государственные здания должны предоставляться в распоряжение армии. Через девять лет строительство стены было завершено, и она поступила в распоряжение не пятнадцатилетнего Феодосия, а его амбициозной старшей сестры Пульхерии. Возможно, это была ее идея выпустить новый эдикт, предусматривавший, что помещения первых этажей башен должны предоставляться в распоряжение солдат, готовящихся к войне или возвращающихся с нее. «Владельцы земли не будут обижены этим нововведением, — заявил автор закона, прекрасно сознавая, какие протесты он способен вызвать. — Даже частные домовладельцы обычно отводят треть своих площадей под эти цели».

Почему в этом была необходимость? В одном из своих кратких комментариев летописец VI века Марцеллин Ком сообщает: «Гунны опустошили Фракию». Никаких подробностей он не приводит.

Отношения гуннов с Западной империей приняли иной оборот. Некоторые их группы получили статус *федератов* и земли вокруг восточной оконечности озера Балатон, а их контингенты влились в римскую армию. Казалось, гунны и местные римляне живут душа в душу в атмосфере взаимной терпимости, пусть и под надзором римских солдат, продолжавших стоять гарнизоном в крупной крепости Валкум, охраняя дороги, ведущие вокруг западной оконечности озера Балатон через область, которую римляне называли Валерия. Сегодня от нее остались лишь руины, расположенные неподалеку от де-

ревни Фенекпушта. Занимавшая площадь 350х350 метров, имевшая 44 башни и 4 ворот, эта крепость была также и городом. В ней находились военный штаб, гражданские службы, церковь и здание длиной 100 метров, которое могло служить торговым залом. Найденный плут свидетельствует о том, что город жил за счет сельскохозяйственных культур, выращивавшихся на окрестных полях, а 82-килограммовая наковальня говорит о наличии в нем средств производства. В Валкуме имелись собственные кузнецы, каменщики, гончары, кожевники, ткачи и ювелиры (которые, судя по предметам, найденным в мастерских, не изготавливали собственные изделия, а переделывали и ремонтировали старые). Здесь жили сотни человек, а тысячи приходили сюда торговать — включая, похоже, и местных гуннов.

При этих весьма благоприятных обстоятельствах, вероятно, около 410 г. у гуннов оказался в заложниках римский юноша Флавий Аэций. Это незначительное событие впоследствии имело самые серьезные последствия для всей Европы. В данном случае слово «заложник» не вполне подходит, поскольку молодой человек приехал к гуннам, во-первых, в знак подтверждения благородных намерений — разумеется, в обмен на столь же высокопоставленного гунна — и, во-вторых, в качестве посла доброй воли, что-то вроде современного волонтера Корпуса Мира, в чью задачу входило установление хороших отношений и обеспечение потока информации. Как и любой посол, он выполнял функции разведчика. Он уже занимался чем-то подобным у готов Алариха, прожив среди них три года. Опыт Аэция позволял ему играть роль как миротворца, так и военного советника. Он говорил на готском, гуннском, латыни и греческом. Всюду у него были друзья. Он использовал свои знания и контакты для поддержания мира с гуннами на протяжении следующих 30 лет, и это помогло ему стать величайшим полководцем Западной Римской империи.

Опыт Аэция пригодился довольно скоро. В 423 г. раз-

разилась война между Римом и Константинополем — гражданская с точки зрения тех, кто все еще считал империю единым целым, — когда узурпатор Иоанн, простой гражданский служащий, был провозглашен императором в Равенне и византийская армия выступила в поход, чтобы свергнуть его. Иоанн нуждался в помощи, и Аэций, которому было теперь около тридцати, мог оказать ее ему в виде своих друзей-гуннов. В 425 г. Аэций вернулся к гуннам с сундуками, набитыми золотом. Это был аванс, а остальное они должны были получить после разгрома византийцев. Огромная армия гуннов — позже некоторые источники сообщали о 60 000 воинов, но ученые считают, что эта цифра сильно преувеличена, возможно, в десять раз, — атаковала византийскую армию с тыла, вскоре после того, как та достигла Равенны. Они опоздали: тремя днями ранее Иоанн был казнен. Тем не менее гунны вступили в бой и сражались до тех пор, пока Аэций не понял, что в этом нет никакого смысла, и не побудил их заключить мир — естественно, в обмен на дополнительное золото. Гунны были готовы воевать на чьей угодно стороне, лишь бы им платили, и охотно остались бы на службе Западной империи. Но новые правители в Равенне нуждались в мире. Аэций был послан наводить порядок на беспокойной северной границе в Галлии, где он оставался в течение следующих семи лет, а гунны вернулись домой, в Паннонию и Валерию, где им, в знак признательности, было позволено завладеть поместьями и крепостями.

Таким образом, благодаря Аэцию и правителям Западной империи гунны сумели закрепиться на территории современной Венгрии и создать там прочную базу для вождей с более масштабными амбициями. (Это был не последний случай, когда римляне покровительствовали варварам в надежде на их умиротворение, а те потом платили им черной неблагодарностью.) Такими вождями оказались два брата, Октар и Руга. Откуда они пришли, никто не знает. Возможно, это были потомки

Баламбера, Басиха, Курсиха, Улдина и/или загадочного Шаратона. А может быть, они происходили из какого-то нового клана, приобретшего сильное влияние. Причины этого «двойственного правления» стали предметом разного рода дискуссий в научных кругах. Скорее всего, здесь нет никакой загадки, ибо подобное случалось у гуннов прежде и еще дважды впоследствии. Вероятнее всего, братья просто правили на разных территориях: Руга на востоке, Октар на западе. Двойственное правление никогда не бывает стабильным (о чем свидетельствует пример Рима и Константинополя). Для того чтобы достигнуть таких высот, оба брата должны были быть амбициозными и безжалостными. Соперничество было фактически неизбежным.

Их первая кампания не принесла успеха. Единственными доступными для них жертвами оказались германские племена, жившие вдоль течения Рейна к северо-западу от Венгрии. Среди последних находились остатки племени бургундов, или нибелунгов (называвшихся так по имени их бывшего вождя Нифлунга). Большинство их соплеменников ушли за Рейн пятнадцатью годами ранее. Оставшиеся бургунды, являвшиеся осколками великого переселения народов, ни для кого не представляли опасности. Они счастливо жили в мире и работали — главным образом, плотниками в долине Майна. Их историю рассказал церковный историк Сократ Схоластик, записавший ее несколькими годами позже. Неожиданно пришли гунны и опустошили селения бургундов. В отчаянии те решили обратиться за помощью к Риму и послали туда делегацию с просьбой к епископу обратить их в христианство. Это сработало. После приобщения к лону церкви моральный дух бургундов значительно возрос. Когда в 432 г. гунны пришли снова, 3000 бургундов убили 10 000 гуннов, среди них Октара. Цифры, вне всякого сомнения, преувеличены, но в этой истории, по всей вероятности, все же есть доля правды, поскольку обращение бургундов в христианство упоминается христиан-

ским автором V века Павлом Оросием. После этого поражения гунны, должно быть, поняли, как трудно воевать в лесах Южной Германии.

После смерти Октара Руга стал единоличным правителем. Он укрепил контакты со старым другом гуннов Аэцием, который стал жертвой интриг в Риме. После того, как регентша Галла Пласидия уволила его со службы, он бежал через Адриатику в Далмацию и отправился на север через ничейные земли, где попеременно жили римляне, германцы, готы, сарматы и гунны, а затем переправился через Дунай и оказался на территории гуннов. Здесь Руга передал в распоряжение своего верного союзника отряд наемников, и Аэций возвратился с ними в Италию, чтобы вернуть утраченные позиции¹. В том же самом году он стал консулом (после этого он еще дважды становился консулом), был назначен командующим армией Западной империи и отправился укреплять границу по Рейну против франков.

Руга, судя по всему, был тем самым человеком, который заложил прочный фундамент гуннского царства. Он располагал достаточно сильной армией, чтобы проводить успешные вторжения на земли Византии, и ловкими дипломатами, которые выторговали у Константинополя ежегодную дань в размере 350 фунтов золота, а также обещание возвращать гуннских перебежчиков. Деньги выплачивались непосредственно ему, и это означало, что он распределял их лично и тем самым обеспечивал лояльность своих военачальников. Если кто-то возражал — а некоторые возражали, бывало, и целыми кланами, — они бежали за границу и становились незаконными иммигрантами. Руга не мог терпеть подобное, если

¹ Аэций враждовал с неким Бонифацием, некогда бывшим военным наместником в Северной Африке, претендовавшим на власть в Италии и, следовательно, являвшимся оппонентом Галлы Пласидии. Вернувшись из Северной Африки, Бонифаций помирился с Галлой Пласидией и стал ее сторонником в борьбе той с Аэцием. Согласно легенде, именно Бонифация победил Аэций — в одной-единственной битве. (*Прим. пер.*)

он хотел сохранить и укрепить свою власть. Он искоренял непокорных и требовал, чтобы Рим возвращал ему перебежчиков.

В середине 430-х годов Руга умер — если верить мелодраматическому повествованию церковного историка Сократа Схоластика о том, что бог наградил императора Феодосия за преданность, поразив Ругу молнией, после чего чума и божественный огонь истребили каждого десятого из его подданных. Сократ не находит объяснений тому, почему бог пощадил двух оставшихся в живых братьев Руги: Мундзука и Айбарса (Оебарсия в латинской версии)¹. Старший из них, Мундзук, имел двух сыновей, и они стали еще одной парой соправителей, в чью задачу входило сохранение единства среди их непокорных подданных и обеспечение потока денег и товаров как из Рима, так и из Константинополя. Одного из братьев звали Бледа, второго Аттила.

¹ Для тех, кто стремится найти свидетельства наличия связи между западными гуннами и хунну: имя Мундзук сохранилось в Туве, республике Российской Федерации, расположенной между Монголией и Сибирью. Максим Мундзук играл роль охотника в знаменитом фильме Куросавы «Дерсу Узала» (1975). *(Прим. пер.)*.

5

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ

Несторий, бывший епископ Константинополя, слыл желчным и вспыльчивым человеком. Он долго пытался найти ответ на главный вопрос, разделивший христиан на раннем этапе существования религии: кем был Христос — богом или богочеловеком или же и тем, и другим одновременно? В конце концов он пришел к твердому убеждению: Христос был и богом, и человеком, но при этом обладал двумя разными ипостасями, поскольку совершенно очевидно, что его *божественная* ипостась не могла быть когда-то *человеческим* ребенком. Следовательно, Мария не могла быть богородицей, ибо это означало бы, что смертная женщина могла родить бога, а подобное невозможно. Таким образом, он, Несторий, был прав, тогда как все христиане, не согласные с ним — а именно, те, кто принял догматы Никейского собора 325 г., и все остальные еретики — были неправы.

Мир не принял его воззрения. Главный оппонент Нестория святитель Кирилл Александрийский осудил его и

сослал в оазис на юге Египта. Там на исходе 430-х годов он взбунтовался против проявленной в его отношении несправедливости. Он отомстит всем своим гонителям — или, скорее, это за него сделает бог. И божественное отмщение уже началось. Чем еще можно объяснить усиление гуннов? Будучи разобщенными, они являли собой всего лишь банды грабителей. Теперь они объединились и, весьма вероятно, бросят вызов Риму и Константинополю. Это наверняка наказание, ниспосланное христианскому миру «за преступления против истинной веры».

Может быть, Несторий неверно выявил причины, но серьезность проблемы он обозначил правильно. В самом деле, гунны значительно усилились. В конце 430-х годов они уже не занимались мелкими грабежами, а были крупномасштабными грабителями. Но это было связано не с поддержкой Нестория со стороны бога, а с возвышением нашего героя или же антигероя Аттилы.

На протяжении десятилетия после смерти Руги, случившейся примерно в 435 г., руки Аттилы были связаны совместным правлением с его старшим братом Бледой. Все эти десять лет братья укрепляли позиции своего королевства.

Как и почему они пришли к власти, остается тайной. О детстве братьев, пришедшемся на первые годы V века, ничего не известно. Бледа, по всей вероятности, представляет собой уменьшительно-ласкательный вариант довольно распространенного среди германцев той эпохи имени Бладард или Бладгильд. Аттила происходит от слова *атта*, означающего «отец» в тюркском и готском языках, плюс уменьшительное окончание *-ила*, в результате чего получается «Маленький Отец». Это имя встречалось даже у живших за Ла-Маншем англосаксов. Его носил епископ Дорчестерский, а также еще одна важная персона, память о которой запечатлелась в названиях деревень Эттлборо и Эттлбридж в Норфолке. Возможно, это была

гуннская версия уменьшительно-ласкательного слова «дедушка», которым русские некогда называли Ленина и Сталина.

Дела братьев шли неплохо. Они жили в мире с Римом, сплотили разрозненные группы гуннов и сосредоточили свое внимание на Византии. Наверное, не все складывалось гладко в их отношениях. Скорее всего, после смерти Руги между ними возникли разногласия, и они поделили царство. Аттиле досталась область на территории современной Румынии, а Бледа стал править в Венгрии, откуда открывался более легкий доступ к богатствам Запада. Наверняка оба требовали полной лояльности от своих родственников и военачальников, прибегая к угрозам, поскольку два их кузена царских кровей бежали на юг, вынудив своих людей искать убежища среди предполагаемых врагов.

В год смерти Руги Аттила и Бледа совместно заключили мирный договор с Византией, на который согласился их дядя. Братья прошли на юг до пограничной крепости Констанции, располагавшейся напротив Маргуса, у впадения реки Моравы в Дунай, в 50 километрах от Белграда, недалеко от сегодняшней румынской границы. Здесь они встретились с посланцем из Константинополя Плинтой — прекрасный выбор, по словам Приска, ибо Плинта сам был «скифом», а этот термин применялся ко всем варварам или бывшим варварам. Плинта и его помощник Эпиген, выбранный за опыт и мудрость, приехали в сопровождении нескольких повозок с шатрами и богатой провизией. Гунны, отличавшиеся грубыми манерами и гордившиеся этим, всем своим видом выражали пренебрежение. Как пишет Приск, «варвары не посчитали нужным спешиться. поэтому и римляне (то есть византийцы), помня о своем достоинстве, предпочли разговаривать со скифами (то есть гуннами), оставаясь в седлах».

Не было никаких сомнений в том, кто правит бал. Аттила и Бледа продиктовали Плинте условия. Все гунны-

перебежчики должны быть возвращены из-за Дуная, включая двух царевичей-предателей, как и все беглые пленные византийцы, если только за каждого из последних не будет выплачено 8 *солиди*, одна девятая фунта золота (с учетом того, что византийский фунт был чуть меньше современного (453,6 грамма), это составляло \$600 в ценах на золото 2004 г.) — неплохой способ обогащения гуннской верхушки. Ежегодно на Дунае должна устраиваться торговая ярмарка, на которой всем участникам гарантировалась бы безопасность. Сумма выплат гуннам за сохранение мира удваивается с 350 до 700 фунтов золота в год (около \$4,5 миллиона в современных ценах).

Демонстрируя свои честные намерения, византийцы чуть позже передали гуннам двух беглых царевичей, Мамаса и Атакама («Отца Шамана»). То, как с ними поступили, свидетельствует о скрытом соперничестве между Аттилой и его братом, а также о жестокости нравов той эпохи. Царевичи были доставлены в Карсий (сегодняшний румынский город Хыршова в нижнем течении Дуная) и переданы в руки Аттилы. Было очевидно, что добиться от них лояльности невозможно. Дабы было неповадно другим, их предали казни, которую 1000 лет спустя ввел в обиход Влад Цепеш, известный также как Дракула, правивший в тех же самых местах.

Это была чрезвычайно мучительная смерть¹. Палачи вырезали деревянный кол длиной 3 метра, заостряли один конец и обильно смазывали его жиром, а толстый конец служил в качестве основания. Затем они растягивали ноги жертвы с помощью привязанных к ним веревок и принимались заколачивать острый конец кола в анальное отверстие, очень аккуратно и делая паузы, чтобы не повредить внутренние органы. Кол проходил мимо кишечника, желудка, печени и легких, пока не достигал плеча, и выходил из него с помощью надрезов. производи-

¹ Подробности взяты из книги «Мост через Дрину» 1945 г. сербского писателя Иво Андрича. нобелевского лауреата. (*Прим. пер.*)

рых ножом в верхней части спины, с одной ее стороны. Жертва оказывалась проткнутой насквозь, «словно нанизанный на вертел ягненок», но сердце и легкие при этом работали. Затем палачи привязывали ноги к колу за лодыжки и осторожно устанавливали кол в вертикальное положение в прочную опору из камней или дерева и закрепляли его с помощью распорок. Если все было сделано правильно, агония продолжалась пару дней. Византийцы, наблюдавшие за происходящим с другого берега реки и слышавшие мерные удары молотка, сопровождавшиеся криками жертвы, знали, что это Аттила командует своими людьми, преуспевшими в искусстве жестокости — ибо сажание на кол представляло собой искусство, которое требовало опыта и твердой руки, — и принимали все это к сведению.

Из выдвинутых гуннами условий было ясно, к чему они стремились. Хотя нередко золотые монеты переплавлялись для изготовления украшений, гунны развивали экономику, основывавшуюся на византийских деньгах, а лучший способ добывать эти деньги, нежели вымогательство, трудно было придумать. Они могли продавать на торговой ярмарке на Дунае лошадей, меха, рабов, но это не приносило бы настоящей прибыли, которая позволяла бы приобретать шелка и вина, делавшие жизнь более приятной, и платить иностранным мастерам за изготовление более современного оружия. Кроме того, они могли выжить, только сравнившись по благосостоянию с Римом и Константинополем. По словам святого Амвросия, епископа Медиоланского, христианам следует выжимать из варваров все соки посредством ссуд: «Тому, кого нелегко победить в войне, можно отомстить с помощью процентов. Там, где существует право воевать, существует и право ссужать деньги под проценты». Когда Аттила и Бледа вернулись в свои владения, они имели то, что хотели получить, — золото и передышку. Однако мир не относился к сфере их долгосрочных интересов. Они

нуждались в войне, и вскоре события в Европе создали для нее все предпосылки.

И на западе, и на востоке бывшей великой империи было неспокойно. В 432 г. Аэций воевал в Галлии с франками, затем (в 435—437 гг.) с багаудами, малоизвестным племенем, которое вело партизанскую войну со своих лесных баз, и, наконец, с готами, едва не взявшими Нарбонну в 437 г. В 439 г. под натиском вандалов Гензериха пал Карфаген, древняя столица римских владений в Северной Африке. После 40-летних блужданий — через Рейн, по землям Франции и Испании, через Гибралтар — вандалы всего четырнадцатью годами ранее захватили сегодняшнюю Ливию. Карфаген, с его акведуком, храмами и театрами (один из которых, называвшийся «Одеон», служил площадкой для концертов), стал сценой для вандализма во всех смыслах этого слова. Пришельцы нашли новую родину, хотя и достаточно плодородную, но тесно зажатую между Сахарой и Средиземным морем, и быстро овладели новым навыком — кораблестроением. Карфаген был идеально расположен, господствуя над 200-километровым каналом, отделяющим Африку от Сицилии, и благодаря этому стал базой для пиратов, а затем для военного флота. В 440 г. Гензерих высадился на Сицилии и, совершив там несколько актов вандализма, переправился в Италию с никому не известными намерениями. Феодосий II послал с востока армию, чтобы отбить это нападение, но византийцы опоздали: вандалы, прихватив трофеи, убрались восвояси до их прибытия.

Аттила и Бледа воспользовались сложившейся ситуацией. На западе у них имелись прекрасные возможности для грабежа благодаря их союзу с Аэцием, который нуждался в их помощи, борясь с варварами в Галлии. Гунны помогли ему в войне против франков и багаудов, а также, что наиболее памятно, против бургундов/нибелунгов. Как уже говорилось, основная масса этого последнего племени тридцатью годами ранее ушла за Рейн. Те, что остались, успешно отразили нападение гуннов. С вынуж-

денного согласия Рима они поселились на римской стороне среднего Рейна, заняв несколько городов и сделав своей столицей Вормс. Под предводительством своего вождя Гундара, больше известного из истории и фольклора как Гюнтер, они стремились расширить свои владения. Их продвижение на запад через Арденны в 435 г. привлекло внимание Аэция и его наемников-гуннов, у которых были с бургундами свои счеты после поражения от них несколькими годами ранее. Тысячи бургундов, включая Гюнтера, погибли (хотя, скорее всего, не 20 000, как сообщает один источник) в битве, которая вошла в фольклор и стала темой средневековой поэмы «Песнь о Нибелунгах», а в более позднюю эпоху легла в основу либретто оперы Вагнера «Кольцо Нибелунгов». В поэме звучит предположение, будто за этим разгромом бургундов стоял сам Атилла. Это маловероятно. У него было достаточно дел дома. Однако фактом является то, что эта битва не могла состояться без взаимопонимания между Аэцием и гуннами. Теперь гунны были отомщены. Немногие оставшиеся в живых бургунды были изгнаны на запад и юг. Они дали название области с центром в Лионе, которая до сих называется Бургундией.

Аппетиты Атиилы и Бледы возрастали. Им было нужно все больше и больше, если не от других варваров, то от Византии. Недостатка в предложениях они не испытывали. Не выплачена в срок дань. Не возвращены из-за Дуная перебежчики. Но главное, епископ Маргуса послал людей на другой берег реки для разграбления королевских гробниц. (Приск утверждает, что это были гуннские могилы, но гунны не сооружали погребальные курганы. По всей вероятности, это были древние курганы, всегда подвергавшиеся разграблению.) Прозвучало требование: епископ должен быть немедленно выдан, иначе будет война.

Епископ выдан не был, и Атилла с Бледой приступили к действиям. Около 440 г. на торговой ярмарке в Констан-

ции гунны неожиданно напали на византийских купцов и солдат и убили нескольких из них. Затем гуннская армия переправилась через Дунай и подвергла страшному опустошению Виминасий, восточный пригород Маргуса. Похоже, его жители знали о том, что им грозит, потому что они заранее спрятали свои сокровища. В 1930-х годах археологи нашли здесь 100 000 монет. Выжившие были уведены в рабство, и среди них один предприниматель, с которым мы встретимся вновь при гораздо более благоприятных обстоятельствах. Город был сровнен с землей и не восстанавливался на протяжении ста лет. Теперь на его месте находится деревня Костолак.

Затем гунны направились в сторону Маргуса. Обвиненный в разграблении гробниц епископ, опасаясь быть выданным собственными людьми, бежал из города, переправился через Дунай и сказал гуннам, что откроет им городские ворота, если те пообещают не причинять ему зла. Договоренность была достигнута. Гунны собрались ночью на берегу Дуная, а епископу каким-то образом удалось уговорить караульных открыть ворота, чтобы впустить его. Вслед за ним гунны ворвались в Маргус. Город сгорел дотла и так никогда и не был отстроен заново.

Что случилось потом, остается неясным. Сведения из разных источников настолько противоречивы, что никто не может с уверенностью сказать, одна была война или две и как долго она или они продолжалась или продолжались — два, три, четыре года или же пять лет. Судя по всему, наиболее правдоподобный вариант — два или три года. Эта война совпала по времени с вторжением вандалов сначала на Сицилию, а потом в Италию и походом византийской армии на запад. Во всяком случае, гунны владели теперь Маргусом и Констанцией, городом, находящимся на северном берегу Дуная, и могли контролировать долину Моравы, по которой пролегла дорога во Фракию. Пали еще два города — Сингидун (Белград) и Сирмий (сегодняшняя Сремска Митровица, в 60 километрах к западу от Белграда вверх по течению реки Са-

вы), где епископ передал гуннам несколько золотых кубков, которые спустя некоторое время станут предметом ожесточенного спора.

Затем, похоже, что-то остановило гуннов — может быть, проблемы дома или предложение золота со стороны Феодосия. Аттила и Бледа отвели свои войска за пределы империи, оставив лежать приграничные районы Паннонии и Мезии в дымящихся руинах. Анатолий, главнокомандующий византийской армией и друг императора, заключил с ними новый мирный договор.

Вероятно, в качестве подарка за согласие заключить мир гунны получили чернокожего карлика из Ливии, который привносит в нашу историю элемент экзотики. На тот момент Зеркон уже был живой легендой. Своим присутствием на земле гуннов он был обязан одному из величайших византийских полководцев Аспару, который в течение нескольких лет, вплоть до 431 г., командовал войсками на дунайской границе. После этого он был послан в Северную Африку, где предпринял тщетную попытку разгромить вандалов. Именно Аспар нашел Зеркона и забрал с собой во Фракию. Здесь гунны либо захватили его, либо получили от Аспара в подарок. Зеркон являл собой не самое приятное зрелище. Он ковылял на кривых ногах, качаясь из стороны в сторону, заикался и шепелявил, а там, где положено находиться носу, у него было просто два отверстия. Ему хватило ума превратить свои недостатки в преимущества. Он стал великим придворным шутом и специализировался на пародиях на латыни и гуннском языке. Аттила не выносил его, и поэтому он стал собственностью его брата. Бледа был от него в восторге — как смешно он двигается! Как забавно шепелявит! Как чудно заикается! Он обращался с ним, как с маленьким домашним монстром, приказал изготовить для него доспехи и брал его с собой в походы. Однако Зеркон не оценил в полной мере садистское чувство юмора своего хозяина и сбежал вместе с несколькими пленными византийцами. Бледа пришел в страшную

ярость и велел любой ценой схватить Зеркона, не обращая внимания на других беглецов, и привести его назад в цепях. Так и было сделано. Когда Зеркон предстал перед Бледой, тот спросил, почему он бежал от такого доброго хозяина. Карлик долго просил у него прощения на чудовищной смеси латыни и недавно освоенного им гуннского языка, и в конце заявил, что единственной причиной его бегства было отсутствие у него жены. Бледа чуть не лопнул от смеха и отдал ему девушку, которая до этого была служанкой его старшей жены. На этом история с Зерконом еще не кончается.

В течение двух лет граница на Дунае оставалась спокойной, поскольку Аттила оценил выгоды дипломатии. Как свидетельствует Приск, он посылал письма Феодосию — письма, которые должны были быть написаны на греческом или латыни. Следовательно, у него был хотя бы один писарь и переводчик, если не целый секретариат. Он требовал выдачи перебежчиков, которые не были выданы, и выплаты дани, которая не была выплачена. Свои угрозы он облекал в более или менее дипломатичную форму. Аттила был терпеливым человеком. Он был готов принимать послов и обсуждать условия. Он говорил, что у него тоже существует проблема — его нетерпеливые военачальники, которые не желают ждать. Если звучали намеки на возможную отсрочку выполнения условий договора или появлялись какие-либо признаки приготовления Константинополя к войне, он давал понять, что не сможет сдержать свои орды.

Похоже, Аттила действительно имел проблему с некоторыми из своих людей. Поскольку мир был дешевле войны, а послы дешевле армий, Феодосий послал к нему своего бывшего консула по имени Сенатор. Сухопутный путь был слишком опасен, так как по Фракии рыскали банды гуннов — тех самых перебежчиков, выдачи которых требовал Аттила в соответствии с условиями мирного договора, подписанного в Маргусе. Поэтому Сенатор предпочел проделать первую часть путешествия на ко-

рабле, доплыв вдоль побережья Черного моря до Варны, где местный военачальник предоставил в его распоряжение солдат для охраны на суше. Сенатор произвел сильное впечатление на Аттилу, который позже назвал его образцовым послом, но их переговоры не привели к каким-либо соглашениям.

Возможно, что-то было обещано, поскольку Аттила проникся идеей обмена послами. Причина, побудившая его отправлять посольства, не имела ничего общего с дипломатией и перебежчиками. Это было для него выгодное предприятие и способ выиграть время. Главное заключалось не в обсуждаемых проблемах, а в роскошных приемах, устраиваемых в честь его послов, которые проходили примерно по такой схеме: мои дорогие друзья, как приятно видеть вас! Перебежчики? Дань? Всему свое время. Мы поговорим об этом после ужина. Позвольте показать вам ваши апартаменты. Да, ковры и шелка превосходны, не правда ли? Это лучшее из того, что у нас имеется. Может быть, бокал вина? Вам нравится этот бокал? Он ваш. О, и после ужина будут танцевать девушки. Вы проделали большой путь. Эти девушки специально подобраны для того, чтобы поднять дух великих воинов, каковыми вы являетесь. Приск пишет обо всем этом в довольно сдержанной манере: «Варвар [Аттила], видя щедрость византийцев, которую они демонстрировали из боязни, как бы не был нарушен договор, посылал к ним тех из своей свиты, кого хотел облагодетельствовать». В середине 440-х годов состоялись четыре таких посольства, и каждый раз послы возвращались чрезвычайно довольные полученными дарами.

Ни одна из сторон не верила в долговечность мира. Константинополь нервничал — по крайней мере, так полагают ученые на основании скудных свидетельств в виде двух законов, изданных летом и осенью 444 г. С давних времен землевладельцы обязывались поставлять рекрутов из числа своих арендаторов или вместо этого платить деньги. Но высшие чиновники, в большинстве своем

землевладельцы, освобождались от данной повинности. Это была одна из их привилегий. Теперь же, согласно одному из новых законов, они также были должны поставлять рекрутов или платить деньги. Второй закон предусматривал взимание налога на все продажи в размере 4 процентов. Очевидно, Константинополь нуждался в большем количестве солдат и деньгах, чтобы платить им. И, в соответствии с одним из эдиктов Феодосия, был усилен дунайский флот и была произведена реконструкция баз вдоль реки.

Император имел все основания для беспокойства, поскольку он не собирался больше платить варварам деньги. Менхен-Хелфен, один из величайших специалистов по гуннам, пишет по этому поводу: «Чтобы избавиться от дикарей, Феодосий откупился от них. Как только они вернулись восвояси, он разорвал договор».

Возможно, именно это подвигло Аттилу сделать первый шаг к абсолютной власти. К этому моменту он располагал поддержкой элиты, представителей которой греческие авторы называли *логадес* (позже мы познакомимся с некоторыми из них лично, в компании с греческим дипломатом Приском), в которую входили его заместитель Онегесий, брат Онегесия Скоттас, некоторые родственники (мы знаем о двух дядях, Айбарсе и Лаударихе) и Эдика, вождь племени скирианов, живших к северу от владений Аттилы, являвшихся в то время его союзниками и составлявших костяк гуннской пехоты. Всех их связывал с Аттилой не только страх перед его жестокостью, ибо они, скорее всего, не уступали ему в этом качестве. Этот человек лучше, чем кто-либо другой, мог бы послужить как их интересам, так и интересам гуннов в целом. *Логадес* составляли значительную группу. Историки много спорили о том, были ли они местными правителями, начальниками полиции, сборщиками дани, священниками, мудрецами, шаманами, военачальника-

ми, лидерами кланов, аристократами или дипломатами. Вполне вероятно, каждый выполнял несколько функций. По-гречески, *логадес* — это множественное число слова *логас*, означающего «избранный». *Логадес* означает «избранные люди», то есть элита. Как пишет Менхен-Хелфен, «нет никаких свидетельств того, что эти высокопоставленные гунны имели что-либо общее, кроме высокого положения». Они представляли собой нечто вроде гуннских офицеров СС, если сравнивать Аттилу с Гитлером.

А что же остальные гунны? О них можно сказать лишь то, что они были разделены на кланы, в каждом из которых существовала своя иерархия. В самом низу находились рабы, затем следовали обычные люди — пастухи и домовладельцы, далее — аристократия, принадлежность к которой определялась как происхождением, так и заслугами, и на самом верху стоял вождь, который был готов нанести удар.

Он должен был быть неожиданным, коротким и кровавым. Бледа исчез из истории. Аттила стал правителем всего царства, протянувшегося от Черного моря до Будапешта, на 800 километров с востока на запад и на 400 километров с севера на юг. *Путч*, по всей вероятности, закончился сразу после того, как начался, поскольку ни одно известие о гражданской войне не достигло внешнего мира, и Аттила был настолько уверен в своих силах, что пощадил по крайней мере одну, вероятно, самую старшую из жен Бледы. Позже мы еще встретимся с ней, явно пребывавшей в добром здравии и жившей недалеко от главной резиденции, которую победитель вырвал из рук своего мертвого брата.

Мы можем сделать кое-какие выводы на основании потока товаров и короткой паники, последовавшей за убийством Аттилой брата, благодаря нескольким венгерским индюкам. Эта история произошла недалеко от маленького города, расположенного в 18 километрах к северо-востоку от Сегеда. Я с большим трудом решаюсь

назвать город, потому что его название подчиняется первому закону венгерской лингвистики, согласно которому чем меньше город, тем труднее чужаку произнести его название. Итак, называется он Ходмезёвашархей. Для венгров это название не представляет никакой трудности, поскольку оно означает «рынок на бобровом поле». Город находится в низине, которую раньше часто затопляли воды протекающей поблизости Тисы, и его окружали несколько озер, где некогда в изобилии водились бобры. Эти земли были осушены и превратились в равнину, уходящую за горизонт. В 1963 году жена фермера по имени Йозо Эрсебет — Эрсебет Йозо — пасла своих индюков и вдруг заметила, что они выскребывают из земли что-то блестящее. Она наклонилась, поскребла еще немного и обнаружила целую кучу золотых монет — 1440, если быть точным, — которые весили в общей сложности 64 килограмма. Ее сын отвез одну из них в Национальный музей в Будапеште и предложил купить. Ему дали за нее 1500 форинтов, что составляло примерно две месячные зарплаты. На следующий день он явился с еще двумя монетами. Служители музея поняли, что индюки госпожи Йозо заслуживают самого пристального внимания специалистов. Клад был перевезен в столичный музей, а в музее Сегеда до сих пор хранятся фотографии госпожи Йозо в платке и неглубокой ямы, где были обнаружены монеты. Семья Эрсебетов стала богаче на 70 000 форинтов — сумму, достаточную для покупки двух домов.

Монеты византийские, отчеканенные Феодосием II, и значительная часть их датирована 443 г., когда Аттила и Бледа начали отправлять посольства в Константинополь. Подобные находки волнуют воображение. Зачем нужно было кому-то прятать золотые монеты в чистом поле? Возможен следующий сценарий. Аттила нанес удар. Бледа мертв. У него тоже имелись свои *логадес*. Большинство из них тоже мертвы, но одному удалось избежать смерти. Подобно несчастным кузенам Аттилы, чьи скелеты на протяжении нескольких лет красовались на колах в нижнем течении реки, он приходит к выводу, что лучше все-

го будет бежать за Дунай. Он забирает свою долю последнего платежа из Константинополя и направляется на юг. Однако неожиданно сзади и спереди появляются фигуры всадников. Он окружен. Если его поймут с деньгами, шансов спастись у него нет. Он поспешно зарывает деньги в надежде на то, что, когда все немного уладится, можно будет откопать их и начать где-нибудь новую жизнь. Удалось ли ему выжить? Я сомневаюсь в этом, потому что он так и не вернулся за кладом, и тот пролежал в земле 1500 лет, пока его не обнаружили индюки госпожи Йозо.

Как это часто делают вожди, Аттила укрепил веру в собственные силы, переписав традицию, дабы она служила ему опорой при восхождении к власти. Он сделал это, присвоив себе культ поклонения мечу. Многие племена поклонялись мечу, почитали его или клялись им, иногда видя в одном определенном мече символ божественной поддержки. Вероятно, воспоминанием об этой практике навеяна легенда о «мече в камне» Артурова цикла, в которой отражено уважение к металлургам, умевшим извлекать железо из скальной породы, в буквальном смысле слова делая мечи из камня. Хунну, авары и болгары практиковали культ меча. И гунны тоже. Вскоре после прихода к единоличной власти Аттила сделал этот культ своей собственностью. Ниже излагается история в том виде, в каком ее услышал Приск, наш главный источник при дворе царя Аттилы, чьи приключения являются темой следующей главы. Часть его труда утеряна, хотя отдельные фрагменты утерянного были найдены готским историком Иорданом столетие спустя и процитированы им. Судя по всему, гуннские цари всегда почитали один определенный меч — в латинизированной форме Меч Марса, — но он был потерян. История повествует о том, как меч был найден, и наверняка она получила полное одобрение со стороны Аттилы.

«Некий пастух заметил, что одна из его телок хромает. Осмотрев ее ногу, он увидел на ней рану, но не сумел выяснить причину этого повреждения. Пастух пошел по кровавому следу и вскоре наткнулся на лежащий среди травы меч, на который случайно наступило животное. Он отнес его прямо Аттиле. Тот обрадовался столь ценному подарку и воспринял это как знак того, что ему суждено быть правителем всего мира и что благодаря Мечу Марса он отныне наделен способностью побеждать в войнах».

Теперь Аттила имел возможность и стимул вести войну с империей Феодосия. Правда, в то время он столкнулся с угрозой в лице племени или клана, называвшегося акаатири или акацири — их название и происхождение были предметом долгих споров в научной среде, суть которых Менхен-Хелфен изложил на десяти страницах. Эти степные жители, по всей вероятности, обитали на побережье Черного моря, где-то ближе к Дону. Там назревали какие-то тревожные события. Аттила послал вождю акаатири приглашение нанести визит и предложил ему золото. Тот заподозрил, что его пытаются заманить в западню, и в ответном послании заявил: как человек не может смотреть на солнце, так и он не может смотреть на бога. Это лишнее свидетельство того, что на Аттилу начинали смотреть, как на избранника небес. Аттила решил, что лучше взять акаатири под контроль, нежели завоевывать их, и послал к ним своего старшего сына Эллака в качестве своего наместника.

Из Рима прибыл Аэций, чтобы заключить новый мирный договор. Никто не составил отчета об этом визите, но о нем идет речь в написанной на латыни поэме выдающегося галльского поэта Сидония, которому предстоит стать важным источником информации в настоящей истории. Поэма представляла собой панегирик Аэцию и, вероятно, была написана в ознаменование его третьего срока в должности консула, который начался в 447 г. Одна из ее строк гласит: «Он вернулся с миром с Дуная и остудил ярость Дона». Аэций как нельзя лучше подходил

для этой миссии. Он был уверен, что старые друзья встретят его с распростертыми объятиями. Если Аттила и Аэций не встречались в детстве — Аэций был лет на десять старше, и на тот момент ему уже минуло пятьдесят, — они, вне всякого сомнения, встретились теперь и обнаружили друг в друге родственные души. Они вполне могли договариваться и служить интересам друг друга.

Впервые высокопоставленный чужестранец находился в ставке Аттилы с тех пор, когда тот стал единственным правителем. Пришло время поговорить о том, где он жил, как он жил и что он собой представлял. Для этого я должен немного забежать вперед и привести сведения Приска, чей визит состоялся двумя годами позже.

Среди историков до сих пор нет согласия относительно местонахождения резиденции Аттилы. Вызывает большой интерес маршрут следования Приска из Константинополя, поскольку, если бы он был известен, можно было бы определить место, где жил Аттила, и узнать множество деталей о его жизни и жизни гуннов в целом. Но все, что мы имеем, — туманные намеки, вроде сведений о местонахождении клада, в которых отсутствует половина ориентиров. Приск переправлялся через три крупные реки, которые он называет: Дрекон, Тигас и Тифесас; но цитирующий его историк Иордан изменяет их названия и порядок очередности — Тисия, Тибисия и Дрикка. Возможно, прав Иордан, а не Приск или же оба они использовали местные названия, ныне вышедшие из употребления. Эта неопределенность стала причиной появления множества академических примечаний и сносок. Названия можно свести в пары, но три полученные пары позволяют определить только две известные реки (и даже они являются предметом спора):

Тифесас/Тибисия = Тибискус (латынь)/Тамиш (сербско-хорватский)/Тимиш или Тимишул (румынский);
 Тигас/Тисия = Тиса (венгерский)/Тейсс (немецкий);
 Дрикка/Дрекон = неизвестная река, но, возможно, сегодняшний Бечей.

Тамиш впадает в Дунай к северу от Белграда, рядом с местом впадения Бечей в Тису. Но в этом районе имеются несколько других рек, а их названия менялись вместе с селившимися здесь народами и их языками. Наиболее правдоподобна идентификация реки Тигас/Тисия как реки Тиса/Тейсс, которая регулярно затопляла Венгерскую равнину до тех пор, пока не была укрощена в XIX веке графом Иштваном Сечени, преобразившим свою страну как политически, так и физически (он также навел порядок на Дунае). На протяжении столетий Тиса/Тейсс имела множество разных названий у разных народов (и до сих пор имеет несколько, поскольку течет по многоязычному региону Европы). К сожалению, ни одно из них не имеет в середине буквы «г». И все же невозможно представить, чтобы Приск, столь ученый человек, не знал о Тисе, тогда как почти все сходятся во мнении, что он имел в виду именно эту реку. Если он переправлялся через нее, значит, Аттила жил на противоположном берегу, то есть на западном. Это вполне логично, поскольку армия Аттилы должна была иметь возможность быстрого выдвижения на запад, а также на юг.

Оценка преодоленного Приском расстояния приводит нас на западный берег Тисы в районе современного Сегеда в Южной Венгрии. Сегед стоит непосредственно на реке, и, несмотря на наличие дамб, город время от времени затопляет. В 1879 году его практически смыло, а потом были сильные наводнения в 1970 и 2000 гг. Если Аттила жил на западном берегу, то его ставка должна была находиться в 20—30 километрах от реки, подальше от низины с ее болотами и ручьями, на *пушите*, где гуннская кавалерия имела свободу маневра.

Но это был не военный лагерь. Это был обычный город с деревянными строениями — некоторые из них имели каменные основания, а одно было полностью выполнено из камня. Он был невелик по нынешним меркам, но тем не менее достаточно наглядно выражал имперское могущество Аттилы. В данном районе не было

ни лесов, ни каменоломен, поэтому каждое бревно и каждую каменную глыбу приходилось возить издалека на повозках и плотах. Несмотря на академические дискуссии по поводу того, что город мог представлять собой крепость, окруженную частоколом, Приск ни о чем подобном не упоминает. В самом городе частоколы действительно были. Они окружали комплексы деревянных зданий, и один из них, к примеру, принадлежал *заместителю* Аттилы Онегесию, а другой — его старшей жене Эрекан. Но эти частоколы не имели военного назначения, так как их ворота не охранялись и не запирались. Они служили символом высокого статуса. Между этими ограждениями оставались большие пространства для шатров.

Сегодня подобные маленькие городки можно увидеть в Монголии. Они возникали по мере того, как люди переходили с кочевой жизни на оседлую. На севере, где из Сибири к степи подступают леса и горы, всегда можно было легко разжиться строительными материалами. На большом расстоянии друг от друга стоят одноэтажные дома из толстых еловых и сосновых досок, а между ними кое-где встречаются войлочные юрты. Рядом с привязанными лошадьми к изгородям прислонены мотоциклы. Даже в Гоби, среди покрытой галечником равнины, встречаются маленькие городки, местные административные центры. Правда, дома в них, по большей части, из кирпича и бетона, и имеется телефон, а также другие блага цивилизации, но и здесь встречаются подобные комплексы строений из деревянных досок. Если пастухи-кочевники вынуждены переходить на оседлую жизнь, они делают это именно таким образом: поселяются в городах, подобных столице гуннов.

Думаю, Аэций увидел новый дворец Аттилы примерно таким же, каким его увидел Приск. «Стены, сложенные из гладко обструганных досок», «так плотно подогнанных друг к другу. — добавляет Иордан, — что стыки едва можно было разглядеть, да и то только с очень близкого

расстояния... внутренний двор был чрезвычайно обширен, и одни лишь его размеры свидетельствовали о том, что это царский дворец». Это место должно было производить впечатление не только размерами, но и качеством работы: превосходное дерево и изумительное мастерство — возможно, дворец строили пленные готы или бургунды, ибо и те, и другие имели богатые традиции деревянного зодчества.

Теперь что касается его владельца. В латинской версии Иордана Приск описывает его следующим образом:

«Это был человек, рожденный вселять ужас в души всех живущих на земле. Величественная походка и пронзительный взгляд говорили о его силе и гордости. Да, это был истинный воин, но он умел сдерживать свои страсти. Он выслушивал советы, сочувственно относился к просителям, был милостив к тем, кто искал у него защиты. Он был невысокого роста, широкогрудый, с большой головой, маленькими глазками, редкой бородкой, подернутой сединой, курносый носом и отталкивающим цветом лица, свойственным его предкам¹.

Проведя успешные переговоры с новым правителем, Аэций вернулся с Дуная с миром. Он возобновил связь, отправив своего сына Карпилио — может быть, со вторым посольством, может быть, в качестве заложника, как когда-то был отправлен сам. Это подтверждается письмом, написанным в первой половине VI века, спустя столетие после описываемых событий, историком Кассио-

¹ Слово, переведенное как «отталкивающий» — *тетер* или *таетер*, «отвратительный, противный, ужасный, отталкивающий». Необъяснимым образом в некоторых переводах фигурирует определение «смуглый» или «темный», и эта ошибка неоднократно копировалась. «Цвет лица, свойственный его предкам» — это перевод фразы «*originis suae signa restituens*», которое дословно переводится как «сохранение признаков его происхождения». Эта странная фраза напоминает предвзятое описание гуннов Аммиана Марцеллина. но я считаю, что Иордан имеет в виду наследственную характеристику

дором, который составил историю готов. В письме он описывает, как его дед был отправлен к Аттиле вместе с Карпилио. Таким образом, это была вторая группа чужеземцев, встретившаяся с Аттилой как с единоличным правителем. Кассиодор, естественно, старается выставить своего деда в лучшем свете, а гуннов представить в виде злобных завоевателей, но его описание сходится с портретом, приведенным Приском. Кассиодор пишет, что его дед

«без страха смотрел на человека, перед которым трепетала Византия. С сознанием своей внутренней силы он презирал все эти ужасные, отвратительные физиономии, ухмылявшиеся вокруг него. Он не колеблясь ответил бы на оскорбление со стороны человека, который, движимый злобой, казалось, стремился подчинить себе весь мир. Он нашел короля дерзким и наглым; он оставил его умиротворенным; и настолько умело отметал он все предлоги для спора, что, хотя гунны были заинтересованы в ссоре с богатейшей из империй, он отстоял ее интересы... Таким образом, он вернулся с миром, на который уже никто не надеялся».

Кассиодор и Приск предлагают нам портрет отвратительного маленького человека, исполненного крайних противоречий, капризного и непостоянного в своих настроениях, подозревающего всех, кроме наиболее доверенных лиц, зачастую грубого и жесткого, как кулачный боец. Он убивал людей — возможно, убил собственной рукой родного брата. Невозможно было понять, какие чувства он испытывает в данный момент, и угадать, что он сделает спустя секунду. Сталин и Гитлер обладали тем же самым талантом держать даже своих ближайших помощников в постоянном напряжении и абсолютной зависимости от своих причуд. Как и они, он, и только он знал секрет победы, даже если и раскрывал этот секрет. Величие его личности, как руководителя, состоит отчасти в

уверенности в себе, отчасти в суровости нрава и отчасти в великодушии, в котором, словно в ласковых солнечных лучах, купались его избранные приближенные и почетные гости. Как мне кажется, его неожиданная улыбка была способна расплавить камень. Он наверняка излучал харизму — в оригинальном, теологическом смысле этого слова, — ту силу, которая является даром божьим и превращает обычного человека в вождя.

Выплачиваемая время от времени дань и преподносимые от случая к случаю подарки не могли удовлетворить неугомонный народ. Чтобы сохранить силу и могущество, Аттиле нужно было захватить инициативу, и как можно быстрее. Поэтому в 447 г. он вступил на тропу войны. Его цель была тройкой: во-первых, добыть как можно больше трофеев в как можно более короткие сроки; во-вторых, создать условия для того, чтобы беспрепятственно делать это в будущем; и, в третьих, лишить Византию возможности осуществления ответных действий. Это означало оккупацию всего приграничного района на противоположном берегу Дуная и захват речной флотилии и принадлежащих Константинополю городов, являвшихся аванпостами империи. Раньше, когда гунны только еще консолидировали свои ряды, они избегали территориальных захватов, но новые амбиции Аттилы требовали экспансии. Впервые Аттиле понадобились территории, приобретение которых положило бы начало пути к созданию собственной империи.

О кампании 447 г. известно немного. Два факта представляются непреложными: то, что гунны достигли Константинополя, но не сумели взять его, и то, что они разрушили на Балканах множество городов. Как в точности разворачивались события, никто записать не удосужился, поэтому приведенная ниже их последовательность является моим предположением, а почему она именно такова, я объясню позже.

Попытаемся представить, какие действия мог предпринять Атила. Он мог выступить в любой момент, но с какими целями? Наверняка не для того, чтобы еще раз ограбить уже не раз ограбленные им деревни. Богатства находились в городах, которых было несколько. Однако они были хорошо защищены толстыми высокими стенами, против которых конные лучники были бессильны. Единственно возможный для них способ захватить город заключался в том, чтобы плотно осадить его и дожидаться, когда горожане начнут умирать от голода. Такая осада длилась бы несколько месяцев, а это вызвало бы недовольство жаждавших добычи гуннских воинов. Нет, на сей раз гуннам придется штурмовать города.

Главной добычей был, разумеется, Константинополь. Атила никогда не заходил так далеко на юг, но представлял, что его там ожидает. С Венгерской равнины нужно было идти 160 километров вдоль Тисы до Белграда, затем 180 километров вдоль Моравы до хорошо защищенного Наисса (ныне сербский город Ниш), далее еще 120 километров по узкой долине реки Нишавы, по которой сегодня пролегают железнодорожные пути, до Софии, затем 220 километров по древней дороге через Южную Болгарию до Адрианополя (ныне турецкий город Эдирне), и, наконец, еще через 160 километров открывался вид Константинополя. В общей сложности маршрут составлял 840 километров.

Город защищала новая стена Феодосия, построенная Анфимием после 413 г. Она сохранилась по сей день — желтовато-коричневая кирпичная кладка. Сегодня ее вид не очень внушителен, поскольку время и эрозия сделали свое дело, но в 445 г. это было одно из чудес света. Имевшая в своем основании тесаные камни, она тянулась от реки до моря на 5 километров. Атакующие вначале наткнулись на ров 20 метров шириной и 10 метров глубиной, разделенный перемычками. Каждая секция имела собственные трубы, по которым она заполнялась водой, и по ним же вода подавалась защитникам города. Затем следо-

вал парапет — *периболо*, как его тогда называли — 20 метров шириной, на котором располагались защитники. Далее возвышалась внешняя стена, около 10 метров высотой со сторожевыми башнями, соединенными переходами. За внешней стеной располагался еще один парапет, 15 метров шириной, и за ним уже находилась внутренняя стена, до 20 метров высотой, достаточно широкая в верхней части, чтобы по ней можно было ходить. Через каждые 50 метров на ней высилась башня. Все 10 ее ворот имели разводные мосты, которые полностью демонтировались во время осады.

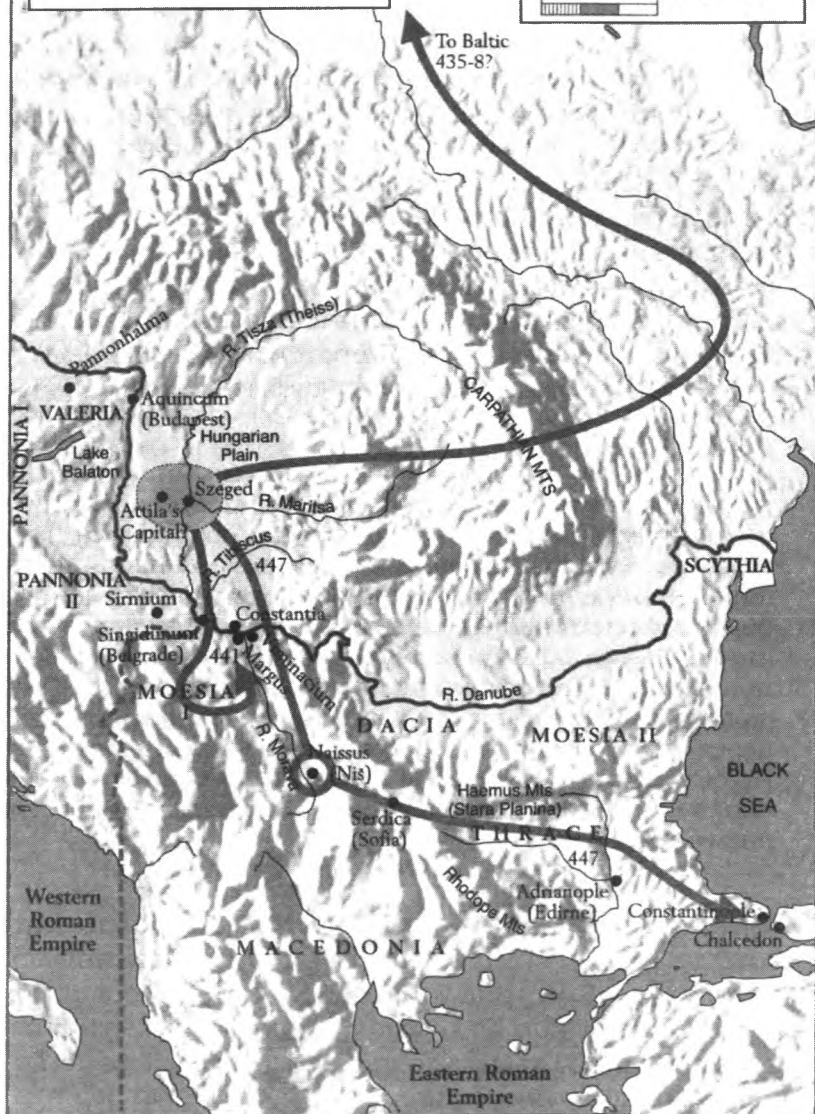
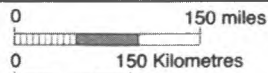
Если факты и цифры не производят на вас впечатление, прочтите благоговейное описание Эдвина Гросвенора, профессора истории Амхерстского колледжа, штат Массачусетс, преподававшего в Константинополе в 1895 г.:

«В те дни, когда мир еще не знал пушек, самый мужественный командир и самые бесстрашные солдаты содрогнулись бы от страха при виде этих грандиозных сооружений. Даже если бы им удалось переправиться через ров, напоминающий широкую и глубокую реку, заключенную в каменные берега, они натолкнулись бы на внушительную внешнюю стену с башнями, защищаемую с *периболо* группами бойцов. И если эти бастионы пали бы и их защитников вынудили бы отступить внутрь города, нападающие увидели бы перед собой грозную и несокрушимую внутреннюю стену. По ее вершине осажденные могли бы спокойно прогуливаться от одной башни к другой и насмехаться над бессилием осаждающих».

Никому не удавалось преодолеть эти укрепления вплоть до 1453 г., когда турки взяли Константинополь, использовав 8,5-метровую бомбарду, которую тащили 60 быков. Она метала ядра весом в полтонны на расстояние километра. За тысячу лет до этого Аттила мог лишь мечтать о подобном оружии.

Но небеса даровали ему шанс одержать легкую побе-

Ареал обитания гуннов,
435—51

ду: в конце января 447 г. Константинополь подвергся ужасному землетрясению, разрушившему целые секции новой стены. Император возглавил крестный ход из 10 000 горожан, шедших босыми в знак покорности божьей воле по заваленным обломками домов улицам на молебн. Однако угрозу варварского вторжения нельзя было отвести без восстановительных работ, которые нужно было осуществить как можно быстрее. Организацию и проведение этих работ возглавил преторианский префект Сирус, поэт, философ, любитель искусств и архитектор, который построил больше зданий, чем кто бы то ни было со времен Константина.

В тот самый момент Аттила вполне мог готовиться к походу на юг. В одном из источников говорится, что, получив известие о землетрясении и разрушении стены, он быстро собрал армию и спешно повел ее через Балканы на Константинополь. В этом случае при его приближении в городе поднялась бы паника. На то, как все было на самом деле, могут пролить свет воспоминания Каллиника, монаха, жившего поблизости от Халкедона (современный Кыйикёй), записанные спустя 20 лет после событий:

«Варварский народ гуннов, пришедший во Фракию, был настолько силен, что захватил более 100 городов и угрожал самому Константинополю, откуда бежали большинство жителей. Даже монахи хотели бежать в Иерусалим. Пролилось столько крови, что никто не мог сосчитать мертвых. Они грабили церкви и монастыри, убивали монахов и монахинь... Они опустошили Фракию до такой степени, что она больше никогда не возродится».

По словам сирийского автора V века Исаака Антиохийского, город был спасен только благодаря эпидемии, разразившейся среди гуннов. Обращаясь к городу, он говорит: «Посредством болезни он [бог] победил тирана, ко-

торый угрожал прийти и увести тебя в плен». Исаак снова и снова повторяет один и тот же тезис: «Они споткнулись о камень болезни... хрупким жезлом болезни [бог] сокрушил могучих людей... грешники вложили стрелы в луки, затем болезнь пронеслась вихрем сквозь войско и отбросила его туда, откуда оно пришло». Все это довольно туманно, но весьма примечательно отсутствие упоминаний о штурме и осадных машинах.

Своим спасением город был обязан Сирусу. Надписи на греческом и латыни, обнаруженные Гросвенором в 1880-х годах, когда он собирал материал для своей книги, восхваляют достижения префекта, который восстановил стену за 60 дней. «Сам Паллас не смог бы возвести столь прочное укрепление за столь короткий срок». Взору Аттилы открылась не разрушенная стена с соблазнительными брешами, а непреодолимая преграда. Он напрасно проделал это путешествие, и утешением ему могла служить лишь мысль о том, что однажды принятое решение должно быть претворено в жизнь.

Я предполагаю, что это решение сводилось к тому, чтобы приобщиться к новым методам ведения войны, никак не связанным с кочевническим прошлым гуннов. Самая красочная запись о Балканской кампании 447 г. — описание Приском осады Наисса, последствия которой он увидел два года спустя. Гунны не были большими специалистами по осадам, но за предыдущие несколько лет они многому научились у своих врагов и теперь воспользовались этим опытом. Наисс стоит на реке, называемой сегодня Нишава. Гунны решили переправиться через нее, соорудив мост, но не обычный, а понтонный — из досок, уложенных на лодки. По этому мосту прошли «балки на колесах» — осадные башни, по всей вероятности, представлявшие собой раму на четырех колесах с закрепленными на ней тремя стволами. На основании приведенных Приском деталей можно догадаться, как они функционировали. На раме располагалась платформа, защищен-

ная щитами из сплетенного ивняка и сыромятной кожи, способными противостоять стрелам, копьям, камням и даже стрелам с огнем, и снабженными прорезями, сквозь которые осаждающие могли стрелять. Сколько лучников вмещала платформа? Может быть, четверых? Внизу, будучи хорошо защищенными, располагались еще четыре человека (или, возможно, восемь), которые крутили колеса. Возможно, была еще и третья группа, находившаяся сзади, которая управляла этим хитроумным механизмом с помощью длинного рычага. Таких осадных башен было «большое количество», и из них на защитников сыпался столь плотный град стрел, что они убегали со стен. Но башни были недостаточно высоки, чтобы с них можно было взбираться на стены. Они не дотягивали до стандартов классических осадных башен, таких как *гелеполис* («покоритель городов»), применявшихся Филиппом Македонским при взятии Византии в 340 г. до н.э., или других подобных сооружений, достигавших, по некоторым сведениям, 50 метров в высоту (поразительные размеры: даже вдвое меньшая высота вызывает изумление). Отсутствуют также упоминания о подъемных мостах, являвшихся чрезвычайно важным компонентом осадной техники и применявшихся в осадных башнях со времен Александра Великого, за 800 лет до этого. Гунны учились, но им предстояло еще многому научиться.

Они использовали и другие устройства: тараны с железными наконечниками, раскачивавшиеся на цепях от места, где, словно грани пирамиды, сходились четыре балки. Эти устройства тоже были снабжены щитами из переплетенного ивняка и сыромятной кожи, защищавшими людей, которые с помощью канатов раскачивали тараны. По словам Приска, это были очень большие машины. Они и должны были быть большими, потому что в их задачу входило сокрушение не только ворот, но и стен. Вернувшиеся на стену защитники ждали этого момента. Они сбрасывали вниз валуны размером с повозку, кото-

рые расплющивали тараны, как кувалда расплющивает панцирь черепахи. Но сколько огромных валунов они могли иметь в запасе, и сколько воинов были готовы рискнуть жизнью под градом стрел? И сколько осадных башен и таранов было необходимо для взятия города — 20, 30, 50? Об этом Приск ничего не говорит. Каковы бы ни были цифры, подобная тактика требовала массу времени, энергии и опыта. Нужны были целые армии плотников и кузнецов, месяцы подготовки, огромное количество оборудования. Армия Аттилы еще не могла соперничать с Римом и Константинополем в высшем воинском искусстве, но для Наисса ее вполне хватило. Защитники не могли подняться на стену из-за непрекращающегося града падающих на нее стрел, тараны постепенно пробили в ней брешу, и город пал.

Наисс постигла незавидная участь. Когда Приск проезжал мимо два года спустя, берега реки все еще были усеяны костями. Тем не менее опустошение не было полным, и со временем город был восстановлен.

Как связать эти два вышеописанных события? Некоторые историки полагают, что Аттила захватывал во Фракии один город за другим, прокладывая себе путь к Константинополю. Если так, почему он не использовал осадную технику для штурма столицы Византийской империи? Разумеется, она была слабовата для новой стены Анфимия и Аттила знал это, но тогда зачем нужно было вообще идти на Константинополь? Мне кажется, что он пришел туда в надежде на то, что стена все еще лежит в руинах после землетрясения, а когда увидел ее целой, повернул назад и отправился на поиск более легкой добычи вроде Наисса. Таким образом, он мог продолжать держать империю в страхе, получая с нее огромную дань, и в то же время приобретать бесценный опыт осады городов, который очень пригодился бы ему впоследствии, во время следующей попытки взять Константинополь.

Феодосий запросил мира и получил его — на услови-

ях Аттилы¹. Перебежчики были возвращены, выкуп за византийских пленных вырос с 8 до 12 *солиди*, долг — 6 000 фунтов — выплачен, сумма ежегодной дани утроилась и достигла 2100 фунтов. Для гуннов это были хорошие деньги: \$38 миллионов сразу и \$13,5 миллиона ежегодно — целая река золота. Византийские источники утверждают, что Константинополь был обобран до нитки. Чтобы уплатить налоги, богатым византийцам приходилось продавать мебель и даже украшения своих жен. Некоторые якобы даже кончали жизнь самоубийством.

На самом деле все было не так уж плохо. В 408 г. Аларих получил дань в 9000 фунтов (4000 от Константинополя, 5000 от Рима). От вождей других варварских племен откупались ежегодными субсидиями в сумме 1000—3000 фунтов. В 540—561 гг. персы получили четыре платежа на общую сумму 12 600 фунтов, что составляет 1000 фунтов в год. Эти суммы сравнимы с выкупом за высокопоставленного пленного, а также с затратами на организацию игр в честь императора или на строительство церкви. Согласно одной оценке, ежегодный доход Византийской империи составлял в среднем 270 000 фунтов. Таким образом, Аттила получил единовременно 2,2 процента ежегодного дохода и впоследствии получал менее 1 процента в год — вполне приемлемая сумма для благоразумного министра финансов в статье бюджета под названием «Взятки и разное». Тем более что эти деньги выплачивались от силы в течение трех лет. Аттила понимал, что может иметь гораздо больше, и планировал свою следующую акцию.

Ключевым элементом его стратегии было приобретение огромной территории к югу от Дуная, простирав-

¹ Многие ученые датируют эти события и односторонний договор 442 годом, когда Бледа еще был жив. «Это совершенно неверно. — комментирует Менхен-Хелфен, опираясь на сведения Приска, — Аттила является единоличным правителем гуннов. *Он* посылает письма императору, *он* готов принять византийских послов, *он* требует дань. «Королей гуннов» больше нет. Бледа мертв». (Прим. пер.)

шейся на 500 километров с запада на восток и на 160 километров с севера на юг — всего 80 000 квадратных километров, что по площади сопоставимо с Шотландией или штатом Мэн. Теперь здесь не было огороженных стенами городов и опорных пунктов византийских войск, а на Дунае флота, и путь через Балканы на Константинополь был открыт. Место проведения ежегодной торговой ярмарки сместилось на юг с берегов Дуная к разрушенному Наиссу, который с тех пор являлся главным пограничным городом. Фракия целиком и полностью зависела от милости Аттилы. В начале кампании его власть над отдаленными землями была непрочной. Теперь, когда у него были деньги, когда гуннские кланы безропотно подчинялись ему, когда его власть распространилась на тех, кто некогда бежал от него, он мог еще больше раздвинуть границы своих владений.

Империя Аттилы уже была тем, что данная часть Европы никогда не видела прежде, тем, что Европа в целом не видела со времен расширения Римской империи. Здесь когда-то существовало королевство с центром в Дакии, созданное неким Бурбестой в 60 г. до н.э., территория которого простиралась от Черного моря до Венгрии и на север в глубь Словакии, но оно просуществовало всего десять лет, а затем исчезло, практически не оставив следа. Влияние Аттилы уже распространялось на значительно большую территорию — до Каспийского моря на востоке, до Балтийского моря на севере и до Северного моря на северо-западе. Разрозненные свидетельства гуннского присутствия встречаются по всему этому огромному региону. Как мы уже знаем, два беглых царевича, которых затем посадили на кол, были переданы Аттиле в соответствии с Маргусским договором в Карсие, сегодняшнем городе Хыршова, стоящем на Дунае всего в 60 километрах от побережья Черного моря. Археологи обнаружили сотни гуннских предметов от Австрии (фрагменты

лука и деформированный череп) до Волги (горшки и мечи). Приск туманно говорит о гуннском правлении на «островах в океане», которые, по мнению большинства ученых, являются островами в Балтийском море, расположенными недалеко от берегов Дании и Германии (это весьма спорный вопрос, но Аттила действительно мог владеть этими островами, поскольку он унаследовал принадлежавший некогда Эрманариху контроль над землями остготской федерации, которую гунны разбили в 370 г.). Это огромное государство занимало обширную территорию Центральной и Восточной Европы, располагавшуюся к востоку от Рейна, площадью 5 миллионов квадратных километров, что составляет почти половину территории Соединенных Штатов. Нельзя сказать, что это была единая империя, целиком и полностью находившаяся под контролем Аттилы, как нельзя сказать, что каждое племя, жившее на этой территории, подчинялось ему, но, по крайней мере, никто не осмелился бы выступить против него, и большинство предоставляли войска по его просьбе. К концу 440-х годов он стал императором варваров.

Эта империя была, по большому счету, скрыта от тех, кто мог бы писать о ней, поскольку она простиралась на восток и на север, и поэтому, с точки зрения Константинополя и Рима, не представляла угрозы для христианского мира (не представляла до поры до времени). Поэтому о ней мало что известно. Разные специалисты высказывают разные мнения и спорят друг с другом, иногда доходя до грубостей. «Томпсон рассматривает гуннов как шумную массу дикарей, — пишет Менхен-Хелфен. — Он даже неправильно переводит тексты». Марксисты видели в Аттиле олицетворение последней стадии варварства, стоящей на пороге военной демократии, которая, согласно их схеме, была призвана разрушить рабовладельческое общество Рима и создать тем самым предпосылки для возникновения феодализма, на смену которому затем пришли капитализм, социализм, после чего должен на-

ступить рай на земле. Нельзя сказать что-либо определенное, поскольку очень мало фактов.

Каков, к примеру, был титул Аттилы? Рассматривались все возможные варианты — *базилевс* (титул византийских императоров), *король*, *монарх*, *гегемон*, *архон*, *филарх*. Все эти титулы имеют греческое или римское происхождение, и их определения весьма нечетки. Может быть, он был богом для своего народа? Такая версия выдвигалась, и она выглядит весьма правдоподобной, с учетом того, что римские императоры пользовались божественным статусом — так, Август обожествил Цезаря, Калигула обожествил себя, а Константин милостиво позволил обожествить себя своим приближенным. Но это безумие никогда не было частью культуры кочевников. Их вождь мог, в лучшем случае, объявить себя избранником небес, как это сделал много позже Чингисхан, считавший, что Синее или Вечное Небо избрало его правителем земли, и как это делали китайские императоры, заявлявшие, что обладают Мандатом Небес. Но это все же было не обожествление. Конечно, нет ничего предосудительного в том, чтобы польстить вождю, упомянув его в одном ряду с небесами, или богом. Именно это вызвало скандал во время путешествия Приска (о чем мы узнаем в следующей главе), и именно это послужило причиной, почему вождь акатири под благовидным предлогом не явился к Аттиле лично, чтобы поклониться ему до земли. Но он в этом и не нуждался. Аттила не был королем-Солнцем, любое слово которого воспринималось, как приказ. Уважение оказывалось человеку, а не богу.

* * *

Гунны переживали период процветания. Их благосостояние росло, владения расширялись, и многоязычная элита стремилась еще больше увеличить благосостояние и расширить владения. Достоверные свидетельства тому

были найдены в 1979 г. в северной Венгрии, о чем я узнал во время визита в Дьер.

Я приехал туда, чтобы встретиться с Петером Томкой, специалистом по гуннам, одним из наиболее известных венгерских археологов и директором Музея Яноша Сантуша. Я еще очень мало знал об интересующем меня предмете и немного нервничал, хотя стоял прекрасный летний день, центр города с домами в пастельных тонах XVIII века производил приятнейшее впечатление, моей переводчицей была Энди Сегеди, и у нас с Томкой имелось кое-что общее. Мы оба знали Монголию. Это помогло нам сразу наладить контакт, и я очень рад этому, потому что разговор имел для меня очень важное значение. Собственно говоря, особенно стараться мне не пришлось. Томка напоминал большого добродушного медведя. Крепко сбитый, с седой бородой и взъерошенными волосами, одетый в мешковатые шорты, он приветствовал меня в своей квартире, заваленной книгами и документами, по-монгольски: «Саин баин уу!», после чего заразительно рассмеялся.

История находки, приведшей меня в Дьер, такова. Все началось в середине мая 1979 года в поле, неподалеку от стоящего на холме монастыря Паннонхалма. Сельскохозяйственные рабочие сажали новый виноградник. Один из них копал яму для бетонного столба в мягкой песчаной почве, и почти на метровой глубине его лопата ударилась о что-то твердое. Это была длинная полоса железа. Потом он выкопал еще одну такую же полосу, и оказалось, что это два меча. Пока его бригадир связывался с музеем, рабочий нашел другие предметы, в основном маленькие чешуйки золота. Спустя несколько часов все они, тщательно упакованные, были отправлены в музей. Так Томка впервые увидел клад Паннонхалмы.

«Да, это был очень волнующий момент. Одно из самых памятных событий всей жизни! — Он откинул голову назад и засмеялся. — Это были типичные гуннские предметы с характерными для них орнаментами, лоша-

диные украшения в форме греческой буквы «омега», кусочки золотой фольги с деревянных ножен мечей. Я тут же отправился на это поле и обследовал там все с помощью детектора металла, но нашел лишь несколько крупинок золота. Не было никаких следов могилы — ни пепла, ни костей. Поэтому я не сомневался в том, что это был Opferfund [жертвенный клад]. Он прекрасно говорил по-немецки, что облегчало дело, поскольку я не знал ни слова по-венгерски.

Место находки расположено недалеко от грунтовой дороги посреди кукурузного поля в обрамлении редких деревьев. Когда я стоял там, ощущение значимости этого места придавала не мысль об уже давным-давно выкопанном и увезенном кладе, а величественная громада 1000-летнего монастыря, господствующего над окружающим ландшафтом, который стоит на холме километрах в двух к югу. Этот холм высился здесь и 1500 лет назад. Тогда это была земля гуннов, но находилась она на самом краю римской территории, так как римляне никогда не оставляли Аквинкум, город, на месте которого сейчас стоит Будапешт, в 100 километрах к востоку. И эта часть Паннонии пребывала под властью гуннов всего 20 лет, с 433 г. по 454 г. Зачем гуннам нужно было зарывать клад в ничем не обозначенном месте?

Эти вещи ценились теми, кто спрятал их: два обоюдоострых меча длиной около метра и лук, которые служили для декоративных и ритуальных целей, с маленькими 3- или 4-сантиметровыми кусочками тонкой золотой фольги в форме прямоугольника или листа клевера, расписанными кружками или овалами. Подобные кусочки золотой фольги использовались для украшения уздечек. Они прикреплялись с помощью бронзовых гвоздей с широкими шляпками, края которых аккуратно загибались. В своей работе о находке, опубликованной в 1986 г., Томка указывал на то, что некоторые из них стилистически идентичны другим, найденным в Рейнланд-Пфальце и в районе Азовского моря. Для него это было доказательст-

вом обширности гуннской империи. «Две группы, разделенные тысячами километров [около 2 000], паннонхалмская находка связывает географически и хронологически».

Есть и определенный смысл в отсутствии в кладе таких традиционных предметов, как наконечники стрел, монеты, пряжки. Это не комплект предметов повседневного пользования и не склад трофеев. Эти вещи исполнены эмоционального значения, но бесполезны в практическом отношении.

«Поистине потрясающими были украшения для луков, — сказал Томка, энергично наклоняясь вперед. Другие клады содержали подобные «ушки» из рога, но нигде не встречались маленькие кусочки золота с узорами в виде елочек и сеточек. — Беспрецедентно! Уникально! Золотой лук гуннов!» — Он довольно рассмеялся.

«Этот лук использовался в практических целях?»

«Хороший вопрос. Вообще-то, это был не лук, а только украшения с него. Скорее всего, изначально все предметы лежали в деревянном ящике, потому что остались гвозди, а все дерево сгнило, как и ножны мечей. Думаю, из такого лука, украшенного золотой фольгой, вряд ли можно было стрелять, поскольку все украшения быстро с него опали бы. Должно быть, это был символ власти, символ статуса. Я люблю пошутить, но сейчас говорю вполне серьезно: весьма вероятно, что это символ статуса самого Аттилы. Возможно, на нем сохранились отпечатки его пальцев».

Да, но резиденция Аттилы находилась почти в 200 километрах к юго-востоку. Тем не менее версия о символе статуса имеет под собой основание. Томка говорит о погребальной церемонии, описанной в эпоху гуннов и очень распространенной среди степных народов. Она представляет собой празднество, в процессе которого на всеобщее обозрение выставляются особые предметы, вроде конской сбруи и оружия. Душа умершего еще не достигла небес, и ему нужны привычные вещи, окружав-

шие его в земной жизни, — не богатства, разумеется, поскольку они будут разделены между его наследниками, а материальные предметы. Затем, когда наступал момент окончательного прощания, а это могло происходить спустя месяцы или даже год после смерти, сжигалась фигурка покойного, а вместе с ней — часто, но не всегда — культовые предметы, остатки которых закапывались рядом с могилой. Было обнаружено свыше 100 подобных захоронений, и ни одно из них не содержало человеческие кости. «Поэтому, — подвел итог Томка, — нет никаких сомнений в том, что паннонхалмская находка представляет собой захороненные остатки погребального жертвоприношения».

Но Паннонхалма находится в 100 километрах от Аквинкума, римского Будапешта. Некоторые знатные гунны селились на территориях, незадолго до этого принадлежавших Риму, — на холмах и в лесистой местности, которая не так хорошо подходила для выпаса скота, как открытая *пушта*. Новая империя Аттилы расширялась на запад и север, и знатным гуннам требовались рабы, имущество, деньги и земли, дабы они могли вести привычный образ жизни и сохранять верность своему вождю.

6

ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АТТИЛЫ

Аттила жив и сегодня благодаря одному человеку, гражданскому служащему, ученому и писателю. Это Приск, единственный человек, лично встречавшийся с Атиллой и оставивший подробные записи о нем. Когда мы читаем эти записи, перед нами предстает не звероподобный варвар, а почтенный правитель, сочетавший в себе самые разные качества: безжалостность, амбициозность, стремление манипулировать людьми, вспыльчивость (возможно, он лишь демонстрировал ее), заботу о благополучии своих людей при личном аскетизме, нетерпимость, умение дружить. Это портрет человека, который едва не изменил ход европейской истории.

Для Приска, образованного человека 35 лет, обладавшего писательским талантом, это был дар судьбы — визит к человеку, бросившему вызов двум могущественным империям. Он пережил множество приключений, в том числе и опасных для жизни, и стал свидетелем придворных интриг и заговоров. Эта часть его «Византийской истории» — восьмитомного труда, львиная доля которого

утеряна, — представляет собой настоящий триллер, и поэтому она сохранилась, поскольку многие цитировали выдержки из нее. Приск легко переходит от истории к повествованию и обратно. Он не очень скрупулезен в подробностях повседневной жизни, военных вопросах и географии, так как эти темы не находили широкого освещения в классических образцах литературы той эпохи. Зато он проявляет глубокое понимание нюансов человеческих взаимоотношений, поскольку искусство дипломатии представляло для него главный интерес. Приск не претендует на абсолютную точность, так как он не пытается проникнуть в мысли других и даже скрывает свои собственные чувства. Интересна структура его повествования. Он приоткрывает завесу над тем, о чем не мог знать в данный момент, но о чем узнал позже. В результате *мы* знаем о заговоре, хотя *он* не знает о нем до самого конца. Он держит читателя в постоянном напряжении. Кому и что известно наверняка? Когда все откроется? Каким образом он сумеет выжить?

Ниже приводится версия рассказа Приска. Очень часто косвенная речь Приска приводится в форме прямого цитирования. Я добавил несколько деталей из других источников, а другие передвинул вперед, посчитав, что нам следует узнать их раньше. Но структура, персонажи и многие прямые цитаты остались неизменными. Последние заимствованы из перевода 1981—1983 гг., выполненного Р.С. Блокли. Они, как и цитаты из других оригинальных источников, выделяются **жирным шрифтом**, дабы их можно было отличать от моих слов.

История начинается с прибытия послов Аттилы ко двору Феодосия II в Константинополь весной 449 г. Делегацию возглавляет Эдика, бывший вождь племени скириан, а ныне верный союзник Аттилы, **который совершил выдающиеся подвиги на войне**. Орест, римлянин, живущий на полоске земли к югу от Дуная, находящейся те-

перь под властью гуннов, является вторым человеком в делегации и имеет собственную небольшую свиту, состоящую из двух или трех помощников. Он богат, влиятелен и входит в состав команды администраторов Аттилы. Эдика постоянно оттесняет Ореста в тень, что вызывает у того негодование. Послы находятся в приемном зале Великого Дворца, возведенного по приказу самого Константина более ста лет назад, и не могут скрыть своего благоговения перед величием этого грандиозного сооружения.

Великий Дворец, Мега Палатион — это нечто вроде византийского Кремля, лабиринт резиденций, церквей, портиков, канцелярий, казарм, бань, садов, окруженных единой стеной. Это конгломерат жилых помещений, культовых зданий и оборонительных сооружений. Эдвин Гросвенор в своем описании Константинополя 1895 г. вспоминает его былую славу: «Проходя по этим бесконечным просторным комнатам и залам, блистающим золотом, мозаикой и редчайшей белизны мрамором, не можешь отделаться от мысли, что человеческий гений неспособен достигнуть большего в том, что касается великолепия и роскоши». В рассматриваемую нами эпоху этому городу оставалась до пика его славы еще 1000 лет, но он уже ни в чем не уступал Риму. Двор Феодосия располагался в центральном помещении хранимого богом дворца, включавшего в себя множество апартаментов и государственных канцелярий и называемого Дафна, в честь колонны прорицательницы, привезенной из священной рощи в Греции.

Орест зачитывает письма, которые он написал под диктовку Аттилы, а Вигил, придворный переводчик, переводит. В письмах Аттилы сообщает императору, что тот должен сделать ради сохранения мира. Император должен прекратить давать приют гуннским перебежчикам, которые возделывают ничьи земли, ныне принадлежащие ему, Аттиле. Император должен направить к нему послов, и не простых людей, а чиновников высшего ран-

га, в соответствии с его, Аттилы, статусом. Если они чего-то опасаются, царь гуннов переправится через Дунай, чтобы встретить их.

В гулкой тишине дворцового зала чиновник забирает папирусные свитки. Половина дела сделана. Теперь нужно ждать ответ. В течение нескольких следующих дней члены делегации будут официальными гостями. Эдику, Ореста и их помощников отводят в покои, принадлежащие камергеру двора Хрисанфу. Они нервничают, ибо Хрисанф является самым могущественным чиновником в империи, каким был его предшественник — любимый всеми и славившийся своей неподкупностью преторианский префект Сирус, поэт, философ и любитель искусств, построивший множество прекрасных зданий, учредивший университет Константина, восстановивший стену, разрушенную землетрясением 447 г., и первым начавший издавать указы на греческом, а не на латыни. Хрисанф совсем другой: евнух с детским лицом, настолько продажный, насколько Сирус был честным, чье влияние строится на интригах и заговорах. Именно благодаря ему Сирус впал в немилость со стороны императора. В скором времени после вступления в должность Хрисанф (по словам другого историка, Иоанна Антиохийского) «уже контролировал все, отбирая у людей имущество и вызывая всеобщую ненависть». Он всячески манипулировал уступчивым императором, и именно от него зависело, какой ответ получит Аттила. Хрисанф подходит к гостям в тот самый момент, когда Эдика выражает восхищение по поводу роскошной мебели, толстых ковров и покрытого золотыми листьями потолка. Вигил переводит слова Эдики: «Он хвалит дворец **и поздравляет византийцев с их богатством**».

Далее, вне всякого сомнения, следует обмен любезностями (я думаю, Приск в данный момент отсутствовал и поэтому не записал подробности беседы, хотя он мог не записать их потому, что не придавал им значения). Затем Хрисанф, приняв комментарий Эдики за откровенный

намек, говорит ему через Вигила: «Вы, Эдика, тоже **станете обладателем богатства и комнат с золотыми потолками**, если будете работать на византийцев». Хрисанф пристально смотрит в глаза Эдике. Ему известно, что некогда Эдика сам был вождем племени, и поэтому должен таить недобрые чувства в отношении своего новоявленного господина.

Эдика осторожен. **«Слуге не пристало делать подобное без разрешения своего господина».**

Хрисанф аккуратно зондирует почву. Так Эдика настолько близок к Аттиле? Имеет ли он, к примеру, неограниченный доступ к нему?

«Я один из наиболее близких к Аттиле людей и отвечаю за его охрану»

«Вы один?»

«Нас несколько, мы дежури́м по очереди, по дню каждый».

«Хм, — Хрисанф выдерживает паузу. — Я хочу поговорить с вами кое о чем, что, как мне кажется, могло бы вас заинтересовать. Лучше сделать это в непринужденной обстановке, наедине, у меня за ужином. — Он окинул взглядом Ореста и его окружение. — Но вы должны дать слово, что это останется между нами».

Таким образом, в этот вечер они ужинают втроем, не считая прислуживающих им рабов. Через Вигила они клянутся друг другу: Хрисанф — в том, что все сказанное им не причинит Эдике вреда, а, напротив, принесет ему **большие выгоды**, Эдика — в том, что будет хранить молчание, даже если он не сможет согласиться с его предложением.

Предложение заключается в следующем:

Эдика приезжает домой, убивает Аттилу, затем возвращается в Константинополь **к счастливой жизни и очень большому богатству.**

Эдика ничем не выдает своих чувств, и в комнате воцаряется тишина, пока до него доходит смысл этого удивительного предложения. Вигил с невозмутимым видом профессионала ждет его ответа.

Эдика соглашается. Разумеется, это потребует денег. Придется подкупить караульных, находящихся под его командой. Не так много, небрежно бросает он, 50 фунтов золота (3600 монет или *солиды*¹, и сегодня эта сумма составила бы \$320 000) будет вполне достаточно. Этого и впрямь было бы достаточно для того, чтобы обеспечить всех его подчиненных до конца жизни.

Для камергера это просто деньги на карманные расходы. Эдика может получить их незамедлительно.

Не так скоро. Когда Эдика вернется к Аттиле с отчетом о миссии, Орест и другие будут присутствовать при этом. «Аттила всегда хочет знать все подробности о подарках и кто их преподнес. Он опросит каждого. Мы не сможем спрятать пятьдесят фунтов золота. Но Вигилу придется вернуться в Константинополь с инструкциями по поводу того, что делать с перебежчиками. Он скажет вам, как переправить золото».

Это представляется камергеру разумным. Вигил — надежный человек. После ужина Эдика удаляется в свою комнату, а Хрисанф просит аудиенции у императора, который вызывает своего начальника канцелярии Марциала, ответственного за посыльных, переводчиков (в том числе и Вигила) и телохранителей. Заговор начинает обростать плотью. Они втроем решают, что Вигил, несмотря на его предыдущий опыт участия в посольствах, не тот человек, который должен везти Аттиле ответ императора. Ему говорят, что теперь он поступает в распоряжение Эдики (вполне справедливо, с учетом того, что они оба участвуют в заговоре, но подчинение византийца гунну создает потенциальный источник напряжения). Кроме того, нужно решить еще один деликатный вопрос — о выкупе византийцев, находящихся в плену у Аттилы, — и решать его должен византийский посол. На эту роль они прочат Максимиана, человека благородного происхож-

¹ *Солидус* весил 4.54 грамма. Золотой *солидус* V века стоил бы сегодня \$600. (Прим. пер.)

дения и доверенное лицо императора — именно такую фигуру требует Атиллы в качестве посла. Хотя Приск об этом умалчивает, они наверняка хотят, чтобы после убийства Атиллы в стане гуннов оказался высший императорский чиновник.

Они инструктируют Максимиана, ничего не говоря ему о заговоре. Он должен сообщить Атилле, что во встрече за Дунаем нет никакой необходимости, поскольку это стало бы демонстрацией возможности предводителя гуннов в любой момент вступить на византийскую территорию. Он может прислать своего заместителя Онегесия (о котором мы еще услышим позже). Кроме того, в письме императора недвусмысленно заявлено: **«В дополнение к уже переданным я посылаю вам семнадцать перебежчиков, и это все, что имеется»**. Перебежчиков следует забрать с военной базы на новой границе, расположенной неподалеку от города Наисс, взятого и опустошенного гуннами двумя годами ранее.

На этом этапе появляется Приск. Максимиан знаком с ним и осведомлен о его писательском таланте. Возможно, Приск входит в число тех, кто на протяжении последних десяти лет занимался составлением Кодекса императорских законов Феодосия. Он, несомненно, достаточно хорошо знает труды Геродота и Фукидида, поскольку в его записях нередко звучат отголоски их стиля и фразеологии, что придает им весомость и авторитетность. Помимо всего прочего, Приск хорошо составляет речи. Более подходящую кандидатуру для составления отчета о предстоящей миссии подобрать трудно: скрупулезен, слегка консервативен, как любой государственный служащий, но обладает прекрасным слогом. Он не большой любитель путешествий и приключений, и его приходится уговаривать присоединиться к делегации.

Итак, они готовятся к отъезду. К семи чиновникам присоединяется коммерсант Рустий, у которого деловые отношения с одним из секретарей Атиллы. По иронии судьбы, этот секретарь не кто иной, как римлянин

по имени Констанций, присланный Аттиле Аэцием, великим римским полководцем, который всегда рад оказать предводителю гуннов помощь в налаживании международных связей. Рустий, имеющий друзей при дворе Аттилы, говорит по-гуннски, что окажется весьма полезным, когда придет время.

Таким образом, в состав делегации входят восемь официальных представителей. Ее сопровождают люди Эдики, которые должны ставить шатры и готовить еду. Все они верхом, всего в их распоряжении около пятнадцати лошадей. У них имеется большой шатер, несколько маленьких для рабов, кухонная утварь из серебра — в соответствии с рангом путешественников — и запас фиников и сушеных фруктов на тот случай, если в пути возникнут трудности со свежими продуктами.

* * *

Преодолев около 300 километров почти за две недели без каких-либо приключений, они оказываются в Сердике (София). Здесь, неподалеку от границ новых владений Аттилы, начинают проявляться признаки скрытого напряжения. Они решают сделать остановку. Купив у местных крестьян несколько овец и корову, византийцы устраивают ужин в честь своих гуннских спутников. Вино льется рекой. Звучат тосты: за императора! За Аттилу!

Неосторожные слова Вигила становятся причиной неприятного инцидента. Если вы помните, он участвует в заговоре. Приск в нем не участвует и понятия не имеет о том напряжении, которое испытывает Вигил. Последнему неожиданно приходит идея продемонстрировать преданность императору, и он говорит Приску: **«Негоже сопоставлять бога с человеком».**

«Что вы сказали?» — спрашивает Орест, который знает греческий.

«Я сказал, — отвечает Вигил слегка заплетающимся языком, — что негоже сопоставлять бога с человеком».

«Правильно. Аттила бог. Приятно слышать это от грека».

«Нет. Феодосий бог, а Аттила человек».

«Аттила простой человек?» Гунны ополчаются против Вигила. После всех его достижений? Да знает ли Вигил, что власть Аттилы происходит от Меча Марса? Как он мог сделать то, что сделал, не будучи богом? И так далее. Дело начинает принимать опасный оборот. Максимин с Приском **направляют беседу в другое русло и, проявляя дружеское расположение к гуннам, смягчают их гнев** с помощью даров в виде шелка и жемчуга.

Но напряжение сохраняется. Орест (не участвующий в заговоре) все еще негодует по поводу того, что его не пригласили вместе с Эдикой на ужин в Константинополе. Он высказывает свое недовольство Максиминому, который говорит об этом с Вигилом, а тот, в свою очередь, рассказывает о разговоре с Максимином Эдике. Такое развитие событий приводит Эдику в ужас. Он злится на Вигила, Орест злится на Эдику, а теперь еще и гунны с византийцами злятся друг на друга. Вигилу известны планы Эдики убить Аттилу, у Эдики есть и собственные планы, о которых он никому не говорил. А главные члены византийской делегации, Максимин и Рустиций, вообще не в курсе происходящего. Чем все это кончится?

Вид Наисса приводит их в уныние. Здесь ничего не изменилось за два года, после того, как отсюда ушли гунны: груды развалин, людей почти не видно, немногие сохранившиеся здания служат госпиталями. На берегу реки, между разрушенной городской стеной и тем местом, где гунны навели понтонный мост для своей осадной техники, во множестве белеют рассыпанные человеческие кости. Объятые страхом, они проезжают мимо в полном молчании.

Недалеко отсюда расположен военный лагерь, где они проводят ночь. Здесь содержатся гуннские перебежчики — но их не семнадцать, как обещано в письме императора, а только пятеро.

На следующий день они направляются в сторону Дуная, везя с собой связанных друг с другом перебежчиков. Они едут на северо-запад, намереваясь переправиться через реку в Маргусе, и им предстоит преодолеть 120 километров — четыре, может быть, пять дней пути. Приску дорога незнакома. Целый день они продираются сквозь леса и переваливают через холмы, а потом опускаются сумерки. Они оказываются **в сильно затененном месте, где тропинка делает множество поворотов.** Не остается ничего другого, как идти вперед при свете факелов в надежде на то, что они продолжают двигаться на северо-запад. И вдруг перед ними, уставшими и измученными, появляется полоса света, которая с каждой минутой становится все шире. «Солнце! — кричит один из византийцев. — Оно встает не с той стороны! Это дурное предзнаменование!» — «Это восток, ты, идиот. Просто петляет дорога. Все будет в порядке».

Они продолжают путь по лесистой равнине, двигаясь на северо-запад по единственной дороге, и наконец встречают отряд гуннов. Они только что переправились через Дунай и прокладывают дорогу для самого Аттилы, который собирается поохотиться в лесах своих новых владений, не ради забавы или добычи, а для того, чтобы его воины привыкали к незнакомой местности. Недалеко отсюда находится река, а на ней множество гуннов в выдолбленных в стволах деревьев каноэ, используемых для переправы солдат. У них также имеются плоты для перевозки лошадей и повозок.

Переправившись на другой берег, они едут дальше, и часа через два их гуннские проводники говорят им, что нужно подождать, пока слуги Эдики отправятся к Аттиле и объявят ему о прибытии делегации. Поздно вечером, когда они ужинают в своих шатрах, слуги возвращаются и сообщают, что все готово. На следующий день, после полудня, они добираются до лагеря Аттилы, представляющего собой ряды повозок и круглых шатров и располагающегося на территории сегодняшнего сербского ав-

тономного края Воеводина. Максимин хочет установить свой шатер на склоне холма, но ему не разрешают, поскольку тогда византийские шатры оказались бы выше шатра Аттилы.

После того, как их шатры устанавливаются в достаточно низком месте, к ним является группа высокопоставленных гуннов во главе с Орестом и Скоттасом, чтобы узнать, чего, собственно говоря, желают византийцы. Те обмениваются изумленными взглядами. «Император велел нам говорить с Аттилой, и ни с кем другим», — отвечает Максимин.

Вперед выступает Скоттас, брат заместителя Аттилы Онегесиуса и третий человек в гуннской иерархии (сам Онегесиус в это время находится у акатири с задачей навязать им нового вождя в лице сына Аттилы Эллага. Византийцы должны понять, — говорит он, — что этот вопрос задает сам Аттила. Ни один гунн не задал бы его от своего имени.

Максимин предлагает следовать протоколу, с которым, как он указывает, гунны должны быть знакомы, ведь они столько раз приезжали с посольствами в Константинополь. **«Согласно правилам, послы не обязаны сообщать о цели своей миссии через третьих лиц. Если с нами не будут обращаться надлежащим образом, мы не скажем, с какой целью приехали».**

Напряженная пауза. Гунны уходят, вместе с ними Эдика, и спустя некоторое время они возвращаются уже без него. Они заявляют, что Эдика только что сообщил Аттиле о цели прибытия византийской делегации (об *официальной* цели, неофициальная пока еще является тайной для всех, кроме Эдики и Вигила). И Аттилу не интересует то, что они собираются ему сказать. Поэтому византийцы могут отправляться домой.

Делать нечего. Подавленные византийцы готовятся к отъезду. Вигил, видя, что его тайная миссия неожиданно терпит крах, приходит в отчаяние. Он является ключевой фигурой заговора, так как в его задачу входит дос-

тавка золота. Ему очень не хочется терять более чем значительное вознаграждение. Нельзя просто взять и уехать, ничего не сделав, — думает он. — Лучше солгать — например, что нам нужно обсудить другие вопросы, — чем сказать правду и отправиться восвояси! **«Если бы я мог поговорить с Аттилой, то легко убедил бы его отставить в сторону разногласия с византийцами. Мы подружился с ним во время посольства Анатолия».**

А что тем временем подельывает Эдика? Он пребывает в полном смятении, поскольку рушатся все его планы. Кроме того, Эдика боится, вдруг Орест расскажет Аттиле о том, что он ужинал в обществе Вигила и этого ужасного, двуличного Хрисанфа. Что подумает Аттила? Всю ночь он не смыкает глаз, терзаемый сомнениями — сказать или не сказать? Предать или сохранить верность? Ему кажется, что бы он ни сделал, судьба его уже решена.

На следующее утро все готово к отъезду, и лошади трогаются с места. Приск видит, как расстроен Максимин. Это побуждает его сделать еще одну попытку. Он делает знак Рустацию, знающему гуннский язык, который наверняка тоже переживает по поводу срыва его коммерческих планов, и ведет его к Скоттасу. «Скажите ему, что он получит много подарков, если сможет устроить Максимино встречу с Аттилой». Рустаций переводит. «И еще. Скажите ему, что тем самым он также благодетельствует своего брата Онегесия, так как, если тот приедет к нам улаживать какие-либо важные проблемы, то тоже получит прекрасные подарки. Я уверен, он будет очень благодарен». Скоттас внимательно слушает перевод. Приск смотрит ему прямо в глаза. «Мы слышали, вы тоже имеете влияние на Аттилу. Не хотите ли доказать нам это?»

«Будьте уверены, — говорит Скоттас, — я вправе говорить и делать **то же самое, что и мой брат**». Он садится на лошадь и мчится к шатру Аттилы.

Приск возвращается к своим товарищам, безучастно развалившимся на траве в ожидании его. Вставайте! — кричит он им. — Распаковывайте вещи и готовьте подар-

ки! В течение нескольких секунд уныние сменяется радостью. Все превозносят Приска до небес. Затем эйфория уступает место озабоченности. Как им обратиться к Аттиле? Как преподнести ему подарок?

Приск не знает, что в данный момент происходит в шатре Аттилы, и нам тоже остается только догадываться. Возможно, причиной провала миссии стал визит Скоттаса. Возможно, Эдика видит, как Скоттас скачет в направлении шатра Аттилы, и его воображение рисует страшные картины: Аттила о чем-то догадывается — Вигила сейчас подвергнут пыткам, чтобы все у него выведать, — он, Эдика, окажется предателем, если только не успеет вовремя доказать свою верность. После того, как Скоттас уходит от Аттилы, получив от него согласие встретиться с византийцами, Эдика просит об аудиенции... и рассказывает Аттиле о заговоре, составленном евнухом Хрисанфом, сознавшись, что ему отведена роль убийцы и обещано золото, которое должен привезти Вигил.

Тем временем Скоттас возвращается к византийцам, у которых уже все готово.

Они едут вверх по холму, прокладывая путь через ряды шатров, к самому большому шатру, окруженному стражей.

Открывается дверь (ибо царский шатер, вне всякого сомнения, имел деревянную дверь, как современные монгольские *геры*).

Они входят внутрь.

Что открывается их взору? Приск ничего не говорит о роскошных коврах на полу, жаровне в центре помещения, столе с маленькими фигурками шаманов, толпе стражников, слуг и секретарей, поскольку все его внимание приковано к самому Аттиле, суровому невысокому человеку с покрытым шрамами лицом, сидящему в **деревянном кресле**, которое является также и **троном**, о чем свидетельствуют массивные резные подлокотники и высокая спинка.

Итак, византийцы впервые видят человека, опусто-

шившего Балканы и держащего в страхе правителей могучей империи на протяжении последних десяти лет. Впечатления Приска именно от этой встречи дойдут до нас в записях готского историка Иордана. Это описание приводилось в предыдущей главе: маленький человек с величественной походкой, маленькими пронзительными глазками, широкой грудной клеткой, большой головой, редкой бородкой, подернутой сединой, курносым носом, плохим цветом лица и поведением, представляющим собой удивительное сочетание сдержанности, снисходительности и чрезвычайной уверенности в себе.

В данный момент у него, несомненно, есть все основания быть уверенным в себе, поскольку ему известно о заговоре, и он может позволить себе поиграть с византийцами в кошки-мышки.

Максимин выступает вперед и вручает Аттиле письмо императора. «Император, — говорит он, в то время как Вигил переводит, — **молится за здоровье и благополучие вашего величества и ваших людей**».

«Вы будете иметь то, чего желаете мне», — холодно отвечает Аттила. Затем он поворачивается к Вигилу и кричит ему: «Как смеет он, бесстыжая свинья, вообще являться передо мной, — Аттила смакует этот момент, потому что всегда может обвинить византийцев в планировании убийства, — если, согласно последнему договору, **ни один посол не должен приезжать ко мне до тех пор, пока все перебежчики не будут выданы!**»

Вигил бормочет, что все перебежчики выданы. Других просто нет...

«Молчать! Какая бессовестная наглость! Я бы велел посадить вас на кол, если бы это не нарушало прав послов. У вас еще много перебежчиков. Секретари, зачитайте имена!»

Итак, Вигил, Приск и остальные вынуждены слушать шелест свитков папируса и перечень имен. Император в своем письме упомянул число «семнадцать», с военной базы возле Наисса они забрали пять человек, и теперь.

свиток за свитком, им зачитывали имена тех, кто бежал за границу за последние годы — с того времени, когда сын Аэция Карпилио приехал к гуннам в качестве заложника. Кто считал их? Только не византийцы.

Наконец наступает тишина. Аттила берет слово.

Он получит всех перебежчиков, хотя бы потому, что не хочет, чтобы они воевали на стороне византийцев, если будет война. И, конечно, они не представляют для византийцев никакой ценности. **Ибо какую крепость они смогли бы защитить, если он решит захватить ее?** Никакую. Вигил отправится вместе с гунном по имени Эслас за перебежчиками. Только тогда возможны переговоры о выкупе за находящихся у Аттилы византийских пленных. Если византийцы не согласятся на это условие, будет война.

Максимин может остаться для составления писем, что касается остальных — давайте сюда подарки и уберите прочь.

Вернувшись к своим шатрам, византийцы обсуждают произошедшее.

«Не могу понять, — говорит Вигил, — в прошлый раз он был так спокоен и доброжелателен».

Приск вздыхает: «По всей вероятности, он узнал, что вы назвали Феодосия богом, а его человеком».

Максимин согласно кивает: «Должно быть, так оно и есть».

Вигил не перестает изумляться. Он уверен, что находится вне подозрений. Эдика никогда никому не расскажет о заговоре, — думает он, — потому что его тут же обвинят в предательстве.

В этот момент в шатер заходит Эдика, кивком головы подзывает Вигила и что-то негромко говорит ему. Как Приск узнает позже, Эдика велел Вигилу раздобыть золото и привезти его заговорщикам.

Он мог прийти только по приказу самого Аттилы, ко-

торый, судя по этому, решил, что Эдика не предатель. Таким образом, уловка Эдики сработала.

Итак, теперь существовали два заговора — план убийства Аттилы и план его мести. И в том, и в другом главную роль играл Эдика. Он сорвал первый и инициировал второй.

Что ему было нужно? — спрашивает кто-то, когда Эдика уходит. — Да ничего особенного, — небрежно машет рукой Вигил. — Он сказал, что Аттила все еще очень сердит на послов из-за перебежчиков. Объяснение выглядит вполне убедительным, так как всем известно, что Вигил поступил в распоряжение Эдики перед выездом из Константинополя.

От дальнейших расспросов Эдику избавляет появление группы слуг, которые огласили новые распоряжения Аттилы. Никто из византийцев не имеет права покупать ничего, кроме еды, — ни византийских пленных, ни рабов, ни лошадей — до полного улаживания всех споров. Вигил должен вернуться в Константинополь вместе с Эсласом, чтобы решить вопрос с беглецами. Все остальные остаются. Онегесий назначается новым послом в Риме, и после коронации сына Аттилы королем акатири он наверняка захочет захватить по пути за причитающимися ему подарками.

Аттила все хорошо рассчитал. Византийцы фактически находятся под арестом, в то время как Вигил отправляется за золотом, предназначенным для платы за убийство Аттилы. Когда он вернется, ловушка захлопнется.

* * *

На следующий день после отъезда Вигила Аттила созывает своих приближенных в главную резиденцию. Никакой охоты к югу от Дуная не будет, так как есть дела поважнее. Поднимается хаос. Гунны сворачивают шатры, укладывают в повозки пожитки, седлают лошадей, впрягают их в повозки. Вскоре хаос уступает место ровным

колоннам повозок, всадников, мастеров-лучников, конюхов и поваров, которые направляются на север, на территорию современной северной Сербии.

Спустя некоторое время одна колонна отделяется: Аттила сворачивает в деревню, где должен взять себе очередную жену, дочь одного из местных *логадес*. Остальные колонны продолжают двигаться по равнине, преодолевая на своем пути три крупные реки и несколько небольших. Иногда рядовых перевозят на каноэ местные жители, иногда они переплывают на лошадях, а высокопоставленные персоны переправляются вместе с повозками на плотах, которые гунны везут с собой специально для подобных случаев. По дороге крестьяне снабжают их медом и ячменным пивом. (Обратите внимание, эти люди именно крестьяне, а не скотоводы-кочевники. Они живут оседло в мазанках, крытых соломой или тростником, и занимаются земледелием.)

Вечером после первого, довольно тяжелого дня пути они разбивают лагерь неподалеку от маленького озера. Посреди ночи их будит одна из тех летних бурь, которые время от времени обрушиваются на венгерскую *пушту*. Ветер настолько силен, что валит шатер и сдувает запасные одеяла и одежду на воду озера. Это византийский шатер, не приспособленный для жизни в суровых климатических условиях. Он не может сравниться с круглой гуннской юртой, способной выдерживать ураган и оставаться вполне уютной при ледяном ветре. Слепленные проливным дождем, оглушенные раскатами грома, византийцы видят при вспышках молний деревню и призывают ее жителей на помощь. Крестьяне просыпаются и приглашают их в дом погреться у очага.

Оказывается, что в деревне царит матриархат. Еще более удивительно то, что матриархом является одна из нескольких вдов Бледы, брата Аттилы, который убил его. Очевидно, ей позволено иметь собственные владения на территории, принадлежавшей Блеме, где она все еще считается королевой. Она приказывает принести еду. После

того, как византийцы согрелись, обсохли и утолили голод, появляется группа привлекательных молодых женщин, которые, как объясняют Приску, предназначены **для удовлетворения плотских желаний, что у гуннов считается знаком уважения к гостям**. Приск называет их **«привлекательными женщинами»**, что, наряду с проявленным гостеприимством, противоречит широко распространенному мнению, будто гунны были отвратительны на вид и мало походили на людей своими манерами. Византийцы вежливо отказываются от такой чести: **«Мы щедро угостили женщин едой, поставленной перед нами, но от любовных утех с ними отказались»**.

На следующий день стоит ясная, жаркая погода. Византийцы собирают свои промокшие вещи, сушат их на солнце, наносят визит вежливости матриарху, чтобы поблагодарить ее и подарить ей три серебряных кубка и немного сушеных фруктов, после чего продолжают свой путь.

За неделю они проходят больше 200 километров. На пути им попадает очередная деревня, в которой царит настоящее столпотворение, поскольку все ждут отставшего по дороге Аттилу. По удивительному совпадению здесь находится еще одно посольство, из Рима. В его состав входят хорошо известные люди: посол Констанций, бывший секретарь, отправленный когда-то Аэцием к Аттиле; вельможа по имени Ромул и его зять — не кто иной, как отец Ореста. Похоже, что участие в посольствах к Аттиле становится семейным бизнесом.

Римское посольство тоже имеет свою историю, в центре которой золотые кубки из Сирмия. Некогда они принадлежали одному епископу, жившему в Сирмии. Когда город в начале 440-х годов был осажден гуннами, он передал их одному из секретарей Аттилы на хранение, посчитав, что они могут пригодиться, если его схватят. Таким образом, они стали собственностью Аттилы. Однако

секретарь заложил кубки одному банкиру в Риме. Узнав об этом, Аттила приказал распять его. Теперь он требует либо кубки, либо банкира. В результате было отправлено целое посольство, чтобы убедить Аттилу в том, что банкир был добросовестным приобретателем кубков и что вождь гуннов не может требовать ни их, ни невинного банкира.

Наконец появляется Аттила, и *разбухшие* колонны воинов продолжают путь по открытой равнине, пока не достигают **очень большой деревни** — столицы Аттилы, которая, как предполагалось в предыдущей главе, находилась примерно в 20 километрах к западу от современного Сегеда, на достаточно большом расстоянии от истока разливающейся Тисы.

Когда процессия входит в селение, женщины совершают ритуал приветствия. Они выстраиваются в две шеренги, держа в руках полоски белой ткани, образующие нечто вроде балдахина, под которым проходят поющие молодые девушки. Они идут между огороженных домов и входят в усадьбу Онегесия.

В усадьбе Онегесия, уступающей по роскоши только усадьбе Аттилы, имеется настоящая диковинка — баня из камня, которую везли 150 километров с юга, из Паннонии. Она была построена византийским архитектором, взятым в плен в Сирмии. Приск не упоминает ни печку, ни горячую воду. Не говорит он также, каким образом в баню поступает вода — никакого акведука, конечно, нет, поскольку это всего лишь деревня. Скорее всего, использовалась канава или византийские пленные носили воду с реки в горшках. Во всяком случае, в варварском окружении баня является для Онегесия символом статуса, ибо тогда бани были подлинными храмами цивилизации. Ему наверняка понравилась бы поэма одного из величайших поэтов той эпохи, Сидония, воспевавшего свои

бани в Южной Галлии, похвалы которым мы еще услышим позже и слухи о которых вполне могли дойти до самого Аттилы спустя два года:

«Войди в холодные волны после горячего пара бани, Дабы вода могла освежить твою разогретую кожу».

Приск не упоминает о том, что Аттила пользовался баней, однако невозможно представить, чтобы приобщение гуннов к этому благу цивилизации происходило без его разрешения и, более того, поощрения. Неназванный византийский архитектор, вне всякого сомнения, оборудовал в бане Онегесия *тепидарий*, *калидарий*, *гипокауст* и, возможно, даже *лакониий*, парную, разумеется, снабженную печкой. Нет особого смысла иметь баню, — наверное, говорил он, — если вы мерзнете зимой. Он надеялся благодаря этой бане обрести свободу, но напрасно: как отмечает Приск, он служит в ней банщиком.

В усадьбе Онегесия, управляемой его женой — вероятно, старшей, — слуги предлагают всадникам еду и вино на серебряных тарелках и в кубках. Аттила соблаговолил взять кусочек изысканного блюда у одного, приложиться к кубку у другого, и слуги с гордостью демонстрируют толпе тарелки и кубки, которых коснулись его рука и уста. Затем процессия выезжает через другие ворота усадьбы Онегесия и направляется к дворцу, стоящему на возвышенности.

Перед византийцами впервые предстает место назначения их путешествия, хотя все, что они видят, это деревянные стены, настолько искусно сложенные из гладко струганных досок готскими или бургундскими плотниками, что стыки между ними различимы с большим трудом. Уже размер стен свидетельствует о том, что это царский дворец. Аттила и Онегесий заходят внутрь, чтобы поговорить об акатири и их новом молодом правителе. Дело в том, что сын Аттилы упал с лошади и сломал правую руку. Необходимо послать к нему лекаря и поза-

ботиться о том, чтобы были совершены надлежащие ритуалы.

Тем временем после обеда, устроенного женой Онегесия, византийцы разбивают лагерь между двумя усадьбами. На следующий день они ждут, когда их пригласят в королевский дворец. Никто за ними не приходит. Максимин посылает Приска к Онегесию в сопровождении слуг с подарками для короля и его первого помощника. Но двери усадьбы закрыты. Остается только набраться терпения и ждать.

Когда Приск бродит вокруг частокола, к нему подходит гунн, лет за сорок, одетый, как обычно одеваются гунны — короткая куртка и войлочные штаны. К немалому изумлению Приска, гунн приветствует его по-гречески: *Καίρε!* Гунны давно перемешались с другими племенами, в основном с готами, и многие из них наряду с гуннским говорят и по-готски, а те, кто часто имеет дело с римлянами, — как Онегесий, — знают еще и латынь. Но не греческий. Единственные в их среде люди, говорящие по-гречески, это византийцы, захваченные в плен в войнах последних лет, которых Константинополь стремится выкупить. Их можно узнать с первого взгляда по жалкому виду и убогому одеянию. Этот же человек хорошо одет, аккуратно пострижен на гуннский манер, уверен в себе и раскован.

«Καίρε!» — отвечает Приск и обрушивает на него лавину вопросов. Кто он? Откуда? Как оказался среди варваров?

«Почему вы хотите это знать?»

«Вы же говорите по-гречески! Естественно, мне любопытно!»

Человек смеется и наверняка называет себя, хотя Приск избегает упоминать его имя — по причинам, которые станут понятны позже. Да, он грек, предприниматель, обосновавшийся в Виминасии. Он женился там на

богатой женщине, и его дела шли хорошо, до тех пор, пока гунны восемь лет назад не захватили город и не сровняли его с землей. Он оказался среди тех, кого увели в плен. *Бизнес*, понятное дело, был потерян, но Онегесий выбрал его главным заложником за бывшее богатство. Он проявил доблесть в войнах с византийцами и акатири, — по всей видимости, командуя отрядом воинов, — и добыл достаточно трофеев, чтобы купить себе свободу. Теперь он входит в окружение Онегесия, имеет гуннскую жену и детей от нее и вновь преуспевает.

В самом деле, жизнь здесь лучше, чем в Виминасие. Его уникальное положение позволяет ему сравнивать. В империи, — говорит он, — люди полагаются на своих правителей и поэтому утрачивают боевой дух. Но все наши полководцы — трусы, поэтому мы обречены проигрывать войны. В мирное время мы становимся жертвами сборщиков налогов и преступников. Все забыли, что такое справедливость. Богатые подкупают судей, бедные томятся в тюрьмах, пока не испускают дух. Неудивительно, что на фоне царящих в империи некомпетентности, беззакония, коррупции и тирании здесь жизнь представляется гораздо более привлекательной.

Помните о том, что Приск является государственным служащим и пишет официальный отчет. Он открыт для критики в адрес своей отчизны, поскольку никто не может отрицать, что она больна всеми теми болезнями, о которых говорит этот ставший гунном грек. Но, как государственный служащий, Приск не может оставить эти высказывания без ответа. Он пишет: «Люди, составившие Византийскую конституцию, были добродетельны и мудры. Они постановили, что должны быть солдаты, хорошая военная подготовка, справедливые налоги, независимые судьи и честные юристы, защищающие права простых людей. Если судебное разбирательство длится слишком долго, то это происходит только потому, что судьи стремятся прийти к правильному заключению. Насколько сильно отличаются от варваров византийцы.

которые обращаются со своими рабами, как отцы, и **наказывают их, словно собственных детей, если те поступают неправильно, дабы воспрепятствовать их ненадлежащему поведению.** Даже император, и тот подчиняется законам».

Это очень длинная речь, пересыпанная цитатами. И каков же результат сих разглагольствований?

«Мой знакомый заплакал и сказал, что византийские законы справедливы и государственное устройство империи совершенно».

Да, действительно. Доводилось ли вам слышать что-либо подобное? Этот неназванный человек, у которого были жена, доходное дело, дом, который потерял все это в результате четырех войн и начал жизнь с нуля на чужбине, слышит высокопарные фразы, словно цитируемые из какого-нибудь учебного пособия по красноречию для государственного служащего, и *плачет*.

Многие отмечали неубедительность Приска в данном фрагменте. Напыщенная, нудная декламация, — говорит Гиббон. Столь наивный лепет бросает тень на его писательское дарование, — вторит ему Томпсон. Но я думаю, он знал, что делал. Это обычный прием ученого или гражданского служащего, желающего подвергнуть что-либо критике: вот мнение других, которое я, конечно, не разделяю, и не моя вина в том, если читатели воспримут его всерьез. Впоследствии к этой уловке прибегали Галилей в своем «Диалоге», где он говорил о Солнце как центре Солнечной системы, и Лютер в своих «Девяноста пяти тезисах», где он осуждал папу и закладывал основы Реформации. То же самое, только в меньших масштабах, делает и Приск — использует случайную встречу для того, чтобы исподтишка подвергнуть резкой критике византийское общество и придать этой критике пушную убедительность, противопоставив ей скучное, неубедительное славословие. Не случайно его собеседник остается анонимом. Протест Приска он воспринимает явно не слезами, а кивком головы, выражающим понимание.

Открывается дверь. Послание передано, ответ получен. Появляется Онегесий, получает подарки и идет к Максимиனு, который призывает его посетить Византию в качестве посла и заключить новый мирный договор. Онегесий не выражает никакого энтузиазма. Он будет делать только то, что хочет Аттила, — **«или, может быть, византийцы думают, что если они окажут на меня давление, я предам своего хозяина?»** Служить Аттиле, — говорит он, — лучше, чем быть богатым среди византийцев! Ему лучше остаться дома.

На следующий день на долю Приска выпадает непосредственное общение с Аттилой. Он подходит к деревянной стене дворца, его пускают внутрь, и только сейчас он видит истинные размеры усадьбы Аттилы, которая включает в себя дворец, отдельную столовую и большой комплекс других зданий из досок, украшенных резными орнаментами. Некоторые из этих зданий принадлежат старшей жене Аттилы, Эрекан. Гунны уже знают Приска в лицо, и он проходит сквозь толпу стражников, слуг, послов других варварских племен и просителей. Слышится гуннская, готская и латинская речь. Где-то здесь находятся члены делегации римского посольства, желающие уладить вопрос с золотыми кубками. Приск входит в дом королевы и, вероятно, сняв сандалии, идет по войлочным коврам. Царица сидит на кушетке в римском стиле в окружении служанок, вышивающих узоры на льняных мантиях. Переводчик отсутствует, поэтому Приск преподносит подарки и откланивается.

Он стоит среди толпы перед дворцом, когда из него выходят Аттила и Онегесий. Аттила имеет обыкновение оглядываться вокруг (сегодня этим приемом пользуются многие политики и общественные деятели, дабы привлечь к себе всеобщее внимание и создать впечатление собственной значимости). Он возвращается во дворец и первым делом принимает просителей. Затем наступает очередь римского посольства. Аттила непреклонен: или кубки, или война. Один из членов римской делегации.

Ромул, обладающий богатым опытом участия в посольствах, объясняет Приску причину такой непреклонности. Ни один правитель не достигал прежде таких успехов за столь короткое время. Огромная власть сделала его высокомерным и надменным. Его амбиции возрастают. Он хочет напасть на Персию. *Персию?* — раздается удивленный возглас из толпы, что побуждает Ромула рассказать историю войны 395 г., когда гунны совершили рейд через Кавказ и возвращались мимо пылающих скал Каспийского побережья. Да, скоро снова наступит очередь Персии.

«Пусть лучше Персия, чем мы».

«Да, но что тогда? — говорит один из чиновников Западной Римской империи из той части Паннонии, которая ныне находится под гуннским правлением. — Аттила станет еще могущественнее. Сейчас мы называем его почетным полководцем и регулярно платим ему дань, а разбив персов, он уже не будет нуждаться в римском золоте, захочет, чтобы его называли королем, и сделает римлян своими слугами. Он уже говорит, что гуннские полководцы так же хороши, как и римские и...»

В этот момент выходит Онегесий и вызывает Максимиана на аудиенцию к Аттиле.

Аттила заявляет ему, что желает иметь дело с послами, с которыми он уже встречался, — Номом, Анатолием или Сенатором. Когда Максимин говорит, что подобное предпочтение вызвало бы у императора определенные подозрения в отношении названных особ, Аттила отвечает: «Делайте, как я сказал, если не хотите войны».

Вернувшись в свой шатер, Максимин размышляет над сложившейся ситуацией. Неожиданно византийцам поступает приглашение на ужин во дворец. Это их первая возможность увидеть Аттилу в неформальной обстановке. Когда наступает назначенный час, византийцы подходят к столовой, где слуги предлагают им по чаше вина, дабы они могли произнести молитву, прежде чем сесть за стол.

Обратите внимание на то, что им предлагают вино. Гунны пили кумыс и ячменное пиво. Вино было новинкой в их рационе, важным товаром и неотъемлемой частью празднеств.

Они видят Аттилу в повседневной одежде, с мечом на поясе, сидящим на кушетке в римском стиле, на краю которой в почтительной позе сидит его сын Эллак с перевязанной правой рукой. Юноша уже и сам царь, но не выглядит таковым. Сразу видно, что он испытывает перед отцом благоговейный страх. Его брат Эрнак, любимец Аттилы, сидит в кресле рядом с ним. Приск замечает, что столовая является также и спальней. За кушеткой Аттилы стоит еще одна кушетка, а за ней несколько ступенек ведут к кровати, завешенной расшитыми ширмами из льна и шелка.

Вдоль стен стоят кресла, за каждым стоит слуга. Приск не указывает количество, но я думаю, их 30 или 40, как полагается на официальном празднестве в честь посольств двух империй. Онегесий сидит справа от Аттилы, на почетном месте, и рядом с ним вдоль стены сидят гуннские аристократы. Византийцы и римляне сидят слева. Слуги подают гостям золотые и серебряные кубки. Один из них подает Аттиле вино в деревянной чаше. Король приветствует всех по очереди, передавая каждому из гостей свою чашу. Гость делает глоток и возвращает чашу, и в этот момент все остальные пригубливают свои кубки. Согласно описанию Приска, эта весьма продолжительная церемония напоминает нечто среднее между римской застольной вечеринкой и христианским обрядом причастия. Затем вносятся столы, по одному на каждую группу из трех-четырёх человек, благодаря чему все могут есть, не поднимаясь с места. Вносят еду: мясо различных животных и хлеб на серебряных блюдах — для всех, кроме Аттилы, который демонстрирует простоту исконных нравов кочевника, пользуясь деревянной тарелкой и деревянной чашей.

Заканчивается первая перемена блюд, все должны

ВОЗРОЖДЕНИЕ УТРАЧЕННОГО ИСКУССТВА
Лайош Кашаи, признанный мастер стрельбы
из лука верхом (основная фотография
и вставка), имеет около 250 учеников, которые
собираются в его поместье, расположенном
недалеко от Капошвара. Некоторые уже учат
других. Одна из них — любимица Кашаи Петра
Энгелендер (внизу). Она ведет курсы в Гут
Зеебурге, недалеко от Берлина, и является
живым доказательством того, что гуннские
женщины могли воевать не хуже мужчин.

Черные Ворота были одним из нескольких военных блокпостов города, которые не смогли остановить гуннов.

Гонория, сестра императора, обратилась к Атилле с призывом о помощи, что он воспринял как предложение жениться на ней, потребовав половину империи в качестве приданого.

Аэций, изображенный на пластине из слоновой кости V века, знал гуннов с юности и, возможно, был лично знаком с Атиллой.

Будучи величайшим полководцем Рима, он организовал оборону империи против войск Атиллы.

ВТОРЖЕНИЕ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ
В 451 г. Атила воспользовался призывом о помощи принцессы Гонории в качестве предлога для вторжения. Он повел свою армию из Венгрии через Германию, вверх по долине Мозеля, минуя Трир и Мец, во Францию. Он осадил несколько городов, в том числе Реймс и Труа. У Орлеана он повернул назад. Римский полководец Аэций разгромил гуннов на Каталаунских полях к северу от Труа.

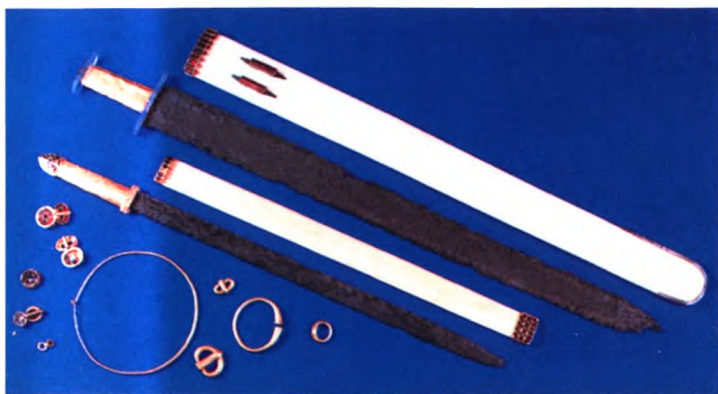

На портале Реймского собора изображена сцена мученичества епископа Никасия от рук одетых в кольчуги гуннов. Он готовится к казни (справа), а несколько его голов (слева) гарантируют ему святость.

Пехотинец-франк, конфедерация германских племен нижнего Рейна. Франки, союзники Рима, подверглись нападению гуннов во время вторжения последних в Западную Европу.

Этому нет твердых доказательств, но некоторые считают, что Пуанский клад, выставленный в музее Труа, представляет собой погребальные предметы Теодориха, короля вестготов, погибшего в битве с армией Атиллы и спешно похороненного неподалеку от поля битвы.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ В ФАКТАХ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВЫМЫСЛЕ
 Вторгшись в 452 г. в Италию, Аттіла взял Аквилею — но действительно ли его вдохновила на принятие решения аистиха-мать (слева)? Он не продвинулся на юг от реки По — но действительно ли его задержал лично папа Лев I (вверху)? Этот эпизод быстро стал легендой. Спустя тысячу лет Рафаэль запечатлел папу Льва X в образе его тезки Льва I. Картина «Встреча Льва Великого с Аттілой» (1511—1514), находящаяся в папских покоях в Ватикане, имеет свою собственную историю. Только изображение папы и его слуг принадлежит кисти Рафаэля; все остальное, включая охваченного паникой Аттілу (в центре), писали его помощники. Первоначально Лев I был наделен чертами Юлия II, который заказал эту картину. Когда Юлий умер, Рафаэль придал Льву I черты его преемника Льва X, который был одним из слуг Юлия. Таким образом, Лев X изображен дважды — в виде папы и в виде слуги.

Иллюстрация из «Саксонской хроники мира», на которой изображен Аттіла, указывающий на то, что аисты покидают Аквилею, предвещая тем самым неминуемое падение города.

«ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ГУНН»
Понятия «Аттила» и «гунны» продолжали оставаться символами варварства, приобретая впоследствии новый, искаженный смысл. В 1870-х годах во Франции гуннами называли немцев, объединившихся под эгидой милитаристской Пруссии. Немцы сами способствовали популяризации такого своего имиджа. В заголовках английской прессы времен Первой мировой войны слово «гунн» неизменно означало «немец». Сегодня оно сохранилось в этом значении только как заведомо косный архаизм.

Французский витраж 1883 г., на котором Аттила изображен в виде вагнеровского воителя.

Американский плакат времен Первой мировой войны, призывающий граждан приобретать облигации.

В фильме Фрица Ланга «Die Nibelungen» («Нибелунги») (1924), состоящем из двух частей, Аттила представлен олицетворением зла. Кадр из второй части этого фильма, «Kriemhild's Revenge» («Месть Кримхильды») с Рудольфом Кляйн-Рогге в роли Аттилы. Гитлер любил этот фильм, как и архитектор Альберт Шпеер, которого вдохновляли его зловещие световые эффекты, когда он занимался оформлением съездов национал-социалистической партии в Нюрнберге.

КРОВАВАЯ СМЕРТЬ

Открывшееся кровотечение во время первой брачной ночи с новой женой Ильдико положило драматичный конец удивительной жизни Атиллы. Впоследствии авторы и иллюстраторы интерпретировали этот эпизод каждый по-своему. Спустя почти тысячелетие анонимный автор «Саксонской хроники мира» XIV века изобразил Атиллу в образе средневекового короля.

встать, осушить кубки, произнеся тост и пожелав Аттиле хорошего здоровья. Вносится второе блюдо. Приск не сообщает, что именно оно из себя представляет, — его не интересует еда, впечатлений и так слишком много. Заканчивается вторая перемена. Все встают. Еще один тост, и снова полные чаши выпиваются до дна. Темнеет. Вносятся сосновые факелы. Наступает время для развлечений. Два барда поют песни собственного сочинения, восхваляющие победы Аттилы и его смелость. Молодые гунны вспоминают битвы, улыбаясь и кивая головами, пожилые — со слезами на глазах. Наступает очередь комика. Римлянам и византийцам трудно вообразить что-либо более отвратительное, нежели гуннский комик. Приск описывает его, как психически ненормального человека, **произносящего странные, неразборчивые и совершенно безумные слова**. Но у гуннов он вызывает полный восторг. Они покатываются со смеху.

Но главное впереди. Все с нетерпением ждут появления Зеркона, хромого, безносого, горбатого карлика, захваченного в Ливии, который был шутком у Бледы. Все знают, что он бежал, был пойман и получил жену из окружения хозяина. Когда год или два спустя Бледа погиб, Аттила разлучил Зеркона с женой и отдал его Аэцию, а тот вернул карлика Аспару, который владел им в самом начале. Его судьба удивительна. Из нищеты и убожества жизни в Ливии он попадает в общество римских патрициев и гуннских вождей, которые передают его друг другу в качестве подарка. Обладавший международными связями Эдика каким-то образом возвратил его ко двору Аттилы и попытался убедить короля гуннов в том, что Зеркон имеет право воссоединиться со своей женой. Аттила не желал постоянно видеть перед собой живое напоминание о Бледе, поэтому карлик так и остался без жены.

Итак, входит Зеркон. Он отнюдь не глуп и прекрасно понимает, что его судьба зависит от качества выступления, поэтому старается вовсю: устраивает небольшое представление, как всегда шепелявя и умышленно смешивая

гуннские, готские и латинские слова и выражения. На взгляд современного человека это ужасно. К сожалению, сострадание к уродству возникло лишь совсем недавно. Еще в начале XX века публике наверняка понравилось бы подобное представление, как нравились бородатые женщины, лилипуты и Человек-Слон. Чтобы понять, насколько оно отвратительно, представьте черного карлика с изуродованными ногами, исполняющего, к примеру, песню, в которой перемешаны английские, французские и немецкие слова, при этом шепелявя и заикаясь. Зрители в восторге, они показывают на карлика пальцами, хлопают себя по бедрам и смеются до слез.

Все, кроме Аттилы. Он сидит неподвижно с каменным лицом. В конце концов, он регулярно видит это представление на протяжении последних семи лет. Все хорошо в меру. Аттила проявляет признаки жизни, только когда к нему подходит юный Эрнак и становится рядом с ним. Говорящий на латыни гунн рассказывает Приску шепотом, что шаманы предсказали Аттиле, будто царство гуннов ожидает крах, но Эрнак возродит его. Аттила притягивает сына к себе, нежно треплет его по щеке и ласково улыбается, в то время как Зеркон завершает свою речь.

Всевозможные дела занимают еще пять дней: составление писем императору, выплата выкупа за пленную византийскую женщину в сумме 500 *солиди*, обед, устроенный старшей женой Аттилы Эрекан, и прощальный ужин с Аттилой. Осталось решить один вопрос, касающийся Констанция, секретаря, посланного к Аттиле Аэцием. Аэций обещал Констанцию дать в жены состоятельную женщину. Император нашел подходящую женщину, но придворная политика воспрепятствовала заключению этого союза. Аттила, пользуясь случаем продемонстрировать свою силу, настаивает, что секретарь должен получить обещанную ему жену. На том и порешили. Да будет так!

После этого посольство отправляется в обратный путь домой. Они проезжают мимо посаженного на кол шпиона — мрачное напоминание о безжалостности Аттилы и страшном искусстве его палачей — двух рабов, умирающих мучительной смертью, будучи подвешенными за шею к ветвям дерева в наказание за убийство. Гунн, являющийся их главным сопровождающим, вскоре поворачивает назад, забирая с собой выданную ему лошадь в качестве подарка.

По пути им встречается Вигил в сопровождении гунна Эсласа, ибо дорога, связывающая Константинополь с резиденцией Аттилы, одна. Он везет (тщательно спрятанные) 50 фунтов золота, которые должен передать Эдике для финансирования убийства Аттилы. Поскольку он был послан улаживать проблему перебежчиков и пленных, его возвращение не является большим секретом. С ним нет гуннских перебежчиков, а лишь рабы и лошади, но он везет еще одно письмо от императора, посвященное этой теме. Пребывая в блаженном неведении, Вигил не подозревает, что едет в западню. Разумеется, он не может знать об этом, поскольку об этом знают только Аттила и Эдика, а Эдику не было не видно и не слышно с того момента, когда он давал инструкции Вигилу по поводу золота после своего признания Аттиле. Похоже, ему не приходит в голову, что одно из главных условий заговора — присутствие византийской делегации в резиденции Аттилы в момент его убийства — уже нарушено. Вигил настолько уверен в успехе, что везет с собой сына.

О том, что произойдет с ним в самом скором времени, Приск узнает позже. Когда Вигил въезжает на гуннскую территорию, люди Аттилы уже поджидают его. Поначалу он приятно удивлен, что его встречают с таким почетом, но через несколько секунд приятное удивление сменяется шоком. Его хватают, обыскивают, отбирают сумку с золотом и доставляют вместе с сыном к Аттиле.

Кому же предназначено это золото? — интересуется

Аттила, словно ему ничего не известно. — Мне или кому-то еще?

Вигил пытается изворачиваться, запинаясь и все глубже погружаясь в трясину лжи: «Чтобы наше посольство выполнило свою задачу, нам нужны дополнительные средства для закупки продовольствия... И если наши лошади и вьючные животные обессилят во время долгого путешествия, нам придется покупать новых. (Непонятно только, зачем византийцам золото на гуннской территории, если они уже ее покинули?) А также выкупить пленных. Стольких людей умоляли меня спасти их родственников».

Если бы Вигил сохранил хладнокровие, он выразил бы негодование по поводу подобного обращения. Неслыханное дело — посла арестовывают и грабят! Император непременно узнает об этом и так далее. Вместо этого своими невразумительными и нелепыми оправданиями он сам себя выдает.

«**Дрянная свинья!** — кричит Аттила, который всегда умело использует свой гнев. — **Тебе не удастся уйти от правосудия с помощью твоих уловок! Твои оправдания не спасут тебя от наказания!**» С Вигилом обращаются, как с простым преступником, причем как с гунном, а не византийцем, не говоря уже о его дипломатическом статусе. Аттила более чем уверен в том, что имеет все основания для такого обращения. Денег гораздо больше, чем требуется самой многочисленной делегации для приобретения продовольствия, лошадей, вьючных животных и выкупа пленных. Кроме того, Вигил вряд ли мог забыть о том, что Аттила отказался выдавать пленных, когда он приезжал первый раз с Максимином.

Аттила кивает стражнику, который держит сына Вигила. Тот достает из ножен меч. Одно мое слово, — говорит Аттила, — и мальчик умрет. Говори всю правду.

Этого момента Аттила ждал с того самого дня, когда узнал о заговоре около шести недель назад. Византийский посол, уличенный в заговоре, оказался, ко всему проче-

му, таким глупым. Можно ли найти лучшее доказательство двуличности византийцев и превосходства гуннов?

Вигил окончательно теряет контроль над собой. Он заливается слезами и просит Аттилу, во имя справедливости, убить его, но пощадить невинного парня, который ничего не знает.

Тогда нужно сказать правду.

Так всплывает наружу правда, которую Аттила и так знал все это время: Хрисанф, Эдика, ужин в Константинополе, согласие императора, золото и все остальное.

Этого оказалось достаточно, чтобы были сохранены жизни. Если Аттила умел гневаться, он также умел быть великодушным. Но из этой ситуации можно извлечь еще кое-какую пользу. На Вигила надевают цепи, и он становится заложником. Того, кто, по его словам, намеревался выкупать других, теперь придется выкупать самого. Сына отправляют домой, и он должен привезти назад еще 50 фунтов золота. За простого посла Аттила требует ту же сумму, что была назначена за его собственную голову. Император потеряет кучу денег и не получит взамен ничего, кроме унижения. Аттиле такая месть должна была доставить немалое удовлетворение.

Но она теряет смысл, если унижение не будет публичным — как для императора, так и для гнусного евнуха Хрисанфа. Вместе с сыном Вигила Аттила отправляет своих проверенных приближенных, Ореста и Эсласа. Их задача заключается в том, чтобы сыпать соль на душевную рану императора.

Перед аудиенцией с Феодосием в Константинополе Орест повязывает вокруг шеи сумку, в которой Вигил вез золото. Разумеется, на аудиенции присутствует Хрисанф. Перед отъездом Аттила поручил Эсласу спросить императора и Хрисанфа, узнают ли они эту сумку. После неловкой паузы Эслас передает слова Аттилы: «Феодосий — сын благородного отца. И я, Аттила, сын моего отца, короля гуннов Мундзука. Я сохранил благородство своего

рода, а Феодосий нет. Так кто из нас варвар, а кто цивилизованный человек?»

Ответ очевиден: сумка является неопровержимым доказательством. Феодосий, организовав заговор против Аттилы, своего владыки, своего хозяина, поступил как взбунтовавшийся раб. **В итоге Аттила заявил, что не простит Феодосия, если тот не выдаст ему евнуха для наказания.**

Необходимо также решить еще один вопрос — с женой Констанция. Его нареченную выдали замуж за другого вместе с приданым. Феодосий наверняка знает об этом и должен забрать ее обратно. Или он не контролирует своих собственных слуг? В таком случае Аттила будет рад сделать молодому человеку предложение, от которого тот едва ли откажется.

Существует лишь один путь выпутаться из этого положения и спасти жизнь Хрисанфа: найти женщину еще более богатую и имеющую еще больше связей, нежели нареченная Констанция, а затем платить, платить и платить. К Аттиле отправляется очередное посольство, возглавляемое сановниками, еще более знатными, чем Максимин. В обмен на огромную сумму денег Аттила уходит с земель южнее Дуная, которые ему не очень-то и нужны, поскольку на их защиту пришлось бы положить немало сил. Констанций получает богатую жену (вдову сына полководца и консула Плинты). Вигил выкуплен. Жизнь Хрисанфа спасена, и он готов к новым интригам и заговорам. Византийские пленные освобождены, гуннские перебежчики прощены.

И теперь внимание Аттилы привлекала более легкая цель, нежели Константинополь, — пришедшая в упадок Западная Римская империя.

7

ВАРВАР И ЦАРЕВНА

В 450 г. на южной границе владений Аттилы по Дунаю царили мир и покой. Его экспансия за Дунай, споры по поводу пленных и перебежчиков и неудавшийся заговор византийцев принесли ему деньги и безопасность, в которых он нуждался для того, чтобы из предводителя шайки грабителей превратиться в основателя империи. Он мог бы пойти по пути консолидации и стабильности. Но это было не в его натуре. Для предводителя грабителей денег и безопасности не бывает достаточно никогда. Нельзя было надеяться на то, что Константинополь будет очень долго привержен своим обязательствам. Он обратил свой взор на запад. Да, с Римом у него вот уже пятнадцать лет был мир, уходящий корнями в гуннско-римский союз, созданный усилиями давнего друга гуннов Аэция. Но Аттила был не из тех, у кого дружба могла бы встать на пути к добыче. К тому же в скором времени у его вассалов и даже, возможно, у его собственных *логедес* зачешутся руки. Нужно было что-то предпринимать.

Рим, сам по себе, был слишком крепким орешком, чтобы его можно было сломить лобовой атакой, но северная

провинция империи Галлия представлялась вполне доступной целью.

Растерзанная Галлия служила игровой площадкой для варваров на протяжении почти 50 лет. Бритты покинули свой беспокойный остров, на который вторглись англы и саксы, и обосновались на северо-западе Галлии, в области, ныне носящей название Бретань. Вандалы, аланы и свевы перешли Рейн в 406 г. и устремились через ее территорию на юго-запад, в Испанию. Бургунды, изгнанные из долины Майна объединенной римско-гуннской армией, обосновались в Савоие. Вестготы, захватив и разграбив Вечный город, прошли в Испанию, а затем вернулись в Аквитанию, где в 439 г. Рим признал их независимость. Разрозненные банды багаудов терроризировали северные области Галлии. В районе Орлеана жили аланы.

Историки любят оперировать дискретными величинами, такими как племена и национальные государства, но в V веке Галлия представляла собой бурлящий котел, где все было перемешано настолько, что разобраться в происходивших там процессах с точки зрения сегодняшнего дня невероятно трудно. Можно лишь выявить одну общую тенденцию: варварские племена перемещались с востока на запад, иногда оседая в той или иной области, они воевали с Римом, иногда заключая с ним мир, они сохраняли свою идентичность, иногда теряя ее.

Пребывая в подобном состоянии, Галлия открывала для Аттилы весьма интересные перспективы. На ее северо-востоке утвердились франки. Разбив жившие в долине Рейна племена, гунны получили бы прямой доступ к их владениям. На северо-западе хозяйничали багауды. Аттила узнал о них от богатого греческого врача Евдоксия, который жил среди них, потом попал в какую-то неприятную ситуацию и был вынужден бежать. Будучи изменником в глазах римлян, он не мог вернуться в Рим и оказался у гуннов.

На юго-западе, в Аквитании, как уже говорилось, после длительных странствий по Испании поселились вестготы. Это были старые враги как римлян, так и гуннов.

В 437 г. армия под командованием Литория, главного заместителя Аэция, изгнала вестготов из Нарбонны, а в следующем году почти вся погибла неподалеку от вестготской столицы Тулузы.

И все же сердце Галлии продолжало биться. Галло-римские провинциалы прочно удерживали центральную и южную ее части, опираясь на поддержку Рима. В 418 г. Рим учредил местную администрацию, Совет Семи Провинций, распространявший римскую культуру и христианство из своей столицы, Арля (где и сегодня сохраняются многочисленные памятники той эпохи), расположенного в дельте Роны. Именно здесь в 424 г. обосновался Аэций в качестве защитника Галлии, в первую очередь от вестготов, но также и от германцев на рейнской границе. Разумеется, в этой борьбе с варварами ему приходилось пользоваться услугами таких же варваров. Когда в 432 г. регентша Галла Пласидия сняла его с должности, он повел наемную армию, состоявшую из франков и гуннов, на Рим, чтобы силой восстановить свои позиции. В 450 г. Аэций продолжал играть ту же роль, и его власть распространялась на сеть укрепленных городов, таких как Трир, обеспечивавший безопасность долины Мозеля, и Орлеан, защищавший долину Луары от вестготов на юге и бриттов и багаудов на северо-западе. Старая граница на Рейне имела свою линию фортов, но они располагались за Арденнами, и отправка туда подкреплений в случае необходимости представляла довольно сложную проблему.

Боевая мощь и Аэций составляли лишь половину уравнения. За другой ее половиной, культурной составляющей, мы обратимся к Авиту, государственному деятелю, любителю искусств и будущему императору. Он жил в 15 километрах к юго-западу от Клермон-Феррана, среди крутых вулканических холмов центрального массива, неподалеку от озера, образовавшегося в доисторические времена, когда поток лавы перерезал русло маленькой реки. Римляне называли озеро Айдакум. Сегодня оно называется Айдат, имеет диаметр 2 километра и так же, как

и в римскую эпоху, окружено деревьями и полями, хотя и стало меньше размерами. Здесь Авит построил виллу, названную им Авитакум, которую описал в своем письме его зять, Сидоний, один из известнейших поэтов своего времени, который прославил свое имя тем, что писал льстивые панегирики богатым и власть имущим¹. Это письмо было написано вскоре после описываемых событий, по поводу краткого правления Авита в качестве императора в 455—456 гг., незадолго до его смерти, когда Сидонию было около двадцати пяти лет от роду. В своих поэмах и письмах, цветистых и высокопарных, он рисует портрет типичного римлянина-провинциала, каким он был перед вторжением гуннов. Это все равно что заглянуть на уик-энд эдвардианской эпохи до 1914 года, познакомиться с жизнью привилегированной англо-индийской семьи в 1930-х годах или попасть на американский Юг времен «Унесенных ветром» перед Гражданской войной. Вокруг рушится огромная империя, а провинциальные богачи продолжают устраивать вечеринки и спортивные состязания и вести претенциозные разговоры о литературе, как будто вокруг ничего не происходит.

Авит, один из наиболее выдающихся людей своего времени, был в 450 г. кем-то вроде правителя Галлии. В эту бурную эпоху он являл собой фактор стабильности. Глава богатой и влиятельной семьи, он был военачальником у Аэция и благодаря доблестной службе занял в Галлии высокие посты как в военной, так и в гражданской сфере управления. В 439 г., после того, как множество посольств потерпели неудачу, он убедил вестготского правителя Теодориха подписать мирный договор. К 450 г. Авит был известным покровителем искусств, гостеприимным хо-

¹ Письмо II другу Домицию, ученому, который (как он пишет еще где-то) был настолько строг, что «даже человек, — говорили про него, — смеявшийся один раз в жизни, не отличался такой критичностью». Возможно, описывая Авитакум, он хотел немного смягчить суровый нрав своего друга. (*Прим. пер.*)

зяином, страстным коллекционером манускриптов и искуснейшим в империи дипломатом.

Письмо Сидония уводит нас на экскурсию по дому Авита. К западу высится крутой холм, отроги которого окаймляют виллу и ее сад площадью 2 акра с севера и юга. К востоку от нее находится озеро. По современным меркам, Авитакум в большей степени является деревней, нежели виллой, в которой управляющие, арендаторы и рабы живут раздельно. Важным объектом, символом богатства, культуры и самоидентификации, являются бани, уютно притулившиеся к поросшему лесом крутому склону, по которому, когда лесорубы берутся за работу, бревна «скользят, складываясь в штабеля едва ли не сами по себе у жерла печи». Возле печи находится горячая баня, в которую по лабиринту свинцовых труб подается сильно нагретая вода. Рядом с горячей баней располагается массажная комната, в которой массажисты втирают в разгоряченную кожу ароматические масла и *фригидариум*. Все эти здания имеют конусообразные крыши и белые стены из известняка, расписанные не обычными фресками, а строками стихов. Три арки с порфировыми колоннами ведут к бассейну длиной 20 метров. Вода для него берется из ручья, низвергающегося с вершины холма по шести трубам и с журчанием вытекающего из львиных голов на их концах. К бассейну примыкают гостиная для дам, главное хранилище и комната для мастериц-ткачих. На озеро смотрит большой портик, от которого отходит коридор, ведущий на открытую площадку, где собираются для приема пищи рабы и их семья.

Неподалеку отсюда располагаются зимняя столовая со сводчатым камином и летняя столовая с лестницей, ведущей на веранду, откуда открывается вид на озеро. Отсюда гости наблюдают за тем, как рыбаки забрасывают свои сети или устанавливают на ночь переметы на пробковых поплавах для ловли форели. Если становится жарко, всегда можно отправиться в гостиную, выходящую окнами на север, и послушать умиротворяющий

полуденный стрекот цикад. Окружающий мир полон и других звуков: лягушачий хор в опускающихся сумерках, гогот гусей по вечерам, петушиные крики на рассвете, утренний гомон грачей, мелодичное пение соловьев. Тропинка, проложенная по поросшему травой склону, приводит вас к тенистой липовой роще, где семья играет с гостями в мяч или кости. При желании можно совершить прогулку на лодке. Избегая заболоченного западного края озера, беспорядочно поросшего диким тростником, вы гребете вдоль лесистого и извилистого южного берега, огибаете маленький остров и поворачиваете назад у столба, у которого разворачиваются взмокшие от пота, смеющиеся гребцы во время ежегодных соревнований. И всю эту картину наблюдает Авит, так как из библиотеки открывается вид на бани, лужайку и озеро. Диктуя письма и давая указания управляющим, он не забывает лишний раз удостовериться, что его гостям хорошо в этой римской Аркадии.

А чем гости могут заняться помимо катания на лодках, купания и поглощения пищи? Сидоний рассказывает нам об этом в другом письме, где описывается жизнь в двух поместьях неподалеку от Нима, традиционная для высшего римского общества той эпохи. По утрам их обитатели часто устраивают игру: становятся в круг и бросают друг другу мяч, а один пытается его перехватить, в то время как внутри круга другие играют в кости. В гостиной лежат груды манускриптов и несколько только что изданных книг в твердых переплетах: чувственные романы для дам и литература, отличающаяся возвышенным стилем, для мужчин. В тот момент, когда мужчины обсуждают последнюю латинскую версию произведения какого-нибудь выдающегося греческого автора, слуга объявляет, что обед готов — водяные часы показывают пятый час. Жареное и тушеное мясо запивается вином, в то время как кто-нибудь читает вслух рассказ. За этим следует легкая прогулка и сауна. К сожалению, в этих поместьях нет бани с парной. Слуги выкапывают канаву, за-

полняют ее раскаленными камнями, сооружают над ней крышу из веток, которую покрывают коврами. Когда гости собираются, слуги поливают камни водой.

«Здесь мы проводили часы за остроумными беседами, в то время как нас окутывал шипящий пар, покрывая потом наши тела. Затем мы окунались в горячую воду, лежали в ней до изнеможения, пока не открывались все поры, после чего бросались в холодную воду источника или в реку».

Эти виллы были квинтэссенцией утонченности, элегантности и богатства. Помимо них в Галлии имелись сотни других вилл, меньших по размеру, а также около 100 городов и среди них крупные региональные центры, такие как Нарбонна и Лион. Даже самый скромный из этих городов затмевал столицу Аттилы в венгерских степях. Вполне возможно, что один из римских секретарей Аттилы слышал об Авитакуме и рассказал о нем и его владельцах своему хозяину, а тот решил, что эти погрязшие в роскоши люди окажутся легкой добычей.

Каким чудесным местом отдыха от государственных дел стала бы для него эта обитель — чем-то вроде Берхтесгадена, Чекерса или Кэмп-Дэвида, — где какая-нибудь изысканная и образованная красотка из высшего римского общества развлекала бы своего хозяина и с нетерпением ждала, когда он соизволит навестить ее!

Теперь нужно было определиться, как следует действовать. Если сразу двинуться на Галлию, это вызовет беспокойство в Риме, и тогда он рискует лишиться дружбы Аэция, являвшегося стражем этой римской провинции. Эту проблему можно было решить с помощью вестготов, традиционных врагов как римлян, так и гуннов. Аттила решил поиграть в дипломатию, в которой, если говорить откровенно, он был новичком. Он представил дело так, будто вестготы, будучи его вассалами, бежали от своего

господина, и их необходимо привести в повиновение. Поскольку вестготы являются врагами римлян, «он выступит в роли хранителя дружбы Рима», согласно выражению летописца той эпохи Проспера Аквитанского. Подобным шагом Атилла мог бы даже приобрести себе друзей среди римлян в Аквитании, где землевладельцы были бы счастливы заполучить назад свои поместья, отобранные у них ранее вестготами.

Разумеется, вестготы не встретили бы гуннов с распростертыми объятиями. Их нужно было нейтрализовать. Атилла направил Теодориху послание, в котором напоминал, что его истинными врагами являются римляне, и предлагал помощь в борьбе с ними. Как говорит об Аттиле Иордан, «под личиной свирепости скрывался проникательный человек». Но так ли это? Неужели он был настолько наивен, что думал, будто его враги не видят, откуда исходит главная опасность? Мне кажется, так оно и было.

Источником его вдохновения было государство, незадолго до этого образованное другими варварами, — королевство вандалов в Северной Африке. Иордан рассказывает по этому поводу удивительную историю. Вестготская принцесса, дочь Теодориха, вышла замуж за вандальского принца Хунериха, сына короля Гензериха. Поначалу все шло хорошо. У них родились дети. Со временем Хунерих превратился в настоящего параноика. «Он был жесток даже к собственным детям, и из простого подозрения, будто жена хочет отравить его, приказал отрезать ей нос, после чего отослал ее обратно к отцу в Галлию. Этот поступок, потрясший современников, вызвал справедливый гнев Теодориха». Таким образом, у Гензериха были все основания опасаться мести вестготов, и нападение на них Аттилы пришлось бы ему очень кстати.

Какие перспективы открывались перед Аттилой, достигни он цели! Разгромив вестготов, он получил бы в свое распоряжение огромную территорию от Каспийского моря до Атлантики и равную по протяженности Римской

и Византийской империям вместе взятым, с линией снабжения, пролежавшей между беспокойными багаудами на севере и римскими легионами на юге. Тогда можно было бы сокрушить багаудов или просто игнорировать их и идти на Галлию. Атила стал бы правителем всей северной Европы, новой, динамичной империи, которая — почему бы и нет? — со временем поглотила бы насквозь прогнившую, разделенную на две части империю, расползавшуюся к югу.

Такие долгосрочные планы Атилы не более чем предположение, но существуют определенные свидетельства того, что он, по крайней мере, начал путь в этом направлении. Он отправил в Рим Валентиниану III послание, в котором сообщал о своем намерении напасть на вестготов и заверял его, что у него нет никаких претензий к Западной Римской империи. Стояла весна 450 г., и нужно было готовиться к долгому походу на запад. Эта кампания вполне могла завершиться успехом, если бы не два события, побудившие Атилу взять на себя слишком много, что и явилось причиной его поражения.

Император Валентиниан III, которому недавно исполнилось тридцать, имел сестру, Гонорию, и оба они были детьми грозной Галлы Пласидии, дочери Феодосия Великого. Судьба этой женщины поистине драматична: увезенная из Рима вождем готов Атаульфом, она была возвращена римлянам после убийства последнего и затем вышла замуж за Констанция (не путать с секретарем Атилы). Ее дочери Гонории было суждено изменить ход истории.

Императорская семья жила в тогдашней столице Равенне последние 25 лет, со времени победы над узурпатором Иоанном. Гонория с детства росла в привилегированном положении и носила почетный титул «Августа». Она имела собственную резиденцию во дворце, всеми делами которой заправлял мажордом Евгений. Как и мать, Гонория была амбициозной женщиной, но в отли-

чие от нее она хотела править самостоятельно и в отличие от своего недалекого и слабого брата обладала для этого всеми необходимыми качествами. Единственное, чего ей не хватало, — возможности, которая могла бы появиться у нее, не будь у Валентиниана наследников. Но она продолжала лелеять мечты о власти, а для их осуществления ей нужен был супруг. Рядом с ней постоянно находился Евгений, который вначале составил вместе с ней заговор с целью захвата власти, а затем стал ее возлюбленным. Вот как описывает эту ситуацию Гиббон: «Красивой Гонории было лишь шестнадцать, когда она возненавидела условности, препятствовавшие проявлению естественных чувств. Она задыхалась в атмосфере, проникнутой суетой и помпезностью, и однажды уступила зову природы, бросившись в объятия своего дворецкого Евгения».

Следует отметить, что, когда это случилось, ей было отнюдь не шестнадцать, а тридцать с небольшим. Гиббон говорит, что она забеременела и ее сослали подальше с глаз, в Константинополь. Никто другой не говорит о беременности и ссылке, а Гиббон не раскрывает свой источник. Во всяком случае, любовная связь и заговор были раскрыты, Евгения казнили, а Гонорию собирались выдать замуж за богатого консула, не помышлявшего о каких-либо интригах.

Доведенная до отчаяния потерей возлюбленного, крушением планов и перспективой супружества со скучным консулом, Гонория замыслила ужасную месть, с помощью которой она могла бы получить вожделенную власть. Ей было известно из письма Аттилы ее брату, что гуннский правитель, являвшийся самым могущественным монархом Европы за пределами Западной Римской и Византийской империй, планирует распространить свое господство на земли вестготов и, вероятно, станет правителем всей Галлии.

И Гонория решила отомстить брату следующим образом: она станет супругой Аттилы и будет править если не как римская, то как галльская императрица.

Рассказ Гиббона о ее плане — настоящий голливудский сценарий, приправленный классическим свингом и изрядной порцией ксенофобии:

«Нетерпение, порожденное долгим и безнадежным безбрачием, побудило ее принять странное и отчаянное решение... В поисках любви или, скорее, мести дочь Пласидии презрела долг, отбросила предрассудки и отдалась варвару, чей язык она не понимала, чей облик едва напоминал человеческий, чьи манеры и чья религия вызывали у нее отвращение».

Существуют и другие источники, подтверждающие достоверность основных сюжетных линий этой истории. Среди ее окружения был преданный ей евнух Гиацинт, которому она доверила претворение своего необычного замысла в жизнь. Поручив ему передать гуннскому правителю кольцо в качестве доказательства своих благих намерений, Гонория послала Гиацинта к Аттиле с мольбой о помощи. За определенную сумму он должен был немедленно прийти и избавить ее от нежелательного брака. Кольцо означало, что в благодарность за его помощь она выйдет за него замуж.

У Валентиниана имелись свои шпионы, но Гиацинт уехал задолго до того, как ему стало известно о планах сестры. Слухи об этом скандальном деле распространились в высших сферах общества и дошли до Константинополя. Феодосий II, который только что умиротворил Аттилу после провала заговора против него, не желал подвергать опасности с таким трудом восстановленный мир. Он посоветовал Валентиниану отдать Гонорию Аттиле. Однако римский император не мог допустить, чтобы его авторитету был нанесен такой ущерб. Письменные свидетельства о том, как Гиацинт выполнил свою миссию, отсутствуют — в резиденции Аттилы едва ли был историк, который мог бы оставить их. У меня есть подозрение, что Онегесий поначалу не хотел беспокоить хо-

зьяина сообщением о посланнике со столь безумным предложением, но затем передумал. Вероятно, они оба выслушали Гиацинта, и Аттила принял эту идею к сведению, чтобы затем, поразмыслив, что он от этого выиграет, принять решение. Это должно было занять несколько недель. Когда Гиацинт вернулся к своей госпоже с известием об успехе, он был схвачен, подвергнут пыткам и обезглавлен.

У Валентиниана наверняка был соблазн избавиться от своей беспокойной сестры, но ему не давала сделать это его все еще весьма влиятельная мать. В том же году Галла Пласидия умерла, и после этого Гонория исчезла со страниц манускриптов, выйдя замуж за своего консула, который не позволял ей больше заниматься интригами.

Тем не менее ее действия не остались без последствий. Гонория сделала предложение Аттиле весной 450 г., а 28 июля того же года Феодосий II упал с лошади, сломал позвоночник и спустя два дня умер в возрасте 50 лет, оставив после себя двух дочерей и одну проблему. Он взошел на престол семилетним ребенком и никогда не был сильным императором. Подлинная власть всегда находилась в руках его старшей сестры Пульхерии, и она не собиралась уступать ее только потому, что ее брат умер. Спустя три недели она вышла замуж за фракийского сенатора по имени Марциан и объявила удивленным, но послушным придворным, что император на смертном ложе назвал его своим наследником. Марциан, как и Пульхерия, не был миротворцем. Настал удобный момент для того, чтобы перекрыть поток золота, текущий на север к Аттиле, поскольку тот был занят приготовлениями к походу на запад и вряд ли стал бы менять свои планы. Поэтому одним из первых актов Марциана явилось аннулирование договора о выплатах Аттиле, заключенного Феодосием.

Аттила собрал армию, какую римляне никогда не видели прежде, набирая солдат из всех племен своей империи, список которых с каждым годом становился все

длиннее и длиннее. Летописцы уже начали вносить в него племена из мифов и довели численность войск Аттилы до полумиллиона человек. Конечно, эта армия вряд ли сравнилась бы с общими силами Рима, но она могла насчитывать несколько десятков тысяч воинов. В ее состав входили гепиды из Трансильвании во главе со своим королем Ардарихом, вызывавшим восхищение (по словам Иордана) своей преданностью и мудростью; три отряда остготов со своей новой родины, находившейся к югу от Дуная, ныне возвращенной под опеку Константинополя, но поставившей солдат обеим сторонам, подчинившихся Валамиру — красноречивому, лукавому и коварному — и двум его заместителям, Теодомиру и Видимиру; руги, изначально жившие, по всей вероятности, в северной Польше, а затем в районе севернее Вены; скирианы, составлявшие костяк гуннской пехоты со времен Руги, чей бывший вождь Эдика пользовался расположением Аттилы, особенно после того, как доказал свою преданность, сорвав заговор, имевший целью его убийство; акатири и герулы с берегов Азовского моря; признанные копейщики аланы, многие из которых были ассимилированы в самом начале завоевания; отряды германцев из Рейнланда и Тюрингии и бургунды, оставшиеся после миграции основной массы племени на запад; лангобарды («длиннобородые») из Моравии, которые некогда жили на Эльбе, а впоследствии переселятся в Италию под именем ломбардов и дадут свое название области вокруг Милана.

Аттила попал в затруднительное положение. Он был готов начать кампанию, и у него была армия, насчитывавшая несколько десятков тысяч человек, которых нужно было кормить, тогда как выплаты из Константинополя прекратились. Его планы — сначала вестготы, затем Галлия, а потом и обе империи — оказались под угрозой срыва. Нельзя было терять ни дня. Но куда направиться в первую очередь?

Может быть, Марциан был всего лишь *бумажным тигром*? Ничего подобного. Когда гуннские послы потребо-

вали от него уплаты дани, Марциан, как говорится в одном источнике, ответил им, что его золото предназначено для друзей, а для врагов припасено железо. Самое большее, на что Аттила мог рассчитывать, при условии сохранения мира, были «подарки». А если он будет угрожать войной, то может быть уверен, что столкнется с силами, не уступающими его силам, а может быть, и превосходящими их. Надежда мелькнула в конце 450 г., когда Марциан отправил к гуннам посла, Аполлония, но, узнав, что тот не привез с собой денег, Аттила отказался его принять и велел ему передать, чтобы он оставил подарки и убирался, если не хочет лишиться жизни. Аполлоний, полководец и самый высокопоставленный посол, какого только мог выбрать Марциан, был человеком не робкого десятка. Аттила не вправе, — ответил он, — выдвигать подобное требование. Конечно, можно убить посла и силой отобрать привезенные им подарки, и именно это ему придется сделать, если он захочет оставить их у себя без переговоров. Это был смелый ответ, и Аттила оценил его по достоинству. От переговоров он все же отказался, но разрешил Аполлонию забрать подарки с собой.

У Аттилы оставался еще один шанс претворить свои планы в жизнь — шанс небольшой, но попытаться стоило. На его пальце было кольцо Гонории. Так, безумный поступок отчаявшейся женщины вызвал не менее безумную реакцию. Родная сестра императора умоляла его о помощи и предлагала ему себя в жены, и наверняка с приданым, размеры которого ограничивались лишь воображением Аттилы. Нужно было только решить две проблемы: во-первых, она должна быть освобождена, во-вторых, она должна получить то, о чем всегда мечтала, — стать соправительницей Валентиниана.

Далее повествует Приск: «Он отправил посла, который заявил, что Гонории никто не смеет причинять зло и что если она не получит скипетр, он отомстит за нее... Римляне ответили, что Гонория не может стать его женой, поскольку уже замужем за другим, и что она не име-

ет права на скипетр, поскольку Римской державой может управлять только мужчина, но не женщина».

Это было настоящее сумасшествие. Аттила должен был казаться чиновникам Валентиниана таким же далеким от реальности, каким казался Иди Амин, диктатор Уганды, чиновникам Уайтхолла в 1970-х годах, когда он провозгласил себя завоевателем Британской империи. Когда пришел закономерный ответ, Аттила уже принял решение. Он двинется на запад, и как можно быстрее, чтобы опередить возможные действия со стороны Марциана. И пойдет сразу в Галлию, забыв о вестготах. Если он одержит там победу, вся северная Европа окажется под его контролем, и, даже объединившись, две империи ничего не смогут с этим поделать.

Но до Галлии еще нужно было добраться. Аттиле до сих пор не приходилось осуществлять столь сложную кампанию. Горы, реки и леса ему доводилось преодолевать и раньше, во время походов на Балканы, но расстояния тогда были значительно меньшими. Кроме того, большое значение приобретала скорость. Был необходим блицкриг — быстрое продвижение вверх по Мозелю, а затем бросок к Атлантическому побережью с целью создания там плацдарма. Для этого требовалась кавалерия, за которой продвигалась бы пехота. Лучше было обойтись без баллист и осадных башен, с помощью которых он взял Наисс. Они способны проходить всего 15 километров в день, да и то только по хорошим дорогам. Его армии придется пересечь за месяц всю Францию — свыше 700 километров.

Но это было невозможно. Ему требовалась скорость, но при этом нужно было брать города или хотя бы держать их в осаде. Быстрые конные лучники успешно сражались на открытой местности против пехоты и более медленной, тяжеловооруженной римской кавалерии, но против городов-крепостей, таких как Трир и Мец, от них

было мало толку. В любом случае были нужны осадные машины, а значит, и повозки. Разумеется, какие-то повозки имелись — для провианта и запаса стрел, — но для массивных машин требовались особо прочные и тяжелые, а значит, и большое количество быков, фуража и верховых, которым тоже нужно было чем-то питаться. Рядом с домом можно использовать конных лучников в сочетании с осадными машинами, но не тогда, когда удаляешься от него все дальше и дальше.

Это был страшный риск. По возможности Аттила хотел бы избежать столкновения, которое сулило оказаться очень тяжелым. Он снова подумал о Гонории. Теперь, когда его армия стояла на границе империи, готовая к боевым действиям, как германская армия в 1914 г., он убеждал себя в том, что его позиции действительно сильны. Его послы выдвигали все более высокие требования. Гонория принадлежала ему по праву — у него имелось доказательство в виде кольца, а стало быть, и все, что принадлежало ей и было отнято у нее ее жадным братом.

Но что же принадлежало ей, а теперь и ему? Приск приводит требование Аттилы: «Валентиниан должен отдать ему *половину своей империи*». Имелась в виду, естественно, Галлия.

И снова неизбежный отказ. Еще одно, последнее, категорическое требование последовало тогда, когда Аттила уже шел на запад, через леса Германии, направляясь к Рейну. Его посол заявил Валентиниану: «Аттила, мой хозяин и ваш хозяин, приказывает вам приготовить для него дворец».

Наконец Валентиниан осознал истинное положение вещей. Больше никакого самообмана по поводу того, что целью гуннов являются вестготы, никаких иллюзий относительно старой дружбы между Аттилой и Аэцием, никаких попыток разрешить конфликт дипломатическим путем. Если его не остановить, он придет, и Рим падет к его ногам.

Часть III

СМЕРТЬ
И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

8

БИТВА НА КАТАЛАУНСКИХ ПОЛЯХ

Оглядываясь впоследствии назад, когда уже было известно, какая опасность угрожала тогда Европе, люди осознавали, сколько знаков, предзнаменований и чудесных явлений предшествовало возникновению этой опасности: землетрясение в Испании, лунное затмение, таинственные блики северного сияния, наблюдаемые необычно далеко на юге. В мае 451 г. в утреннем небе появилась комета — комета Галлея, как мы ее называем сегодня, — с пылающей головой и струящимся хвостом, грозная, словно ракета, выпущенная из небесной катапульты. Угроза, которая постепенно нарастала в течение 50 лет, — захват вестготами Аквитании, расселение аланов, вандалов и свевов в Северной Галлии и бургундов в Савойе, появление франков на границе Мезии, потеря Северной Африки и Британии, отсоединение Бретани, бесчинства багаудов — теперь, похоже, достигла своей кульминации.

Осуществляя вторжение на запад, гунны столкнулись с той же проблемой, что и немцы при подготовке к втор-

жению во Францию в 1914 г., а затем и в 1939 г. Со стороны Рейна Франция хорошо защищена горами Вогезами, снижающимися к северу в сторону Эйфеля и Арденн. Единственный удобный путь — вверх по долине Мозеля, через современный Люксембург и дальше на равнины Шампани. Но идти в глубь Франции (или Галлии) через горы не имеет смысла, если существует угроза нападения с севера — из Бельгии или, в данном случае, из области, занятой франками.

У Аттилы были проблемы с франками. Их король умер, и два его сына оспаривали друг у друга наследство. Старший обратился за помощью к Аттиле, младший — которому было всего пятнадцать или шестнадцать лет — искал поддержку у Рима и нашел ее у Аэция. Приск видел этого юношу в Риме в конце 450 г. «У него еще не росла борода, а длинные льняные волосы опускались до плеч». Аэций усыновил его — обычное средство обеспечения прочного союза, — и молодой человек уехал с целым обозом подарков и обещаний. Очевидно, он получил бы необходимую помощь в борьбе за трон и в результате оказался бы в зависимости от Рима. Иметь римского вассала на правом фланге для гуннов было недопустимо, точно так же, как в 1914 г. немцы не могли допустить, чтобы нейтральная Бельгия оказалась в лагере союзников. Прежде чем вторгнуться во Францию, Германии нужно было сначала нейтрализовать «бедную маленькую Бельгию». Прежде чем вторгнуться в Галлию, Аттиле нужно было сначала нейтрализовать *бедных маленьких* франков.

В начале 451 г. главные силы Аттилы двинулись вверх по обоим берегам Дуная, переправляясь через притоки по бродам и мостам, сооруженным из бревен. Одно крыло его армии отклонилось к югу и затем пошло вверх по Рейну через Базель, Страсбург, Шпайер, Вормс, Франкфурт и Майнц, чтобы затем встретиться с главными силами, следовавшими вдоль старой границы от Дуная к Рейну. По всей вероятности, гунны переправились через Рейн

в районе Кобленца, наведя понтонные мосты и соорудив плоты для повозок.

Отсюда в марте 451 г. Аттила мог послать отряд к тем франкам, которые еще не воевали на стороне римлян. В пользу этой версии свидетельствует тот факт, что Хильдерих, старший принц, обратившийся за помощью к Аттиле, позже стал-таки королем франков. Вне всякого сомнения, франкские воины находились и в рядах гуннов, как и в рядах римлян.

Все рассказы об этой кампании происходят из христианских источников, ибо в ту эпоху именно христианство выступало в роли хранителя огня в мерцающем факеле цивилизации. Они были записаны позже, и большинство из них представляют собой жития замученных гуннами епископов, причисленных к лику святых, в которых историческая правда тесно переплетена с фантазией. Но даже при всем при этом у нас есть возможность проследить путь Аттилы. Вероятно, меньшая часть его армии переправлялась через Рейн возле Страсбурга и встретила сопротивление со стороны бургундов. Но главные силы, как уже говорилось, преодолели реку неподалеку от слияния Мозеля и Рейна у Кобленца. Той же весной гунны и их разношерстные союзники двигались по извилистым дорогам вдоль обоих берегов Мозеля, чтобы потом соединиться на каменном мосту с девятью арками в Трире.

Им не нужно было идти дальше. Трир являлся столицей трансальпийских владений Рима, пока за 50 лет до описываемых событий провинциальные власти не переехали в Арль, и на протяжении трех столетий он служил крепостью. 7-метровые стены соединяли четверо колоссальных ворот, одни из которых сохранились по сей день благодаря некому греческому монаху, замуровавшему себя в них в XI веке и тем самым создав вокруг них ауру святости. Когда гунны проходили мимо них, эти северные ворота сияли мягким желтым светом, но спустя столетия их поверхность покрылась темной патиной, что

всегда происходит с песчаником. Из-за этого они получили название Porta Nigra — Черные Ворота. Ничто в Галлии, ни тогда, ни сейчас, не могло бы лучше символизировать власть Рима, чем это грандиозное сооружение 30 метров в высоту, 36 метров в длину и 22 метра в толщину. Его каменные блоки, на многих из которых каменщики вырезали свои имена и даты, весят до 6 тонн. Их вырезали бронзовыми пилами, приводимыми в действие силой падающей воды из Мозеля, и соединяли не цементом, а железными скобами. Ворота имеют три этажа, 144 арочных окна и две башни. Две арки с опускающимися решетками вели через них в город, который в ту пору населяли 80 000 человек. Это был Рим в миниатюре. Его мраморный дворец был сооружен по приказу Константина в 300—310 гг. из 1,5 миллиона плиток, привезенных из Пиренеев и Африки. Городские бани были самыми большими в империи, если не считать бани Диоклетиана и Каракаллы в Риме. Они имели зал для гимнастических упражнений, горячее, холодное и теплое помещения, печь, растапливавшуюся углем, и двухэтажные подвалы. На стадионе 20 000 человек могли одновременно наблюдать, как сражаются гладиаторы, как терзают преступников львы, или смотреть театральные представления, происходившие на сцене, приподнятой над полом (все это сегодня лежит в руинах).

Итак, Трир должен был положить предел продвижению гуннов на запад. Однако они проследовали мимо него практически без остановки. Мы не знаем, что случилось. Отсутствие каких-либо свидетельств позволяет предположить, что его гарнизон, сильно поредевший после того, как столица Галлии была перенесена в Арль, просто заперся в городе и позволил варварам обойти его. Гунны двинулись дальше, вне всякого сомнения, оставив арьергард, чтобы блокировать долину, на тот случай, если к солдатам Трира вернется самообладание.

Во всяком случае, нам известно только о тех событиях, которые произошли у следующего пункта их маршрута,

Меца. Согласно одному сообщению, гунны тщетно били тараном в стены, после чего прошли вверх по реке, где как раз перед Пасхой до них дошло известие, что часть поврежденных стен обвалилась. Они быстро вернулись и через образовавшуюся брешь ворвались в город, который пал 8 апреля. Один священник был взят в заложники, остальным перерезали горло, а многие жители сгорели заживо в своих домах.

Гунны продолжили свой путь по покатым известняковым склонам Арденн и вышли на просторы *sampi*, открытую равнину, давшую свое название области Кампания, которая позже стала называться Шампань. В те времена эти места были известны, как Каталаунские поля, и название это происходило от латинского имени местного племени, которое еще и сегодня звучит в названии города Шалон. К северу от Шалона в сторону Реймса, центрального города Галлии, судя по всему, сходились все ее главные дороги. Древний город с его триумфальной аркой, воздвигнутой Августом, и форумом был почти пуст. Большинство жителей разбежались по окрестным лесам, и осталась лишь небольшая группа людей, надеявшихся на лучшее, во главе с архиепископом и несколькими священниками. Согласно легенде, когда гунны приблизились к нему, прелат Никасий пел псалом 119. Возможно, он полагал, что этот самый длинный из псалмов, содержащий 176 стихов, обладает какой-то особой защитной силой. Выяснилось, что это не так. Едва он дошел до стиха 25 — «Моя душа рассыпается в прах: Оживи меня согласно Твоему слову», — как гуннский меч отсек ему голову. Позже он был канонизирован.

Однако на направлении главного удара лежал Орлеан, в окрестностях которого обитали старые враги Аттилы — аланы. Гунны со своими повозками двигались с меньшей скоростью, чем скорость блицкрига, преодолевая не более 20 километров в день. Местные жители разбежались от них по лесам и горам. Те, у кого имелись цен-

ности, зарывали их, богачи тряслись от страха в своих укрепленных замках.

Парижане не желали оказаться запертыми на своем острове, словно в западне. Нашлась женщина, которая привела их в чувство. Женевьева, как впоследствии и другая святая дева, в детстве ухаживала за овцами, а в пятнадцать лет постриглась в монахини и приобрела известность аскетизмом и видениями. (Вне всякого сомнения, первое порождало второе.) Она готовила чудесные снадобья и предсказывала будущее. Оба эти таланта пришлось очень кстати во время нашествия гуннов. Это воля господина, — говорила она, — и его можно умиловать только молитвой и покаянием. Женевьева обратилась к горожанам с призывом не покидать свои дома и молить бога о спасении. Мужчины осыпали ее бранью и продолжали разбегаться, но храбрые женщины пристыдили своих трусливых мужей, после чего паника прекратилась. И гунны действительно не дошли до Парижа. У них не было в этом нужды, поскольку он лежал в стороне от их маршрута. Но Париж запомнил простую сельскую девушку и возвел ее в ранг святой патронессы города.

А что же между тем императорская армия? Когда гунны вторглись в Галлию, никто не знал, куда они направляются. Может быть, в Италию. Валентиниан приказал большей части своих войск оставаться в местах дислокации. Аэций, на всякий случай, был отправлен с небольшими силами в Арль, расположенный в устье Роны, где ждал развития событий — несомненно, со всевозрастающим нетерпением.

Теперь гунны двигались на юго-запад, намереваясь пересечь равнины Шампани, переправиться через Луару, чтобы потом повернуть на юг, к столице вестготов Тулузе. Таким образом, они держались на большом расстоянии от центрального массива и, выйдя из лесов долины Луары на открытые пространства, получали возможность с максимальной эффективностью использовать свою кавалерию.

Однако на их пути оказались два крупных города — Труа и Орлеан.

Орлеан на протяжении многих веков имел ключевое значение. Его первоначальное название, или, скорее, латинская версия первоначального кельтского названия — Генабум, поскольку он сидит на колене, «гену», Луары, где река делает петлю в своей самой северной точке. Зимой Луара представляла собой бурный поток, но летом была вполне судоходна, и по ней можно было добраться как до побережья Атлантики, так и в центр провинции и далее вниз по Роне до Средиземного моря. Помимо всего прочего, в Орлеане сходились дороги, одна из которых вела через каменный мост на юг.

Цезарь в свое время сжег его, Марк Аврелий отстроил заново, назвав в честь себя Аврелианумом, и это название превратилось позже в Орлеан. В V веке это был крупный богатый город, по всем статьям превосходивший маленький Париж. Его жителей ничуть не беспокоило присутствие в окрестных лесах одного аланского клана.

Гуннам потребовалось бы три недели, чтобы преодолеть 330 километров от Меца до Орлеана, при условии, что им никто не препятствовал бы. Они были бы там к началу мая. Горожане укрылись за прочными стенами и приготовились к осаде. Тем временем священник Аниан — впоследствии причисленный за свои деяния к лику святых — уже спешил установить контакт с Аэцием, чтобы выяснить, какую тот может оказать помощь и когда. Аэций находился в Арле, в устье Роны, и путь до него был неблизкий: вверх по Луаре 300 километров (2 недели), переход в районе Сент-Этьенна к Роне (1 день) и 200 километров вниз по Роне (5 дней). По крайней мере столько же занял бы переход Аэция на север. В общей сложности получилось бы около шести недель. Следовало также учитывать, что гунны были не единственной опасностью. Местные аланы вдруг вспомнили, что их соплеменники являются вассалами гуннов и входят в состав их армии. Вождь алан Сангибан отправил Аттиле послание, в кото-

ром обещал помощь во взятии Орлеана в обмен на милостивое обращение.

Путь Аттилы пролегал через реки Об и Сена, город Труа и вокруг него, ибо это была большая армия с массой повозок, которые запрудили все имевшиеся дороги. Он наверняка вглядывался в просторы равнин Шампани, простирающихся к северу от Труа в сегодняшнем французском департаменте Об, где Сена и Об извиваются навстречу друг другу по Каталаунским полям. Труа, прелестный городок с деревянными домами под тростниковыми крышами и, может быть, одной-двумя каменными виллами, не имел стен и поэтому был легкой добычей для наступавших гуннов. Здесь имелась большая церковь, в которой служил епископ Луп, известный своим участием в миссии в постримскую Британию двадцатью годами ранее. Ему предстояло прославиться еще больше благодаря приходу Аттилы.

Последовавшие события легли в основу легенды, в которой безнадежно переплелись факты и вымысел, но которая часто преподносится как подлинная история. Согласно житию святого Лупа, он спас свой город и его жителей, встретившись с Аттилой, и якобы именно во время этой встречи была произнесена знаменитая фраза. Если допустить, что встреча действительно имела место, то, как представился Луп, не нашло отражения в записях, но предположительно это прозвучало так: «Я Луп, человек божий». На что Аттила ответил на безупречной латыни:

«Ego sum Attila, flagellum Dei» — «Я Аттила, бич божий».

Разумеется, это христианская версия, призванная объяснить успехи Аттилы. Казалось немислимым, что язычник мог одерживать победы над божьей империей против воли бога. Поэтому язычник или нет, но он должен был пользоваться поддержкой бога, а единственное возможное объяснение этому заключается в том, что христиане не оправдали божественных ожиданий и были наказаны за свои прегрешения. В одной легенде повест-

вуется о схваченном гуннами отшельнике, предсказывающем судьбу: «Ты бич божий, но бог может, если ему заблагорассудится, и сломать орудие своей мести. Ты потерпишь поражение и поймешь, что твоя сила имеет неземное происхождение». Исидор Севильский, энциклопедист VI и VII веков, тоже использовал это определение для гуннов. В течение двух столетий оно превратилось в клише. Мы еще обратимся к этой теме в главе 12.

Тот же самый аргумент будет использован впоследствии другим языческим вождем против другой монотеистической религии, когда Чингисхан ураганом прошелся по исламскому миру в 1220-х годах. Он якобы говорил жителям Бухары: «Я кара божья. Если бы вы не совершили больших грехов, бог не ниспослал бы на вас наказание в моем лице». В обоих случаях историки стремились напомнить верующим о необходимости благочестия. Таким образом, религиозные деятели использовали языческих вождей в собственных интересах.

Вернемся к истории о Лупе и Аттиле. Епископ был напуган. Поскольку Аттила, судя по всему, представлял собой божественное возмездие, был более уместен примирительный тон, нежели вызывающий. «Какой смертный мог бы устоять против бича божия?» — ответил он. И так, оба сочли, что могут использовать друг друга. Аттила согласился пощадить Труа при условии, что Луп будет оставаться с ним до тех пор, пока он не сочтет нужным отпустить его. Епископ мог оказаться весьма полезным в том случае, если его паства задумала бы оказать сопротивление, или в качестве разменной монеты, если в будущем Аттиле пришлось бы выторговывать какие-либо условия. Эта сделка сильно подпортила репутацию Лупа. Был ли он заложником или же в большей мере проводником, первым примером явления, известного сегодня как «синдром заложника» — когда жертва, руководствующаяся инстинктом самосохранения, становится сообщником преступника?

Тем временем в Арле Аниан прилагал все усилия, чтобы убедить Аэция двинуться на север. Орлеан мог продержаться месяц, не более. Как повествуется в его житии, он установил крайний срок: «Согласно пророчествам духа, за восемь дней до *календ* (то есть 1 июля) жестокий зверь решится разорвать мою паству на куски. Я умоляю патриция прийти к нам на помощь до указанной даты». Если промедлить до второй половины июня, все будет конечно. Аэций дал слово, и Аниан отправился домой.

Перед Аэцием встала весьма щекотливая проблема: он должен был воевать с людьми, которых знал с детства, которых не раз использовал в качестве наемников и с которыми находился в самых добрых отношениях на протяжении последних пятнадцати лет. Для этого ему придется подружиться с врагами Аттилы, вестготами, самым сильным варварским племенем среди тех, что рассеялись по Галлии, и традиционными врагами Рима.

Последние двадцать лет Теодорих был врагом Аэция и теперь, когда на него двигался Аттила, понимал, что помощи ждать неоткуда. Он готовился защищать свою землю, свой народ и свою столицу Тулузу. Ему не приходило в голову выдвинуться навстречу гуннам и воевать на территории враждебной Галлии. Аэций понимал все это. Чтобы сделать Теодориха союзником римлян, требовалась очень тонкая дипломатия, и он обратился за поддержкой к самому императору Валентиниану.

Случилось так, что человек, который мог выполнить эту сложную задачу, находился неподалеку, в Клермон-Ферране. Разумеется, это был Авит — патриций, ученый, дипломат, будущий император и друг Теодориха. Отойдя от государственных дел, последние одиннадцать лет он вел жизнь зажиточного аристократа в своем огромном поместье Авитакум, наслаждаясь видом сосен, водопадов и озера, предаваясь эстетическим и интеллектуальным удовольствиям, но и не забывая о политике. Из опыта он знал, что одна лишь военная мощь не сохранит империю. Он видел, как мигрирующие варвары начинают вести

оседлую жизнь и меняются на глазах. Его основная идея заключалась в следующем: если их воспитывать и обучать в римском духе, это станет залогом мира. Как говорит О.М. Далтон в своем издании писем Сидония, Авит, по всей вероятности, верил, что «взаимопонимание с наиболее цивилизованными из варварских народов может спасти империю, которую ослабленная Италия уже неспособна возглавлять». Если это было так — а его последующая деятельность свидетельствует об этом, — он мечтал о том, чтобы «тевтонские аристократы все в большей степени подвергались латинским влияниям и воспринимали римскую культуру, а римляне, в свою очередь, перенимали у них полезные качества, которых им недоставало». Теодорих и вестготы были наглядным доказательством того, что эта цель вполне достижима.

Приведя свой народ к оседлой жизни, Теодорих теперь старался не уступать в плане цивилизованности если не Риму, то, по крайней мере, его провинциям. Ему льстило, что он дружен с человеком, который вызывает восхищение даже в Риме. Из своего поместья на берегах озера Айдат Авит нес культуру неграмотным вестготам, посещая их столицу Тулузу (в те времена Толосу), расположенную в 250 километрах к юго-западу. Молодые готы читали «Энеиду» и изучали римское право. Патриций даже предложил заняться персональным обучением самого одаренного из сыновей короля, которого тоже звали Теодорих. Из всех римских аристократов только Авиту был гарантирован теплый прием со стороны Теодориха. Они были друзья, почти ровня.

Судьба Галлии, а может быть, и империи зависела от личных связей между тремя людьми: полководцем Аэцием, мирным патрицием Авитом и варварским правителем Теодорихом, с подозрением относившимся к Риму, но тянувшимся к римской культуре. Спустя два дня после отъезда Аниана Аэций прибыл к Авиту и ввел его в курс дела. Я представляю, как они сидят в заваленной свитками библиотеке, из окон которой видны бани, сосны и горы. Аэций попросил Авита убедить Теодориха в необходи-

мости выступить против гуннов. Аттила был совсем не Теодорих. Он не собирался переходить к мирному образу жизни, не стремился приобщиться к цивилизации, и его не интересовала римская культура. Суть их беседы в интерпретации Сидония, которую он приводит в своей поэме, сводится к следующему: «Авит, не впервые я имею честь обращаться к тебе с просьбой. По твоей команде враги умиротворяются, а если необходима война, ты развязываешь ее. Ради тебя готы остаются в пределах своих границ, и ради тебя они отправятся в поход. Заставь их сделать это».

И Авит отправился к Теодориху с настоятельной просьбой от самого императора Валентиниана, которую Иордан облек в пламенную речь, произнесенную, как можно предположить, самим патрицием:

«Правитель отважнейшего из народов, с твоей стороны было бы благоразумным объединиться с Римом в борьбе с завоевателем, который хочет поработить весь мир, которому не нужен повод для войны, но который при этом считает, будто все, что он делает, правильно. Он хватает все, до чего способен дотянуться, он одержим гордыней, он презирает законы как человеческие, так и божественные, он враг самой природы. Тот, кто является врагом для всех, заслуживает ненависти. Прошу тебя вспомнить то, что ты, конечно, не сможешь забыть никогда: гунны побеждают не в силу своего воинского искусства, а в результате предательства. Не говоря уже о нас, способна ли твоя гордость примириться с тем, чтобы подобное зло осталось безнаказанным? Ты могучий воин, тебе угрожает опасность, так примкни к нам».

Теодорих отвечал Авиту в присутствии своих военачальников:

«Римляне, вы получите то, чего желаете. Аттила и наш враг. Мы будем преследовать его всюду, куда бы он ни пошел. И как бы ни гордился он своими победами над сильными

народами, готы знают, как следует воевать с этими высокомерными людьми. Для меня война никогда не была тяжким бременем, если она ведется за правое дело».

Таким образом, дипломатия и личное обаяние достигли того, чего не могла бы достигнуть ни одна война. «Поверят ли в это будущие поколения? — комментировал впоследствии это уникальное событие зять Авита Сидоний. — Письмо римского императора предотвратило нашествие варваров!»

За свои мужественные слова Теодорих получил достойное вознаграждение. «Аристократы громко приветствовали его, и народ с энтузиазмом последовал за ним» — не обороняться, а остановить и разгромить Атиллу. Вместе с Теодорихом в поход отправились два его сына, Торизмунд и Теодорих, четверо других остались защищать столицу. «О, славное боевое содружество, — говорит Иордан, который сам был готом, — как это замечательно знать, что всегда можно положиться на тех, кого ты выбрал для того, чтобы разделить с ними опасности!»

Не мешкая, Аэций отправил послания во все крупные города и во все варварские кланы, обретшие новую родину в Галлии. Угроза со стороны гуннов помогла обрести новых союзников: швабов из Байё, Кутанса и Клермона, франков из Ренна, сарматов из Пуатье и Отуна, саксов, бургундов и другие, менее известные племена и даже необузданных багаудов из Бретани. У многих варваров был свой взгляд на Атиллу, ибо их друзья и родственники сражались на его стороне. Поэтому Аэций не очень удивился, узнав о том, что Сангибан предложил Аттиле помощь в предстоящей осаде Орлеана.

Соединившись — где именно, источники умалчивают, — римская и варварская армии поспешили к Орлеану, чтобы опередить гуннов. Аэций пришел на несколько

дней раньше, и этого ему хватило, чтобы образумить Сангибана и возвести вокруг города земляные сооружения.

Некоторые утверждают, будто первыми подоспели гунны, что маловероятно, но из этой версии родилась полная драматизма история, связанная с Анианом, который вернулся в город после своей поездки в Арль.

Гунны осадили город, его жители молятся о спасении (разумеется, это христианский источник), и Аниан дважды посылает слугу на крепостной вал посмотреть, не идет ли помощь. Тот оба раза возвращается ни с чем. Аниан отправляет к Аэцию посыльного со словами: «Иди и скажи моему сыну Аэцию: если он не придет сегодня, будет поздно». Аниан начинает сомневаться в себе и своей вере. Но затем, к счастью, разражается буря, в результате чего боевые действия прекращаются на три дня. Затем небо вновь проясняется. Это конец. Город готовится к сдаче. Его жители отправляют Аттиле послание с предложением обсудить условия. Условия? Никаких условий — отвечает он и отправляет назад перепуганных на смерть послов. Ворота открываются, гунны уже внутри, и вдруг со стены доносится крик. Вдалеке появляется облако пыли, и вскоре показываются штандарты с орлами римской конницы. «Это помощь господа!» — восклицает епископ, и толпа повторяет за ним: «Это помощь господа!» Мост отбит. Гуннов отбрасывают за ворота. Аттила подает сигнал к отступлению. Это произошло в тот самый день, 14 июня¹, который Аниан назвал Аэцию в качестве крайнего срока.

Эта история представляет собой прекрасный инструмент христианской пропаганды, и поэтому историки относятся к ней весьма скептически. Но она может содержать элементы правды, потому что ее упоминает Сидоний, а он был современником этих событий. В своем письме преемнику Аниана, Просперу, датированном примерно

¹ Это не так. Он назвал дату 1 июля минус восемь дней: 23 июня. (*Прим. пер.*)

478 г., Сидоний говорит о том, что обещал епископу написать «подробный рассказ об осаде и штурме Орлеана, когда враг ворвался в город, но тот выстоял». Удалось гуннам побывать внутри стен или нет, когда к городу подошли Аэций и Теодорих, они, вне всякого сомнения, спасли город. Орлеанцы потом упоминали в молитвах это событие на протяжении 1000 лет, а поклонялись костям святого Аниана вплоть до 1562 г., когда те были сожжены гугенотами, после чего город избрал своей любимицей еще более знаменитую святую, Жанну д'Арк, которая спасла его от англичан во время другой осады столетием ранее.

В принципе, не имеет значения, штурмовал ли на самом деле Аттила город или нет. Его шпионы могли сообщить ему о только что возведенных защитных сооружениях и приближавшихся Аэции и готах. У него не было шансов взять надежно укрепленный город, и помощи от Сангибана он так и не дождался. Оставалось одно: стратегическое отступление из лесов Луары на открытое пространство, где он мог воевать на своих условиях.

Спустя неделю отошедшие от Орлеана на 160 километров гунны снова подошли к Труа. Их повозки опять растянулись по пыльным дорогам, а по полям шли пехотинцы и рыскали конные лучники. Голодные воины армии Аэция неотступно следовали за ними, ожидая своего часа.

Развязка была неизбежна, и место битвы, скорее всего, определила стычка между двумя конными группами — франков, воевавших на стороне римлян, и гепидов, союзников гуннов. Она произошла, по всей видимости, около деревни Шатр, получившей свое название от латинского слова *castra*, означающее «лагерь». Деревня Шатр расположена на Каталлаунских полях, главным городом которых был Шалон — Дуро-Каталаунум («Стойкое место Каталлауни»), и многие историки называют предстоявшую битву «битвой при Шалоне». В действи-

тельности Шалон находится в 50 километрах к северу. Латинские источники, более близкие по времени к описываемым событиям, называют ее «битвой при Трикассисе» (Трикассис — Труа, находящийся в 25 километрах к югу) и утверждают, что она произошла недалеко от места, называемого Мауриакум (варианты разнятся), сегодняшнего Мери-сюр-Сен, расположенного в 3 километрах от Шатра.

Пришло время принимать решение. Аттила отступал, и его армия устала. Что лучше: рискнуть и принять бой или продолжить отступление до более подходящего момента? Но более подходящий момент мог и не наступить. Армия, отходящая по вражеской территории, подобна больному стаду и является легкой добычей. Кроме того, даже если бы существовала возможность прорваться и бежать, это было бы недостойно воина, а бежавшему полководцу едва ли удалось бы сохранить свой авторитет. Может быть, это близилась предсказанная национальная катастрофа, после которой юный Эрнак станет новым вождем? Ответ на этот вопрос должны были знать шаманы. Они зарезали несколько коров, осмотрели их внутренности, поскребли кости, изучили кровь и вынесли вердикт: быть беде. Однако среди плохих новостей были и хорошие. Вражеский полководец погибнет. Для Аттилы имел значение только один вражеский полководец — его старый друг и новый враг Аэций. Таким образом, Аэций был обречен. Замечательно, поскольку «Аттила считал, что Аэций должен умереть, даже если ему пришлось бы заплатить за это своей собственной жизнью, ибо Аэций стоял на его пути к осуществлению далеко идущих планов». А каким образом Аэций погибнет, если Аттила уклонится от битвы?

В состав армии Аттилы входило большое число не очень надежных солдат из покоренных племен, но были у него и более чем надежные конные лучники. Если бы он смог нанести быстрый удар как можно позднее вече-

ром, наступившая ночь дала бы ему возможность перегруппировать силы и дать бой на следующий день.

Было 21 июня. Полем битвы являлось открытое поле с невысокими холмами неподалеку от Мери, простиравшееся на восток и северо-восток. Гуннам нельзя было отходить на левом фланге, иначе они попали бы в западню, оказавшись прижатыми к воде в том месте, где сливаются Об и Сена. Им следовало сражаться, как сражались готы под Адрианополем, имевшие оборонительный лагерь из повозок, который служил им базой снабжения, а конные лучники совершали бы стремительные броски на более тяжело вооруженных врагов. Гунны стояли спиной к реке и лицом к наступающим по равнине римлянам. Аттила расположился в центре, его главные союзники — Валамир со своими остготами и Ардарих со своими гепидами — слева и справа. Остальные вожди со своими отрядами находились в резерве и ждали его сигнала.

У римлян Аэций со своими войсками занял один фланг, Теодорих и его вестготы — другой, а ненадежного Сангибана поставили в центре. Противники прекрасно видели друг друга и догадывались, какие действия предпримет каждый из них. Аттила надеялся, что его лучники прорвут римский центр. Аэций надеялся, что два его сильных фланга ударят лучникам в тыл и отрежут их от повозок со снаряжением.

Неподалеку от поля боя возвышался небольшой холм, представлявший собой выгодную позицию, который Аттила не сразу заметил, а заметив, послал кавалерийский отряд захватить его. Аэций, случайно или намеренно, оказался ближе к этому холму. Вестготские кавалеристы под командой старшего сына Теодориха Торизмунда достигли вершины первыми и опрокинули гуннов, взбравшихся по склонам вверх.

Первый раунд остался за Аэцием. Аттиле ничего не оставалось, как предпринять лобовую атаку. Он перегруппировал свои войска и обратился к ним с краткой речью

(разумеется, на гуннском языке), которую Иордан, гот, приводит на латыни дословно. Вполне возможно, что слова правителя запомнились и нашли свое место в фольклоре. Однако Иордан писал столетием позже, поэтому можно лишь гадать, что в действительности сказал Аттила. Если он напоминает здесь Генриха V, это версия Шекспира, а не подлинная речь. Вот ее суть:

«После того, как вы покорили столько народов, с моей стороны было глупо — нет, невежественно — побуждать вас к чему-либо словами. Разве вы привыкли к чему-то еще, кроме войны? И что может быть сладостнее для храбрецов, чем искать личное отмщение? Презрите этот противоестественный союз народов! Посмотрите, как они выстроились в шеренгу, закрывшись щитами, страшась не то что ран, а пыли, поднявшейся над полем битвы. Вперед, в атаку! Пусть в вас проснется смелость, а ярость взорвет вас изнутри! Покажите вашу хитрость, гунны, ваше искусство воевать. Зачем небеса послали гуннам столько побед, если они не собираются послать победу и в этой битве? Кто еще мог указать нашим предкам путь через Меотийские болота? Кто еще мог заставить вооруженных людей уступить людям невооруженным? Я первым метну копьё. Если кто-то будет стоять на месте, пока Аттила воюет, он умрет».

Конечно, эта речь не может быть подлинной. Иордан стремился уловить то самое презрение к смерти, вдохновлявшее воинов самых разных стран и эпох: индейцев сиу с их боевым кличем: «Сегодня хороший день для того, чтобы умереть», Горация в викторианской поэме Макколя («Что может быть для мужчины лучше смерти в неравном бою?») и пожилого англосакса, призывавшего своих товарищей идти в атаку на викингов в битве при Малдоне в 991 г.:

«Смелость должна стать острее, воля яснее,
сердце ожесточеннее, пока оно не перестало биться».

А сама битва? Иордан прибегает к возвышенным выражениям, в которых отдаются эхом воспоминания о многих других битвах на многих других языках:

«Рука к руке они бьются в жестокой битве,
Разъяренные, сильные, безжалостные.
Бой не сравним со всеми битвами, что были до него.
Какие подвиги свершались! Герои, которые пропустили
это

чудо,

Не смогут никогда увидеть что-либо подобное».

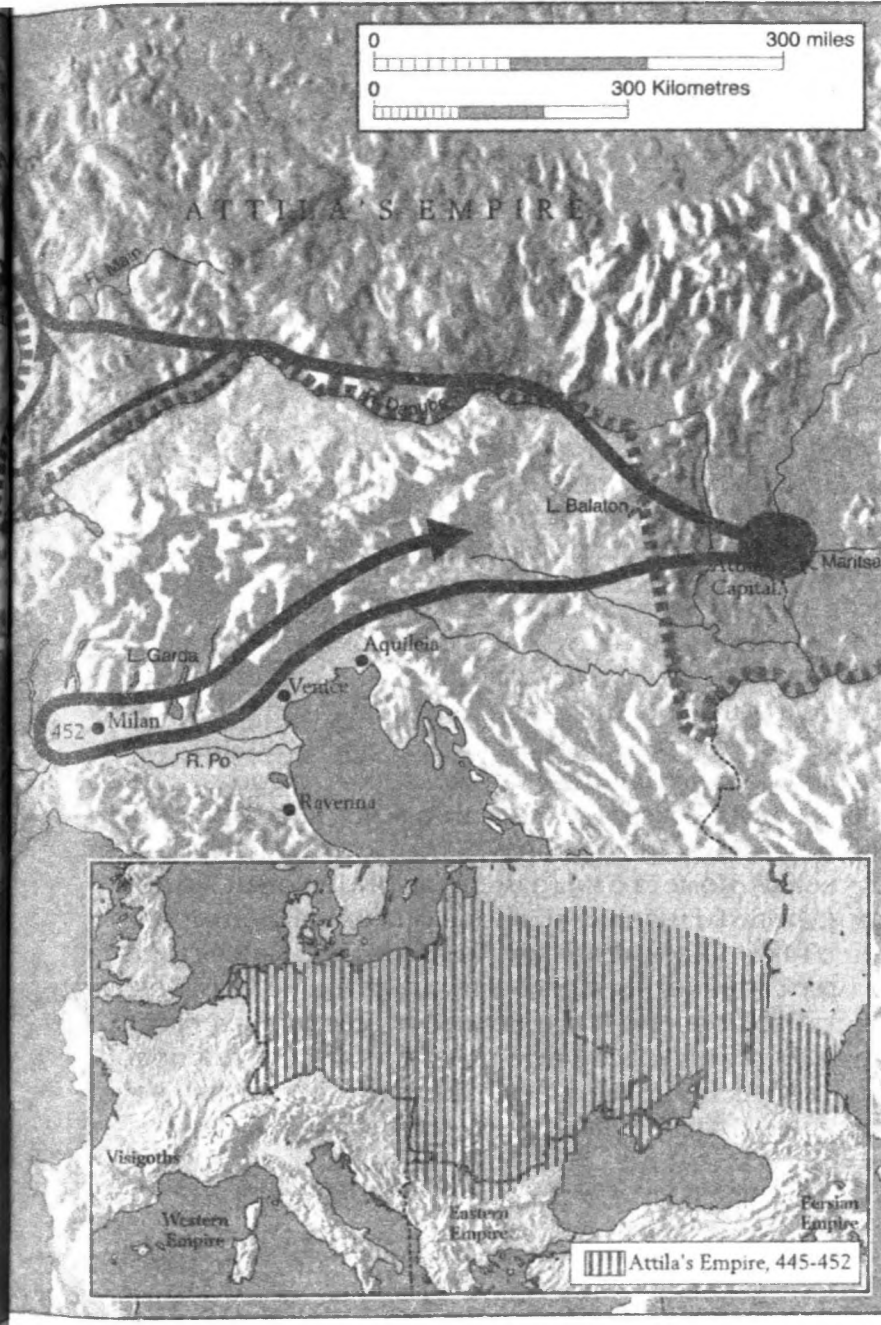
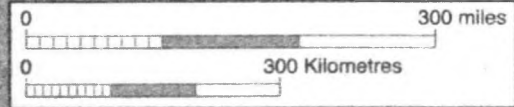
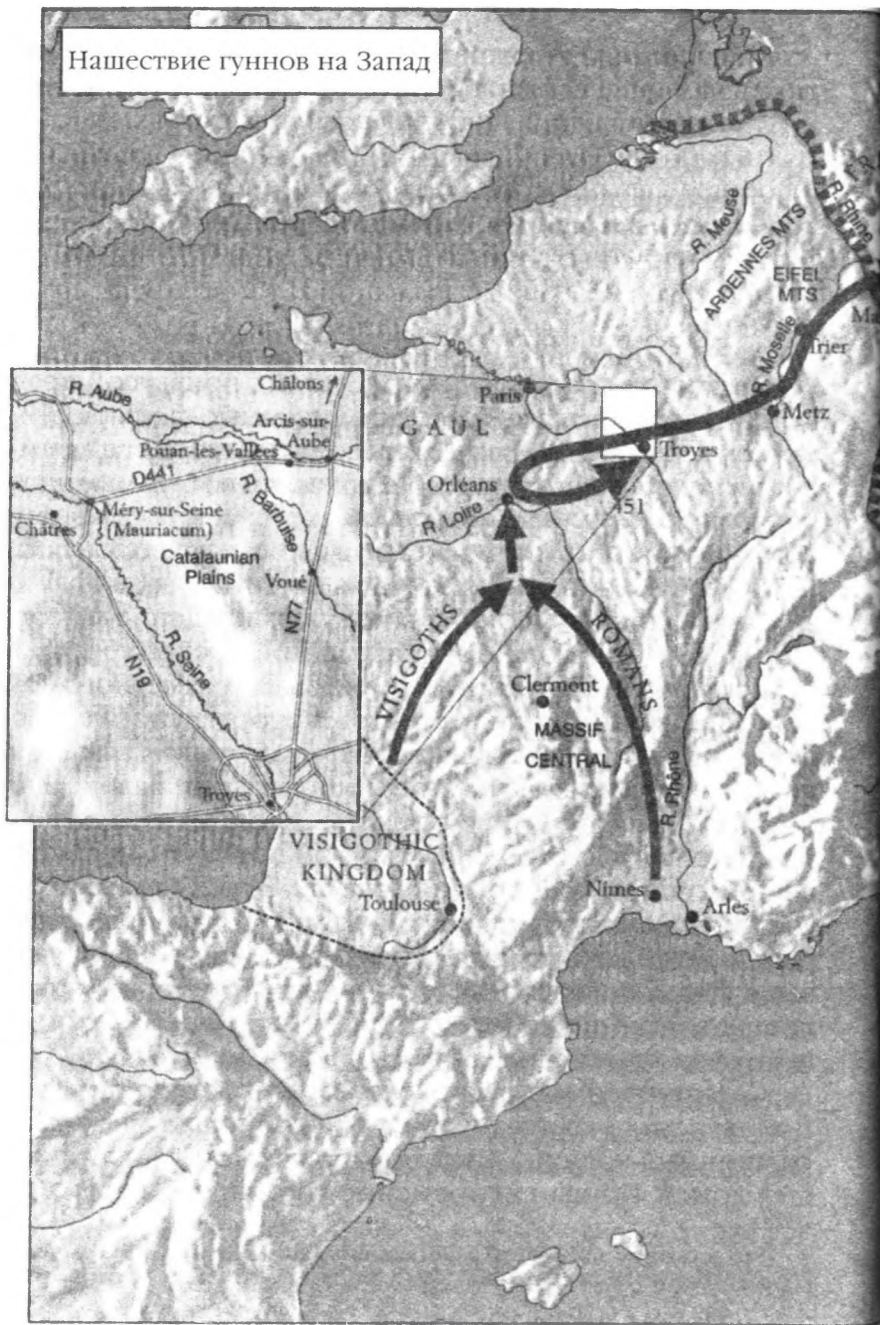
Несколько красноречивых деталей с привкусом правды дожили до наших дней, пронизанные фольклором. Через равнину текла река, «если верить нашим старикам», вода в которой была красной от крови, и мучимые жаждой воины пили ее. Теодорих упал на землю во время схватки и был затоптан насмерть своими же вестготами. По другой версии он пал от копья остгота Андага¹.

Опускались сумерки, знаменуя завершение самого длинного дня в году. Тактика молниеносных бросков гуннских конных лучников не оказывала заметного воздействия на римлян и вестготов, которые упорно продвигались вперед, взламывая боевые порядки кавалерии гуннов и пробиваясь к задним линиям, защищавшим повозки с амуницией. Окруженный телохранителями Аттила отошел к выстроенным кругом повозкам, представлявшим собой крепость на колесах. Вслед за ним через образовавшуюся брешь пробирался Торизмунд, который заблудился в темноте и решил, что возвращается назад, к своим повозкам. Удар по голове сбил Торизмунда с лошади, и он погиб бы подобно отцу, если бы один из вестготов не оттащил его в безопасное место.

С наступлением ночи шум битвы постепенно стих. Воины искали своих товарищей и собирались в группы, рассеянные по полю. Стояла хорошая погода — если бы шел дождь, Иордан непременно упомянул бы этом. Од-

¹ то есть от руки дальнего родственника. Этой версии верят немногие. (Прим. пер.)

Нашествие гуннов на Запад

нако, как мне кажется, небо было затянуто облаками, иначе поле боя представляло бы собой весьма драматичную картину. В ту ночь луна находилась во второй четверти, как нам известно из таблиц лунных фаз. Сверьтесь с книгой Германа Голдстина «Новолуния и полнолуния с 1001 г. до н.э. по 1651 г. н.э.»¹ и вы узнаете, что новолуние наступило 15 июня, за неделю до битвы. Теперь представьте летнюю ночь, облачное небо, похожие на призраки человеческие фигуры, храп лошадей, скрежет доспехов, стоны раненых. Конные и пешие воины бродят по полю в поисках товарищей и не могут отличить своего от врага, пока не заговорят. Сам Аэций затерялся среди гуннов, но остался незамеченным, и его лошадь, спотыкаясь о тела павших, в конце концов вышла к готскому лагерю, где он оказался в безопасности под защитой стены щитов, и, возможно, ему даже удалось поспать пару часов в эту короткую ночь.

Кое о чем Иордан все же забыл упомянуть. На рассвете участники битвы должны были стать свидетелями замечательного зрелища — появления кометы Галлея на северо-востоке хвостом вверх, который словно сканировал небо подобно лучу прожектора. Она обязательно должна была показаться там, ибо в XIX веке астрономы точно рассчитали ее орбиту, а позже эти расчеты были уточнены². Комета была замечена китайскими астрономами 9 или 10 июня, а в Европе она стала видимой к 18 июня. Такое видение должно было прочно запечатлеться в памяти воинов, поскольку ничто другое не могло столь отчетливо подчеркнуть значимость свершившегося события. Это был далеко не единственный случай подобного совпадения. Вавилонские астрологи отмечали в своих записях, что появления кометы в 164 и 87 гг. до н.э.

¹ Американское философское общество. Филадельфия, 1973. (Прим. пер.)

² См. книгу Гэри Кронка «Cometography» («Кометография»), том 1. Кембридж, 1999. (Прим. пер.)

совпали со смертью царей. Она вышита на гобелене из Байё в ознаменование вторжения Вильгельма Завоевателя на Британию в 1066 г. В начале XIV столетия Джотто изобразил ее 1301-е возвращение на картине «Поклонение магов». Нет никаких сомнений в том, что, если бы она появилась, люди поразились бы, описали свои впечатления и сложили бы песни.

Ничего этого не было. Единственный человек, кто упомянул о комете, и то лишь мимоходом, — испанский епископ и хронист Гидаций. О совпадении битвы со столь значительным астрономическим явлением он не сказал ни слова.

Выводы, сделанные на основании отсутствия свидетельств, — вещь весьма ненадежная, но отсутствие свидетельств в сочетании с отсутствием бури и луны заставляет предположить, что следующий после битвы день выдался сухим и облачным. Если это так, представьте выживших римлян, наблюдающих поверх своих щитов безрадостную картину: груды трупов, мирно пасущиеся лошади без всадников, укрывшиеся за своими повозками гунны и отмеченное двумя рядами деревьев русло реки Об, текущей в серой утренней мгле по безлесной равнине.

Патовая ситуация — при определенном преимуществе римлян, так как они находились на своей территории, располагали неограниченными возможностями подвоза провианта и амуниции и могли держать гуннов в западне до тех пор, пока их не выгнал бы оттуда голод. Время работало на них. Аттила не подавал никаких признаков готовности сдаться. «Он напоминал льва, пронзенного охотничьими копьями, — пишет Иордан, — который ходит назад и вперед возле своего логова, не осмеливаясь прыгнуть на охотников, но не прекращая оглашать окрестности своим ужасным ревом. Даже оказавшись в столь безнадежном положении, воинственный король продолжал вызывать страх у своих победителей». Римляне и готы перестроили свои ряды и приступили к осаде, не давая гуннам поднять головы под градом стрел.

Аттила прекрасно понимал, к чему все идет. Его шаманы предсказали смерть полководца, которым мог оказаться вовсе не Аэций, а он сам. Он приготовился умереть смертью героя, принеся себя в жертву, словно для того, чтобы вступить в гуннскую версию Валгаллы, обители павших воинов. Он приказал возвести погребальный костер из седел — кстати, это служит доказательством того, что у гуннов были деревянные седла, как у монголов, а не кожаные, — чтобы быть готовым к штурму лагеря римлянами. Они ни за что не захватят его живым и не испытают радости, наблюдая за тем, как он умирает от ран.

Тем временем вестготы были немало удивлены, не видя своего короля во главе осаждающих, когда победа казалась уже делом решенным. Они обыскали поле и нашли его среди других убитых. Тело Теодориха было поднято на дроги, и процессия, возглавляемая Торизмундом и его братом, отправилась для совершения погребального обряда с ритуальным оплакиванием — нестройными причитаниями, как выражается Иордан. Судя по всему, вестготы шли на виду у гуннов, дабы продемонстрировать им, что они гордятся своим павшим вождем. «Это действительно была смерть, но гунны видели, что это была славная смерть».

Иордан говорит, что в ходе двухдневной битвы погибли 165 000 человек и еще 15 000 во время стычки между франками и гепидами предшествовавшей ночью, итого 180 000 человек. Это немыслимая цифра, так как в те времена население среднего города насчитывало всего несколько тысяч жителей. Крестьяне не смогли бы прокормить такое количество солдат. Никто не знает и не может знать, каковы были фактические потери, но даже если бы они составили одну десятую тех, что приводит Иордан, это все равно было бы очень много. Обе армии насчитывали, скорее всего, не более чем по 25 000 воинов, и потеряли они, возможно, треть состава — то есть в общей сложности около 15 000 человек. Как пред-

сказывали шаманы, среди них оказался полководец, хотя два главных персонажа, Аэций и Атила, остались в живых, чтобы продолжить битву на следующий день.

Как высокомерно заявляет Менхен-Хелфен, попытки определить место битвы — это «любимое времяпрепровождение провинциальных историков и отставных полковников», как будто этот вопрос не заслуживает внимания со стороны серьезных ученых. Но битва на Каталунских полях представляет собой поворотный момент в европейской истории. Ее место необходимо найти хотя бы затем, что тогда археологи могли бы отыскать свидетельства реальных событий.

В августе 1842 г. рабочий, добывавший песок из карьера примерно в 400 метрах к востоку от деревни Пуан, в 30 километрах к северу от Труа, наткнулся на метровой глубине на скелет в вырытой явно наспех могиле. Он даже не лежал, а находился почти в сидячем положении. Рядом с ним были обнаружены два ржавых меча, несколько золотых украшений и кольцо с выгравированными буквами — NEVA. Жан-Батист Буттат мог бы скрыть свою находку или продать найденные предметы частным образом. К счастью, он продал мечи музею в Труа, хотя и не получил за них требуемую сумму, а украшения — местному ювелиру, который в 1858 г. продал их Наполеону III. После этого провинциальные власти подарили императору мечи, чтобы предметы из клада были вместе. Тогда Наполеон III сделал благородный жест и передал украшения вместе с мечами обратно в музей Труа. «Национальные древности должны находиться там, где были найдены», — написал он руководителям музея. В настоящее время пуанский клад хранится в раскопанном подвале римской эпохи.

Он содержит не так уж много предметов — два меча, ожерелье, браслет, две пряжки, несколько пластинок, кольцо. Они служили для демонстрации богатства и дос-

тоинства. Оправы украшений и рукоятки мечей покрыты позолотой, в качестве драгоценных камней использованы гранаты. Более длинный меч обоюдоостр, имеет почти метр в длину и изготовлен по технологии, известной как *дамасская*. Его довольно легко использовать одной рукой. Головка его эфеса имеет уникальную форму и инкрустирована гранатами. Более короткий меч, с одной режущей кромкой, известен как *скрамасакс*.

В 1860 г. местный антиквар Ахилл Пенье-Делакур опубликовал свои заключения относительно клада. «Случайная находка может иметь самые неожиданные последствия, — начинает он, — и стать средством разрешения спорных исторических вопросов. Может быть, — Пенье-Делакур цитирует известного историка Камю-Шардона, — это останки воина, который, оказавшись застигнутым какой-либо природной катастрофой, упал в реку, русло которой впоследствии изменилось? Нет, — отвечает он, — почва, в которой были найдены предметы, датируется временем, предшествующим появлению человека. Я принадлежу к тем смельчакам, кто утверждает, что найденный в Пуане скелет принадлежит правителю вестготов Теодориху, павшему в битве против Аттилы в 451 г. Это позволяет определить место битвы, поскольку оно совпадает с местом захоронения».

География места вполне вписывается в рассказ Иордана. Римские дороги сходились в Труа. Дорога из Орлеана, ныне исчезнувшая, тянулась от Труа далее на 25 километров через Шатр (первоначально *castra*, «лагерь»). Здесь могла произойти стычка между франками и гепидами. К северу от Труа дорога шла через огромную, словно океан, равнину, прямо, как стрела, и таковой она остается и в наши дни — шоссе № 77. Сегодня это сельскохозяйственная область, и земля разделена на пастельно-коричневые, зеленые и желтые участки, но 1500 лет назад здесь была поросшая травой степь. Десять минут езды на автомобиле — и вы в Вуэ, который в римскую эпоху назывался Вадум. Он стоит на берегу реки Барбюиз глуби-

ной меньше метра с низкими, твердыми берегами, не представляющей собой препятствия для скачущей галопом лошади. Она уходит влево, к Пуану, а за ней течет Об. К востоку от Пуана местность становится слегка холмистой. Здесь, как полагает Пенье-Делакур, римляне не позволили гуннам пересечь реку.

Я не питал больших надежд на то, что в Пуане меня ждут какие-либо открытия. На карте это всего лишь одна из деревень, разбросанных по Каталаунским полям к северу от Труа. Я приехал туда ранним весенним утром, ожидая увидеть серость и заурядность, и был просто очарован. Барбюиз, чьи берега окаймлены деревьями, среди которых виднеются омелы, течет тонким ручейком через деревню, мимо деревянной мельницы, массивной серой церкви, сельских домов и теряется на обширной равнине. Было время завтрака. Я осмотрелся. Не было видно ни площади, ни торгового центра, ни какого-либо места, которое могло бы служить средоточием общественной жизни деревни. Наконец на глаза мне попала булочная. В ней имелись столы, и женщина расставляла стулья. Нет, я явился слишком рано. Все, на что можно было рассчитывать, это информация. Знают ли местные жители что-нибудь об Аттиле? Женщина озадаченно посмотрела на меня. «Аттила, гунн, — пояснил я. — Неподалеку отсюда произошла великая битва около тысячи шестисот лет назад. И клад...?»

«Извините, мсье, я ничего не знаю. Вы спрашивали в мэрии?»

У меня не было времени ждать, пока откроется мэрия. Я вернулся к автомобилю, сел в салон, принялся изучать карту и спустя какое-то время вдруг увидел женщину из булочной, бегущую ко мне.

«Вас интересует Аттила, мсье? — Она тяжело дышала. Мой странный вопрос моментально стал предметом деревенских сплетен. — Мой муж знает о нем. Пойдемте к нам в дом и спросите его».

Мы вошли в ворота двора. С одной его стороны стоял дом, с другой амбар — к моему немалому удивлению, охранявшийся львом из белого камня. Из его сумрачной утробы показался худощавый мужчина в джинсах и зеленом свитере — «Райнар Женере, скульптор», как гласила табличка на дверях амбара. Я объяснил ему цель моего визита. Женере работает, главным образом, по металлу, создавая угловатые фигурки, напоминающие игрушки, машины из научно-фантастических романов или племенные тотемы, хотя лев свидетельствовал о более традиционных интересах. Он увлекается историей. Аттила и Аэций его давние знакомые. Он знает о кладе буквально все и сам производил раскопки вокруг места его обнаружения в надежде найти что-нибудь еще. Мог бы он отвести меня туда? С большим удовольствием. Мы выехали на дорогу, оставили справа поле озимой пшеницы, которое вздымалось над равниной-океаном, словно волна, и оказались на перекрестке, довольно странно смотревшемся посреди поля. Слева от нас склон холма выравнивался и сливался с равниной, по которой извивалась река Об. В тот момент я понял, в чем заключалось преимущество Пуана. Помимо того, что по нему протекает собственная очаровательная речушка, он стоит на холме, возвышающемся на метр или два над долиной реки Об. Когда-то это полого опускающееся пшеничное поле было берегом реки, чем объяснялось его экономическое значение как источника песка. Женере сказал, что строители всегда использовали его и используют до сих пор, о чем свидетельствовали желтые курганы, возвышавшиеся вдоль склона. Это также объясняло существование перекрестка. Двадцать лет назад в карьере завалило песком рабочего, и он задохнулся. Это произошло как раз в том месте, где был найден клад. О, нет никаких сомнений в том, что это была могила Теодориха и что именно здесь Аттила сражался с Аэцием. Это известно всем.

Оглядываясь вокруг, я был готов поверить, что все происходило так, как описал в своей книге Пенье-Делакур. Он задается вопросом, мог ли Торизмунд, являвшийся первым из сыновей Теодориха претендентом на трон, быть заинтересован в том, чтобы найти тело, любое тело, которое можно было бы идентифицировать, правильно или неправильно, как тело отца, быстро похоронить его, продемонстрировав безутешную скорбь, и тут же провозгласить себя правителем. И затем, с учетом неопределенности исхода битвы, насколько велика вероятность того, что участникам погребального обряда, знавшим местонахождение могилы, была сохранена жизнь? Звучит несколько странно, если учитывать, что похороны прошли очень быстро, фактически в горячке боя, и на месте могилы не был оставлен какой-либо знак или насыпан курган. Но это отнюдь не плод воображения Пенье-Делакура, поскольку в районе Пуана и соседней деревни Виллетт, расположенной в паре километров к востоку, были обнаружены и другие предметы: две маленьких бронзовых вазы, чаша, позолоченный бронзовый кувшин, три клинка, конская сбруя. Эта находка подтверждает гипотезу, — в правильности которой Женере абсолютно уверен, — что здесь происходила битва и это место погребения Теодориха.

Французские ученые склоняются к этой версии. Другие ученые указывают на сходство предметов с артефактами других культур — в России или за Дунаем — и отрицают их вестготское происхождение. Их датировка варьируется от III до VII века. Это чрезвычайно расплывчатые данные, но когда археологи пытаются определить более точную дату, они возвращаются к гипотезе Пенье-Делакура, к середине V века, к богатому готу, и, в конце концов, к Теодориху.

Конечно, буквы HEVA, выгравированные на кольце, помогли бы установить точную дату, если бы кто-нибудь знал, что они означают. Кольцо и надпись являются рим-

скими. Ученые сходятся в одном: то, что Neva является традиционным латинским написанием имени Ева — чистое совпадение, если только этот аристократ не выгравировал на кольце имя своей римской любовницы. Специалисты выдвинули несколько версий: готское *heiv* — «дом» или «семья», как в *heiva-franja* — «глава семьи», древнее верхнегерманское *hefjan* — «воспитывать или обучать», древнее саксонское *hiwa* — «муж», *heven* — императив глагола «ударять». Во всех этих готских и германских версиях трудно отыскать какой-либо смысл. Скорее, это латинская надпись. Предположим, это королевское кольцо. Что мог Теодорих пожелать выгравировать на нем? Вспомним, что он тянулся к римской культуре и дружил с одним из наиболее выдающихся ученых и политиков Галлии Авитом. Он знал аббревиатуру названия властных органов Рима: SPQR — *Senatus Populusque Romanus* (Римский Сенат и Народ). Я склонен думать, что NEVA тоже является аббревиатурой. Но это кольцо не было символом королевской власти, потому что оно было оставлено с ним после смерти. Оно являлось его личной собственностью, как и мечи. Возможно, этой надписью он хотел сделать заявление не в плане властных полномочий, а в плане личных достижений. С этой точки зрения подходит NIC EST («Это есть»). Но «есть» кто или что? Мы имеем несколько возможных вариантов имен, начинающихся на букву «А»: Аэций, Авит, Аквитания. Теодорих завоевал Аквитанию. Как насчет NIC EST VICTOR AQUITANIAE — «Это есть Победитель Аквитании»? А может быть, он предвкушал еще более грандиозные успехи в будущем — NIC EST VICTORIAE ANULUS — «Это есть Кольцо Победы»? Еще одна, совершенно иная версия была высказана Дэвидом Хаулеттом, издателем «*Dictionary of Medieval Latin*» («Словарь средневековой латыни») из Oxford University Press. Надпись на англосаксонском свинцовом кулоне, найденном в деревне Визенхем в Норфолке, позволяет предположить, что некоторые европейцы разделяли с евреями мистический интерес к

именам бога¹. Тогда, возможно, это аббревиатура фразы *Ha'shem Elohim V Adonai* — Имя Бога есть «Господь». Весьма странная версия. Фраза на иврите, записанная латинскими буквами? Но зачем? Этот вопрос дает пищу воображению — может быть, это военный трофей, подарок, полученный от римско-иудейской общины, талисман, чей смысл был скрыт от его владельца, который смотрел на него, как на Кольцо Власти Толкина? Все это не более чем фантазии. Однако остается надежда, что Райнар Жене-ре или кто-то еще когда-нибудь наткнется на фрагмент доспехов, монету или другой предмет, который ясно и недвусмысленно подтвердит, что Теодорих был здесь, а следовательно, НИС ERAT (здесь был) и Аттила.

Торизмунд хотел немедленно покончить с гуннами. Но у Аэция, который был старше и мудрее, созрел в голове весьма хитроумный план.

Он решил выпустить Аттилу из ловушки.

Потребуется определенные усилия, чтобы понять его изощренную логику. Как уже говорилось, вестготы являлись традиционными врагами Рима, и союз с ними был заключен только перед лицом реальной опасности, которую представлял Аттила. Если бы сейчас Аттила потерпел сокрушительное поражение и был изгнан с территории империи, позиции вестготов определенно усилились бы, и они стали бы представлять угрозу не меньшую, чем до этого представляли гунны — а может быть, даже и гораздо большую, поскольку гуннов Аэций знал давно и считал, что всегда сможет с ними договориться. Он знал также и вестготов и не доверял им, что бы Авит ни говорил об их стремлении к цивилизации. В будущем для их сдерживания ему вполне могла бы потребоваться

¹ Эта находка описана Элизабет Окаша и Сьюзен Янгс в статье «A Late Saxon Inscribed Pendant from Norfolk» («Поздний саксонский кулон с надписью из Норфолка»), «Anglo-Saxon England» («Англосаксонская Англия»), том 32, декабрь 2004 г. Предлагаемая интерпретация принадлежит Хаулетту. (Прим. пер.)

помощь гуннов. Лучше неустойчивый баланс сил сейчас, чем полный крах впоследствии. Аттила говорил только о половине империи, вестготы захотят все.

Разумеется, с Торизмундом этими соображениями Аэций не поделился. Напротив, он напомнил вестготскому принцу об оставшихся дома братьях. Когда они узнают о гибели отца, между ними может возникнуть спор о наследстве, и кто знает, чем он закончится, если Торизмунд, старший из них, не заявит в Тулузе о своих правах на престол. Он может не беспокоиться — отныне римляне будут держать гуннов в узде. Аэций привел подобные аргументы своим франкским союзникам. Оставшиеся в живых гунны в скором времени двинутся через Арденны и могут установить контроль над этой территорией, если франки не преградят им путь туда. Поэтому франкам лучше отправляться домой.

И Торизмунд, и франки согласились с его доводами. К величайшему изумлению гуннов, град из стрел неожиданно прекратился. Вестготы ушли на юго-запад, в Тулузу, до которой им предстояло идти 350 километров, а франки отправились в Бельгию. Аттила силился понять, что происходит. Гунны сами много раз применяли тактику ложных отходов. Скорее всего, это была уловка, с целью выманить их из-за повозок. Они продолжали сидеть в своей импровизированной крепости.

«Но враги давно ушли, и ничто не нарушало тишину. Могучий король возрадовался при мысли о победе и вспомнил пророчества по поводу его судьбы». Полководец — Теодорих — погиб, стало быть, ему, Аттиле, суждено жить. Но продолжать битву не было никакого смысла. Увидев, что никто их более не задерживает, гунны двинулись мимо Труа к Мозелю, Рейну и далекой Венгрии.

Возможно, что Луп имел некоторое отношение к отступлению Аттилы. Все это время он был у него заложником и проводником, вынужденно или добровольно. Вполне вероятно, стараясь спасти свою жизнь и город, он помог

ему выбрать место битвы. Теперь, оставшись в живых, он мог провести разбитых гуннов кратчайшим путем от Труа. Это отнюдь не пошло ему на пользу, если в его жизнеописании есть хоть доля истины. Когда он привел Аттилу к Рейну, тот, как и обещал, позволил ему вернуться домой. Здесь его ждал не самый теплый прием.

«Вместо того, чтобы поблагодарить его за то, что он спас не только имущество горожан, но и их жизни, они отвернулись от него, как будто он сопровождал Аттилу к Рейну по своей воле и был с ним заодно. Столкнувшись со столь несправедливым отношением, святой ушел к горе Лассуар».

Затем, совершив покаяние, он вернулся в Труа, прожил еще 25 лет и умер прощенным, знаменитым и очень почитаемым. Со временем он был канонизирован, и его имя увековечено в названиях десятков городов, горных пиков и церквей по всей Франции.

Галлия была спасена.

А Аттила остался в живых, чтобы дать еще один бой.

9

СЛИШКОМ ДАЛЕКИЙ ГОРОД

Битва на Каталаунских полях часто рассматривается как одна из величайших решающих битв в мировой истории, которая спасла Западную Европу от Аттилы. Однако не все так просто. Это была отнюдь не Сталиградская битва, поворотный момент, когда продвижение новоявленных варваров застопорилось и обратилось вспять. Скорее, для гуннов это был Дюнкерк, поскольку они сумели избежать окончательного разгрома и не утратили боеспособность. Поворотной точкой был Орлеан, когда Аттила уклонился от решительных действий и повернул назад. Но это не привело к окончательному исходу. После этого в течение двух недель он приводил свою армию в порядок. Битва на Каталаунских полях была навязана ему, когда он уже отступал. Что произошло бы, если бы он одержал победу? После утраты инициативы под Орлеаном он, в лучшем случае, создал бы в Галлии плацдарм. Открытые равнины Шампани обеспечивали прекрасные пастбища и оперативный простор для действий конных лучников. Но этот плацдарм Аттила мог бы ис-

пользовать только в том случае, если бы он удерживал Мец, Трир и Мозельский коридор к Рейну. Это была линия снабжения, артерия, которая питала бы его армию во время последующего наступления с целью захвата Галлии, той самой половины империи, требуемой им в качестве приданого Гонории. Теперь все было потеряно, по крайней мере, на данный момент. Ему посчастливилось спастись совершенно случайно, буквально чудом — не мог же он знать, что Аэций решил выпустить его по политическим соображениям. Никто в те смутные времена не придавал этой битве то значение, какое она приобрела позже. В тот же самый год один летописец из Марсея записал то, что ему удалось узнать об этих событиях. Этот безымянный ученый муж, известный только как Летописец 452 г., был набожным христианином. Он задался целью продолжить историю, написанную блаженным Иеронимом, которая завершалась концом IV века. Однако, дойдя до событий, описанных в предыдущей главе настоящей книги, он смог написать лишь следующее: «Аттила вторгся в Галлию и потребовал жену, которая якобы принадлежала ему по праву. Здесь он потерпел серьезное поражение, после чего отправился во свояси». Ученые находят интересным тот факт, что ему уже было известно о скандале с Гонорией. Их также заинтересовало то, о чем он *не* сказал. Поскольку это было не повествование, а, скорее, хронология событий, нам остается догадываться о его отношении к этим событиям. Он закончил свой труд в 452 г., когда Аэций еще был одним из самых могущественных людей в империи, но ничего не написал о его решающей победе, поскольку тогда великий Аэций уже не очень-то воспринимался как спаситель. «В это время государство пребывало в плачевном состоянии. Не было ни одной провинции, где бы не проживали варвары, и отвратительная арианская ересь, нашедшая благодатную почву в варварской среде, распространилась по всему миру, который называл себя христианским». Кроме того, Аттила был все еще жив и

готовил в этот самый момент новое, возможно, еще более серьезное вторжение. Короче говоря, империя висела на волоске, и *в этом не было вины Аэция*.

Косени 451 г. Аттила вернулся в свою столицу с ее деревянным дворцом, домами за частоколами, баней Онегесия, шатрами и повозками. Мог ли он отсиживаться здесь, перебирая привезенную из Галлии добычу? Это было не в его характере. Он усвоил свой урок и вознамерился создать сильную империю, которая ни в чем не уступала бы Риму и Константинополю и вела бы с ними торговлю. Но Аттила находился не в том положении, что Чингисхан. Он во многом зависел от своих разноплеменных вассалов.

Никто не знает, чем он занимался той зимой. Но мы можем сделать вывод, что дела его были далеко не блестящи. Летом 451 г. император Марциан созвал своих 520 епископов на встречу, которая должна была состояться осенью в Никее, чтобы наконец разрешить злободневный вопрос о божественной природе Христа. Он заявил, что надеется прибыть туда сам, «если его не задержат неотложные государственные дела». Дела его действительно задержали, ибо ему по какой-то причине пришлось отправиться на дунайскую границу. Очевидно, по соображениям безопасности место проведения Четвертого Вселенского собора было перенесено из Никейи в Халкедон, на противоположный по отношению к Константинополю берег Геллеспонта. Однако епископам из дунайской приграничной области что-то помешало приехать туда. Если этим «чем-то» был Аттила, вернувшийся после поражения из Галлии, то на сей раз откупиться от него данью едва ли было возможно, ибо как раз эту область он время от времени подвергал разграблению.

Теперь Аттила знал, что его главный враг Рим имеет весьма ненадежного союзника в лице вестготов. Они объединились только для защиты Галлии. Сумей он добить-

ся, чтобы его врагом был Рим, и только Рим, тогда победа наверняка будет за ним, как это и было бы, если бы не Авит, Теодорих и вестготы. Подобно всем диктаторам, он должен был осознавать, что его непрочную конфедерацию племен можно сохранить только грандиозными планами и обещаниями великих побед. Наиболее перспективной целью представлялся сам Рим, ослабленный и уязвимый. Не кто иной, как вестготы, взяли и разграбили его 40 лет назад.

По дороге из захваченной гуннами Паннонии в Италию имелись и другие заманчивые цели. Первой такой целью был современный словенский город Любляна (в римскую эпоху Эмона), который открывал путь к небольшой, но имевшей важное значение реке Изонцо, служившей традиционной границей Италии (и по этой причине ставшей местом не менее чем двенадцати сражений между австро-венгерскими и итальянскими войсками во время Первой мировой войны). Гуннов интересовало то, что находилось на южном берегу Изонцо.

Город-крепость Аквилея имеет славную историю обороны северо-восточных рубежей Италии. Почти за два столетия до описываемых событий его женщины присоединились к мужчинам в борьбе с мятежником Максимом, пожертвовав свои волосы для изготовления канатов, предназначенных для защитных механизмов. В честь их был возведен храм, получивший название «Безволосая Венера». Один из богатейших, могущественнейших и многолюдных городов Адриатического побережья, он служил воротами на восток, центром, связывавшим сухопутные маршруты из Рима на юг и альпийские перевалы, ведущие на север, с морскими маршрутами Адриатики.

Поэтому он представлял собой нечто большее, чем военная база. Своей процветавшей экономикой он был во многом обязан большой общине евреев, «orientali», как их называли латинские источники, которые, вполне возможно, жили здесь испокон веку. Они ткали шелк, кра-

сили ткани, но главное, производили стекло, что практиковалось на Среднем Востоке уже на протяжении 2000 лет. Именно по их инициативе был прорыт 5-километровый канал через болотистое устье Изонцо к морю. Об этом упоминает в своей статье Самюэль Курински¹, американский бизнесмен еврейского происхождения, филантроп и ученый, проявляющий особый интерес к истории производства стекла. «Еврейская община Аквилеи, — пишет он, — возможно, была одной из самых крупных и экономически влиятельных в диаспоре, уступая лишь общинам Рима и Александрии». Естественно, с ростом численности римского населения и возрастанием влияния христианства, евреи все больше страдали от репрессий, которые особенно усилились при епископе Хромацио в конце IV века. Это он санкционировал сожжение синагоги в 388 г., сославшись на авторитет святого Амвросия Медиоланского и назвав это деяние в традиционном антисемитском стиле «актом промысла божия». Со временем дома христиан стали строиться на месте домов иудеев. Археологи, работающие здесь с 1940-х годов, раскапывая эти дома, часто описывают их как «палеохристианские» или языческие, несмотря на их иудейскую *иконографию*. Среди находок несколько мозаичных полов, один из которых был обнаружен прямо под колокольной построенной позже на этом месте христианской базилики, а другой, огромный, площадью свыше 800 квадратных метров — под самой базиликой. Рядом находится выложенная мрамором восьмиугольная *миква* (ритуальная ванна) с шестью ступеньками, требующимися по иудейскому закону. Вода в нее подавалась из источника.

Производство стекла в Аквилее заслуживает отдельного разговора под руководством Курински. Европейцы

¹ *Самюэль Курински*. «The Jews of Aquileia: A Judaic Community Lost to History» («Евреи Аквилеи: Иудейская община, утраченная для истории»). Hebrew History Federation (www.hebrewhistory.org/factpapers/aquileia28.html). (Прим. пер.)

не были знакомы с этим искусством, когда среди бухт Адриатического побережья появились евреи, поэтому их продукция пользовалась спросом на обширной территории, что вызывало негодование некоторых христиан. Святой Иероним, живший непродолжительное время в Аквилее, жаловался, что производство стекла стало одним из тех ремесел, «с помощью которых иудеи захватили римский мир». Недавние находки изделий из стекла вызвали изумление у специалистов, поскольку они являются одними из самых ранних, изготовленных в Европе. Один сюрприз за другим: на нескольких из них сохранились имена мастеров, часть из которых была рабами, а по крайней мере один — женщиной. Два стеклянных сосуда обнаружались в Линце, городе на Дунае, расположенном на римском торговом пути через Доломиты. На них стояла надпись: *Sentia Secunda facit Aquileiae vitra* (Сентия Вторая изготавливает аквилейское стекло).

Прочные стены этого богатого и влиятельного города не раз подвергались осаде, но взят он был только однажды, когда Аларих вел вестготов на Рим в 401 г. Если это мог сделать Аларих, то мог и Аттила. Аэций, уверенный в том, что запер гуннов в венгерских степях, не отдал городским властям приказ готовиться к боевым действиям, и об этом шпионы Аттилы вполне могли доложить своему властителю.

Боевые действия начались в конце июня 452 г. Мы можем сделать такой вывод благодаря папе и птицам. Папа Лев I, писавший письма в мае и июне, не упоминает о вторжении гуннов в Италию, поэтому едва ли оно началось раньше. А осада города Аттилой не могла начаться намного позже этого срока, о чем свидетельствуют аисты, гнездившиеся на крышах Аквилеи.

Аисты стали участниками этой истории, потому что осада не была скоротечной. Жители города не нуждались в приказе Аэция: они знали, как противостоять штурму,

имея выход вниз по реке в открытое море. После примерно двух месяцев осады военачальники Аттилы должны были начать роптать. Сколько времени это будет продолжаться? Виноградники, фруктовые сады и пшеничные поля прокормят войска до осени, но где же добыча? Приск, которого цитирует Иордан, повествует об этих событиях:

«Солдаты уже начали проявлять недовольство и желание оставить Аквилею, когда Аттила, расхаживавший вокруг стен и размышлявший, не лучше ли ему снять осаду или же все-таки следует остаться, вдруг заметил нескольких белых птиц, а именно аистов, гнездившихся на крышах, которые, вопреки своему обычаю, улетали вместе с птенцами из города. Аттила сказал своим людям: «Посмотрите на этих птиц, они предчувствуют, что должно произойти, покидая обреченный город, который вскоре должен пасть. Это наверняка. Они знают, что случится, страшатся будущего и меняют привычки».

Гиббон, которого всегда приятно цитировать, описывает эту сцену так:

«[Аттила] наблюдал за аистом, готовившимся покинуть свое гнездо на одной из башен и улететь вместе с птенцами в поля. Он ухватился с пронизательностью государственного деятеля за этот незначительный инцидент и воскликнул громким голосом, что эта почти домашняя птица, столь привязанная к людям, никогда не покинула бы насиженное гнездо, если бы эти башни не были обречены превратиться в руины».

Соответствует ли истине эта красивая легенда? Очень может быть, поскольку гунны верили в предзнаменования, как природные, так и рукотворные (гадание по пятнам крови перед битвой на Каталаунских полях). Для рим-

лян, как и для варваров, птицы всегда служили предвестниками тех или иных событий, особенно вороны, совы и аисты, как для нас сейчас служат сороки: «Одна к печали, две к радости». Аисты — птицы перелетные, о чем Аттила наверняка знал лучше, чем Гиббон, как и мы — благодаря двум с половиной столетиям развития орнитологии. У них нет постоянных гнезд, и зимой они мигрируют на юг. Белые аисты, *Ciconia*, покидают свои летние европейские гнезда между серединой августа и началом сентября и направляются в Африку. Первыми взлетают птенцы, за ними следуют родители. У птиц, гнездящихся на западе, один маршрут, на востоке — другой. Ареалы обитания двух групп разделены с поразительной точностью по линии 11 градусов восточной долготы, которая проходит всего в 200 километрах от Аквилеи, и мигрируют они в обход Средиземного моря. Западная группа летит через Испанию, восточная, включая птиц из Аквилеи, через Турцию, Палестину, за Нил и на юг. Аттила, пришедший из Венгрии, был знаком с привычками восточных белых аистов, как и его шаманы, всегда присутствовавшие в его окружении. Один из них мог попытаться найти какой-нибудь знак, подтверждавший ожидания Аттилы. Маловероятно, что аисты знали что-либо о методах ведения осады, однако, как мне кажется, вполне возможно, грохот и дым выгнал их из гнезд раньше времени — за несколько дней до середины августа. Не так уж трудно представить, как шаман, знающий, на что надеется Аттила, указывает ему на знак, который свидетельствует о необходимости продолжения осады. Ничто так не вселяет веру, как заявление о неизбежности победы. Как бегство крыс с корабля воспринимается в качестве свидетельства его неминуемой гибели, так и бегство аистов из города было воспринято Аттилой в качестве предзнаменования неизбежного падения города.

Кто бы что кому ни сказал, это сработало. Боевой дух гуннов резко возрос, и они вернулись к тактике, примененной при осаде Наисса в 447 г., всего пятью годами

ранее. «Зачем говорить что-то еще, — комментирует Иордан. — Он вдохновил своих воинов, и они вновь бросились на штурм Аквилеи». Пошли в ход канаты для метания камней, «скорпионы» — тяжелые луки, выпускающие стрелы метровой длины, тараны, раскачивающиеся под защитой щитов. Спустя очень короткое время стены Аквилеи не выдержали, что привело к ужасным последствиям для города, «который они разграбили и сровняли с землей с такой жестокостью, что от него почти не осталось следа» — к этому преувеличению мы еще вернемся позже.

А что же тем временем делали Аэций и римляне? Ничего особенного, согласно нашему главному источнику, Просперу, летописцу и теологу из Аквитании. Он стал одним из ведущих церковных и литературных деятелей и, возможно, служил чиновником при дворе папы Льва I. Он отличался резкостью и краткостью суждений. По его мнению, Аэций был ленив и труслив. Он не позаботился о запасах провианта. Он не проверил альпийские укрепления. Он сбежал бы вместе с императором, если бы его не удержал стыд. Однако не следует безоговорочно принимать эти слова на веру. Проспер был заинтересован в том, чтобы принизить роль Аэция и выставить в выгодном свете папу, и привлечь к нему внимание как к главному — наряду с богом — действующему лицу последовавших событий. Дело в том, что империя никогда не защищала альпийские перевалы, поскольку это потребовало бы невероятных усилий. В V веке Италия пережила шесть нашествий, и каждый раз захватчики встречали сопротивление только в долине Изонцо и у Аквилеи.

Что произошло после падения Аквилеи, покрыто туманом. Очевидно, Аттіла взял полдюжину расположенных в окрестностях Аквилеи небольших городов, среди них Конкордию и Альтинум, но на Равенну, где находилось правительство империи, не пошел. Вероятно, он решил, что это слишком трудная цель, или же знал, что в тот момент император пребывал в Риме. Во всяком случае,

он двинулся на запад, идя краем долины По. Не желая разделять судьбу Аквилеи, попадавшие ему навстречу города открывали ворота: Падуя, Виченца, Верона, Брешия, Бергамо и, наконец, Милан. Здесь, пока гунны грабили и жгли дома, жители успели спастись бегством. Согласно одному источнику, Аттила остановился в резиденции императорского дворца, где увидел картину, на которой были изображены скифы, распростершиеся перед двумя римскими императорами — западным и восточным. Ему так понравилась эта идея, что он приказал местному художнику написать такую же картину, где он восседал бы на троне, а два императора сыпали бы к его ногам золото.

Наступление приостановилось. В соответствии с логикой, завоеватель должен был направиться на юг по Апеннинскому полуострову к Риму, сметая все на своем пути. Приск говорит: шаманы предупредили Аттилу, который шел примерно по тому же маршруту и с теми же намерениями, что и Аларих, будто его может постигнуть та же судьба, если он возьмет Рим: немедленная смерть после победы. Смерть действительно витала в воздухе, стояла невыносимая жара, начались болезни, ощущалась нехватка продовольствия. Лето кончилось, но в сентябре в долинах Северной Италии еще жарко и вольготно себя чувствуют малярийные комары. То же самое пришлось испытать на себе и другим завоевателям. В 540 г. франков «поразила диарея и дизентерия, от которой они не могли избавиться из-за отсутствия нормальной еды. В результате болезни скосили треть франкской армии». Другая франкская армия потерпела неудачу здесь же по той же самой причине в 553 г.

Возможно, на долю армии, возглавляемой Аэцием, выпало такое же испытание. На этот счет имеется лишь одно короткое и путаное сообщение испанского летописца Идатия, записавшего его около 470 г. Вместо того, чтобы начать тотальную войну, Рим предпочел прибегнуть к дипломатии. В качестве миротворца выступил папа Лев I.

Он представлял собой поистине значительную фигуру, и еще большую значимость придал ему Проспер, красочно расписавший его роль в этом деле. Избрание Льва, отложенное из-за его отсутствия в 440 г., ожидалось с «удивительной умиротворенностью и терпением». Он ревностно искоренял ересь, сжигая книги, как и подобает святому человеку, вдохновленному небесами. Он проявил себя властным папой как раз в тот момент, когда Аттила убил своего брата Бледу и обрел абсолютную власть на всей территории по ту сторону Дуная. Государственные деятели высшего ранга, такие, как Аэций, являли собой примеры гордости, амбиций, несправедливости и бесстыдства — и от всего этого Лев, казалось, был свободен. Он даже встал в оппозицию императору Феодосию II на Втором Вселенском соборе в Эфесе в 449 г., когда тот допустил, что Христос мог и не унаследовать человеческую природу от своей матери и обладал лишь человеческим образом. Когда в 450 г. Феодосий умер, Марциан, пришедший к власти благодаря браку с его сестрой, выступил спасителем христианства — христианства Льва. В связи с этим в 451 г. был созван Четвертый Вселенский собор. Согласно Просперу, женщины вообще не играли никакой роли. А как же жена Марсиана Пульхерия, которой тот был обязан своей короной? А как же Галла Плацидия, мать Валентиниана и Гонории, одна из могущественнейших женщин своей эпохи? И, конечно, теперь, когда Аттила угрожал самому сердцу Западной Римской империи, Аэций был более чем бесполезен, и все сосредоточилось в руках Льва.

Если Аэций полагался на здравый смысл, Лев полагался на бога. Сенат и Валентиниан отправили его с миссией к Аттиле. «Они не нашли ничего лучшего, чем отправить посольство к этому ужасному правителю и просить его о мире». Лев взял с собой двух коллег: Тригегия, бывшего префекта и опытного дипломата, который вел переговоры с Гензерихом, правителем царства вандалов в Северной Африке, и бывшего консула Авиена, ныне одного из наиболее влиятельных римских сенаторов. Воз-

можно, главная цель Льва сводилась к тому, чтобы договориться о выкупе пленных. В те времена подобная миссия возлагалась на самых высокопоставленных послов. По Просперу, подлинными спасителями Рима стали Лев и господь бог. В результате в более поздних источниках остальные два участника посольства либо не упоминаются вовсе, либо представлены в искаженном виде.

По всей очевидности, Атила был готов принять троих послов, возможно, видя в них зеркальное отражение своих *логадес*, возглавляемых главным шаманом Рима. Как говорит Проспер, «властитель принял делегацию с почестями и был настолько польщен присутствием первосвященника, что приказал своим войскам прекратить боевые действия и вернулся за Дунай».

Именно так, и не иначе. Чудеса да и только. Все дело в том, что в глазах Проспера папа Лев был живым воплощением Христа среди людей. «На избранных нисходит благодать, — говорит он, — не допускающая, чтобы они оставались бездеятельным, и не спасающая их от нападения врага, но дающая им силы побеждать врага».

Что в действительности произошло во время встречи, никто не знает. Возможно, как утверждают некоторые источники, она имела место на берегу озера Гарда, где из него вытекает река Минций (ныне Минцио) у Пескеры, хотя непонятно, зачем Атилле нужно было возвращаться из захваченного им Милана на восток, если путь на Рим лежал на юг. Вне всякого сомнения, переговоры были очень трудными. Вполне вероятно, Атила грозил Италии страшными несчастьями, как говорит Иордан, «если ему не пришлют Гонорию вместе с причитающейся ей долей богатства». Скорее всего, послы выдвинули встречное предложение: никакой Гонории, которая уже состоит в браке или «приняла обет целомудрия» (что, по всей видимости, в данном случае одно и то же, поскольку Гонория категорически отвергала мужа), а вопрос о доле богатства может быть рассмотрен, как и вопрос о выкупе пленных.

В отсутствие достоверной информации в скором вре-

мени появились легенды о чуде. Венгерский манускрипт «Gesta Hungarorum» XIII века, в котором повествуется, будто Аттилу привело в ужас видение разгневанного вооруженного ангела, — один из нескольких источников, содержащих подобные легенды, рассматриваемых ниже, в главе 12. Едва ли Аттила испытывал особое почтение перед каким-то папой. У него имелись иные причины для прекращения наступления. Болезни, голод, внезапное осознание тех трудностей, которые ждут его впереди, — Аттила должен был понимать тогда, что он откусил больше, чем способен прожевать. Кроме того, его положение было весьма уязвимым, поскольку византийские войска находились ближе к Венгрии, чем он сам.

Он повернул назад, пересек Изонцо и направился домой.

Осенью 452 г., когда Дунай сковал лед, он отправил послов к Марциану, угрожая опустошением Балкан, «так как ничего из того, что было обещано Феодосием, не выполнено, и заявляя, что проявит к своим врагам еще большую, нежели когда-либо, жестокость».

Но это был блеф. Он потерял тысячи воинов на Каталунских полях, еще тысячи умерли от болезней в Италии. Даже если итальянская кампания окупилась за счет денег, выплаченных Львом в качестве выкупа, поток золота от Марциана окончательно иссяк, а ему нужно было содержать истощенную армию и удовлетворять аппетиты своих военачальников. Никаких посольств больше не было. В ту зиму над дунайской границей повисла зловещая тишина, державшая Марциана в «подвешенном» состоянии по поводу возможных планов Аттилы. Весной нужно было предпринимать какие-либо действия.

В Италии десятки городов пострадали от гуннского нашествия, и больше всех, по всей очевидности, Аквилея. Слова Иордана, процитированные Гиббоном, отдаются эхом на протяжении столетий: «Последующие поколе-

ния не могли отыскать руины Аквилеи». Другие авторы просто говорили, что город был стерт с лица земли.

Однако это не совсем так, ибо об Аквилее после Аттилы кое-что известно.

Спустя шесть лет город, предположительно уничтоженный до основания, начал возрождаться. В нем имелась довольно значительная группа христиан во главе с епископом. Его звали Нисета, и в 458 г. он писал папе Льву, чьи ответы сохранились в подборке писем. На Нисете лежало бремя преодоления кризиса, вызванного разрушением города. Семьи были разлучены: мужчины уведены в плен, а женщины предоставлены самим себе. Но теперь с божьей помощью положение улучшалось. По крайней мере, некоторые мужчины вернулись. Таким образом, Аттила отпустил пленных, вероятно, выкупленных Львом. А что произошло с теми, кто выжил, но не был выкуплен? Они наверняка стали рабами и трудились в поте лица на полях Венгрии.

Перед Нисетой стояли две проблемы. Первая: некоторые женщины вновь вышли замуж, посчитав, что их мужей нет в живых. Каков статус этих браков? Это был чрезвычайно сложный вопрос, так как любое решение создавало неразбериху в сотнях семей. Льва нельзя было упрекнуть в нерешительности. Он постановил, что повторные браки должны быть аннулированы, а первые мужья восстанавливались в правах. Женщины, увиденные гуннами, не упоминались вообще, ибо считались безвозвратно утерянными.

Вторую проблему представлял статус возвратившихся, как христиан. Некоторых из них принудили в плену к принятию таинств обрядов, таких, как причастие и крещение (если они имели детей). Определение гуннов как еретиков звучит более чем странно. Армия Аттилы представляла собой смешение племен, и в ее состав входили готы, которые столетием раньше были обращены в арианство. Нисета мог не отличать готов от гуннов, но ересь была красной тряпкой для папского быка. Лев постановил, что принудительное обращение не признается за

обращение и вернувшиеся должны быть прощены и восстановлены в правах.

Со временем все эти семейные и богословские драмы исчерпали себя, и возрождавшийся город стал достаточно богат, чтобы возвести базилику на руинах синагоги. Иудеи, судя по всему, покинули Аквилею. Столетие спустя другое варварское нашествие, на сей раз лангобардов, вновь привело к упадку города, и многие его жители предпочли перебраться на запад, в новое поселение, возникшее на островах Венецианской лагуны — малоперспективное, но обеспечивающее гораздо большую безопасность.

Для многих эта связь является неопровержимым доказательством того, что выжившие жители Аквилеи основали Венецию, которая якобы была недоступна для гуннов, не осмеливавшихся въезжать на лошадях в окружающие ее топи. Возможно, этот путь проложили иудеи из Аквилеи, но христиане ходили им две сотни лет. Только в 569 г., после еще одного варварского вторжения епископ Аквилеи Павел перевез свои регалии и реликвии в порт Градо, находившийся в 10 километрах к югу от Аквилеи и на некотором расстоянии от побережья, добраться куда без плавательных средств можно было лишь с большим трудом. Оттуда спустя еще столетие власти города окончательно перебрались в Венецию. В IX веке проливы между островами начали преобразовываться в каналы, через которые сооружались мосты, и город постепенно приобрел свой неповторимый облик, вдохновивший авторов последующих эпох на то, чтобы превратить груды перемешанных исторических фактов в красивые народные сказки.

Венеция и сегодня сохраняет связь со своими аквилейскими корнями и традициями на благо туристической индустрии. На островах Мурано и Бурано продолжают производить стекло, отчасти благодаря рабыне Сентии и ее коллегам, трудившимся в Аквилее до того, как туда пришел Аттила.

10

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ, ТАЙНАЯ МОГИЛА

Редко девушка становится знаменитой, ничего не сделав для этого. На греческом и на латыни она звалась Ильдиком. Историки соотносят это имя с германским именем Хильдегунда. Она могла быть германской принцессой, присланной каким-нибудь вассалом с целью заручиться расположением Аттилы. У Аттилы уже было много жен, и не столько потому, что он обладал большой сексуальной энергией, сколько потому, что присутствие в гареме высокородных женщин являлось символом власти над ненадежными вассалами. Иордан, цитируя утерянный фрагмент Приска, говорит, что Ильдиком была очень красива. Никто больше не упоминает о ней. Во всяком случае, она была последней женой Аттилы, появившись у него в 453 г.

О том, что произошло в ночь свадьбы Аттилы и Ильдиком, рассказывает Приск, который был при дворе короля гуннов четырем годами ранее и поэтому проявлял к этим событиям огромный интерес. В течение последних трех лет он находился при Максимине в районе верхне-

го течения Нила, принимая участие в очередном раунде затянувшейся дискуссии по поводу баланса между божественной и человеческой сущностями Христа. Она обострилась в 448 г., когда престарелый священник по имени Евтихий выступил с заявлением, что Христос обладает единственной сущностью — божественной. Споры приняли ожесточенный характер, и в них были втянуты власти Рима и Константинополя. На Четвертом Вселенском соборе в Халкедоне в 451 г. была предпринята попытка узаконить концепцию, согласно которой Христос является одним *лицом* с двумя *сущностями*, что, благодаря терминологической казуистике, позволяет ему быть одновременно богом и человеком. Наряду с этим собор провозгласил равенство Константинополя по отношению к Риму и, следовательно, его право на владение Балканами и всеми восточными территориями. Рим был в ярости, как и монофизиты Египта, приверженцы идеи единственной сущности Христа. Приск и Максимиан вели переговоры о мире с двумя своенравными египетскими общинами. В ходе этих переговоров Максимиан умер. В начале 453 г. Приск вернулся в Константинополь, все еще погруженный в хаос религиозного диспута. Он даже мог выступить в роли советника военного коменданта города по вопросам пресечения беспорядков. Очевидно, тогда все еще существовали хорошие связи между греками и гуннами, осуществлявшиеся, по всей вероятности, через какого-нибудь готского посредника-полиглота, который принес сенсационные известия из Венгрии.

Оригинал сообщения Приска о том, что произошло после свадьбы, когда Атила удалился со своей юной невестой, не сохранился, но Иордан снял с него копию, которая приводится ниже:

«После чрезмерных возлияний он повалился на кровать и уснул. Он и раньше страдал кровотечением из носа, но на сей раз кровь, не найдя обычного пути истечения, пошла горлом, что послужило причиной смерти. Таким образом, пьянство положило постыдный конец жизни правителя,

завоевавшего славу на полях сражений. На следующий день, видя, что их господин долго не выходит из спальни, его слуги заподозрили неладное и сначала стали громко кричать ему, а затем взломали дверь. Они нашли Аттилу мертвым, но без признаков насильственной смерти, и рыдавшую девушку».

Картина выглядит вполне убедительно — молодая девушка, большое количество выпитого, никаких намеков на плохое самочувствие, брачная ночь, тело, плачущая невеста. Что могло случиться? Впоследствии эта загадочная смерть породила массу самых разнообразных предположений — Ильдику, посланная для отмищения, спрятанный кинжал, яд и так далее. После смерти Чингисхана тоже было много разговоров о том, что он пал жертвой мести со стороны своей последней жены. Простые смертные не желают, чтобы их правители умирали просто так, их кончине непременно должны предшествовать кометы, предзнаменования, драмы. Но в случае с Аттилой ничего подобного не было, и в пользу его естественной смерти свидетельствует состояние неподдельного шока Ильдику. Вероятнее всего, у Аттилы, которому было хорошо за пятьдесят, произошел резкий сбой в работе той или иной системы организма.

Но какой? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно обратиться к медицинским фактам.

В сообщении говорится о горловом кровотечении. Ни инфаркт, ни инсульт, способные произойти во время совокупления, не вызывают наружного кровотечения. Кровь могла поступать только из органа, непосредственно соединенного с ротовой полостью — легких, горла или желудка. Заболевания легких не сопровождаются внезапными кровотечениями (только небольшие кровяные выделения после нескольких лет хронической болезни, такой, как туберкулез). Остаются горло и желудок.

Рассмотрим вначале версию желудка. Аттила мог захлебнуться рвотными массами. Однако о рвоте нет ни слова, слуги говорили лишь о крови. Существует вероят-

ность того, что причиной кровотечения могло стать прободение язвы желудка, развивавшейся в течение некоторого времени без ощутимых симптомов (язва желудка не всегда вызывает болезненные ощущения). Одним из факторов развития язвы являются стрессы, которых в жизни Аттилы хватало с избытком. Положение могло усугубляться горьким осознанием того, что он достиг предела своих возможностей и ему не удастся создать Великую Гуннскую империю, включающую наряду с его собственными владениями территории Западной Римской империи и Византии. Если он когда-то считал, что ему предопределено — небесами, богом войны или каким-либо другим божеством, которому поклонялись его шаманы, — править миром, то теперь он знал наверняка, что придется довольствоваться меньшим. Фактически это был конец. Поэтому, вполне возможно, у него произошло прободение язвы, и если бы он не лежал в беспмятстве по причине опьянения и изнеможения, то проснулся бы, а не захлебнулся бы собственной кровью.

Возможна и другая версия — на мой взгляд, более убедительная. Гунны много пили, и не только свое ячменное пиво, но и вино, привозимое из Западной Римской империи и Византии. Приск упоминал вино, рассказывая об ужине с Аттилой. В течение 20 лет правитель гуннов употреблял алкоголь, и, вероятно, в больших количествах (вспомним и традиции гуннов осушать чашу после каждого тоста). Алкоголизм вызывает расстройство, известное как *portal hypertension*, которое, в свою очередь, приводит к *oesophageal varices*, иными словами, варикозному расширению вен в пищеводе. Эти разбухшие вены с ослабленными стенками способны внезапно лопаться, в результате чего происходит сильное кровотечение, и если сильно пьяный человек лежит в бесчувственном состоянии на спине, кровь попадает в легкие. Если бы Аттила не спал или был трезв, он поднялся бы в кровати и остался бы жив. Опьянение, повышенное давление, слабые вены в горле — это сочетание, по всей вероятности, и убило его.

Бедная, невинная Ильдико проснулась рядом с бездыханным телом и была так напугана, что не смогла позвать на помощь или открыть дверь.

Далее повествование продолжает Иордан. Растерянные слуги призвали других. Когда всем открылась страшная правда, начался ритуал оплакивания, который в каждой культуре имеет свои особенности. Гунны отрезали себе ножами клоки волос, и эта традиция могла существовать на протяжении трех столетий, с эпохи хунну, в царских гробницах которых археологи находили сплетенные в косы волосы, обрезанные у корней. Мужчины также резали себе щеки, что объясняет наличие шрамов на их лицах, о которых упоминали несколько авторов, писавших о гуннах. Как говорит Иордан, «уродуя свои и без того отвратительные лица глубокими ранами, они оплакивали знаменитого воителя не женскими слезами, а мужской кровью». Этот ритуал встречался от Балкан до Восточной Азии и был уже известен на Западе. Сидоний вспоминает его, восхваляя мужество своего героя Авита: «Покрытый ранами, ты превзошел того, для кого оплакивание означает разрезание собственных щек».

Тело положили на траву внутри шелкового шатра, и его окружили всадники, «как во время циркового представления». Один из главных помощников Аттилы затянул погребальную песнь, которую, судя по всему, Приску перевели слово в слово — разумеется, сначала с гуннского на готский, а затем на греческий, после чего Иордан перевел ее на латынь. Эта латинская версия звучит следующим образом:

«Вождь гуннов, король Аттила, сын Мундзука, предводитель нахрабрейших племен, держал под своей неограниченной властью царства Скифии и Германии и, захватывая принадлежавшие им города, наводил ужас на Рим и Константинополь, которые, дабы умиротворить его, ежегодно платили ему дань. И, достигнув благодаря судьбе всего этого, он умер — не от руки врага, не в результате предательства, а

безболезненно, среди своих людей, счастливый и радостный. Кто может подумать об этом, как о смерти, видя, что никто не считает, будто она призывает к отмщению?»

Эти строки были подвергнуты учеными самому тщательному анализу. Предпринимались даже смелые попытки восстановить готскую версию, оказавшиеся безрезультатными. Невозможно доказать, что греческая версия соответствует гуннскому источнику, хотя Приск был убежден в этом, иначе зачем ему было цитировать ее дословно? Возможно, он стремился сделать репортаж, в котором отразилось бы горе гуннов, пусть он и не отличался бы особыми литературными качествами. Лучшее, что могли сказать об Аттиле его люди, по всей вероятности, сводилось к следующему: он много грабил и умер, не дав им повода убивать в отместку за себя. По словам Менхен-Хелфена, это звучит «как эпитафия американскому гангстеру».

Далее в повествовании продолжается описание ритуального оплакивания. Это было нечто вроде поминок, выражение горя и в то же время воспевание доблестно прожитой жизни¹.

Затем, когда опустелись сумерки, тело было подготовлено для погребения. Гунны совершили обряд, к которому мы вернемся чуть ниже, «вначале золотом, затем серебром и, наконец, железом». Металлы, говорит Приск через посредство Иордана, являлись символами. Железо символизировало покорение им многочисленных племен, а серебро и золото — награбленные им богатства. После

¹ Иордан, или Приск, говорит, что гунны называли этот ритуал «страда», и это, предположительно, единственное сохранившееся слово гуннского языка стало впоследствии предметом множества спекуляций. Ученые, спорившие на протяжении столетия, сошлись в одном: это слово не тюркское, а значит, почти наверняка не гуннское. По мнению нескольких специалистов, это позднесредневековое польское и чешское слово, означающее «пища» в смысле «поминальное угощение». Остается загадкой, то ли гунны переняли его у славян, то ли информатор Приска употребил его мимоходом. (*Прим. пер.*)

этого они присовокупили трофейное оружие, захваченное в бою, конскую сбрую, украшенную разнообразными особыми камнями и различными орнаментами, знаками королевского достоинства.

Так что же гунны делали с металлами? В большинстве переводов говорится, что они обшили ими его «гробы», что породило нелепую, но часто повторяемую историю, будто Аттила был похоронен в трех гробах — из золота, серебра и железа. Гиббон воспринимает эту легенду как факт, без каких-либо комментариев. В результате многие поколения искателей кладов тщетно надеялись отыскать царскую гробницу с сокровищами.

Данная версия широко распространена в Венгрии. Даже в школьных учебниках это преподносится как исторический факт — отчасти благодаря роману Гезы Гардоньи «Человек-невидимка», в котором, в частности, говорится:

«Главные шаманы принесли в жертву черную лошадь за катафалком, и слепая Кама спросила души усопших гуннов, как должен быть похоронен Аттила.

«Положи его в тройной гроб, — последовал ответ. — Пусть первый гроб будет из золота, блестящим, словно солнечные лучи, ибо он был солнцем гуннов. Пусть второй гроб будет из серебра, словно хвост кометы, ибо он был кометой мира. Пусть третий гроб будет из стали, ибо он был твердым, как сталь».

Все это представляется полным абсурдом. Сколько потребовалось бы золота для изготовления гроба? Я скажу вам: около 60 000 кубических сантиметров. Это \$15 миллионов в сегодняшних ценах, целая тонна золота: не так много в масштабах современного производства или по сравнению с годовой добычей золота двух империй, но этот объем эквивалентен годовой дани из Константинополя (выплата которой, как вы помните, давно прекратилась). Если бы у гуннов было столько золота, Аттиле незачем было бы идти на запад и он имел бы кое-что получше

деревянного дворца и каменной бани. И даже если бы у гуннов было это золото, неужели они совершили бы такую глупость, зарыв его в землю?

К тому же фигурируют еще два гроба, и каждый из них больше предыдущего. Двести тысяч кубических сантиметров металла! Помимо всего прочего, понадобились бы месяцы, чтобы отлить их, и они весили бы больше 3 тонн. Их перевозка потребовала бы 60 человек, прочную повозку и нескольких быков — а ведь этот ритуал, предположительно, совершался тайно, глухой ночью. Подобную фантазию невозможно принять на веру при всем желании.

Однако ее автором был не Гардоньи, а его источники, подробно изученные Морой Ференцем, директором Сегедского музея, ныне носящего его имя. Следы этой истории ведут к писателю XIX века Мору Йокаи, позаимствовавшему ее, в свою очередь, у священника Арнольда Апольи, который в 1840 г. утверждал, будто прочитал ее у Иордана, тогда как в то время очень немногие люди имели доступ к трудам Иордана. Вероятнее всего, он читал Гиббона. Как бы то ни было, Апольи либо ничего не понял, либо все сочинил сам, дабы получилась красочная легенда.

Если обратиться к Иордану, у него ничего не говорится о металлических гробах. Он предлагает более реалистичную версию: *coopercula... communiunt*, «они укрепили крышки». Никаких упоминаний о *arcae* (гробы), хотя это слово употребляется впоследствии в истории в единственном числе. Теперь она начинает приобретать смысл. Скорее всего, речь идет о деревянном гробе и нескольких ценных предметах, вроде кусочков золота, использовавшихся для украшения луков. Похоже, крышка закреплялась с помощью маленьких символических зажимов из золота, серебра и железа. Именно такие гробы находили в погребениях хунну на холмах Нойон Уул в Монголии.

А как же тогда сокровища, якобы похороненные вместе с телом? Как пишет Петер Томка, «покойник должен

был лежать в гробу в церемониальной одежде. Вместе с ним там должны были лежать дары в виде еды и напитков и простые приборы, вроде ножей или щипчиков». Но ничего особо ценного в сам гроб не положили бы. Если взять в качестве примера клад Паннонхальмы — культовые предметы, украшенные чешуйками золота, — можно сделать вывод, что тело и ценные вещи короля были похоронены отдельно. Кладоискатели и археологи ищут тело в деревянном гробу, затерявшемся где-то в долине Тисы, а также клад с его личными предметами.

В Сегедском музее вы ощущаете подлинную близость к Аттиле, особенно в обществе его нынешнего директора Белы Курти, ежедневно держащего в руках предметы, которые мог держать когда-то сам Аттила. Курти, плотный мужчина с седеющей бородой, проработавший в музее свыше 30 лет, рассказал мне, как были найдены эти предметы.

Герой этой истории — восьмидесятилетний старик, живущий в селении в долине Тисы, примерно в 12 километрах к юго-западу от Сегеда. Балинт Йожеф — или, если угодно, Йожеф Балинт — бывший фермер, является знаменитостью местного масштаба благодаря находке, совершенной им в пятилетнем возрасте. Селение слишком мало, чтобы его можно было отыскать на карте, но рядом находится озеро, носящее то же название — Надьсекшош. Стоял прекрасный день начала лета 1926 г. Маленький Йожеф играл в поле, в то время как его родители сажали тыквы. Он заметил какой-то предмет, торчавший из только что вскопанной земли. Это оказался странно выглядящий металлический котелок, весь в дырках. Всего их было 39, и располагались они в три ряда. Йожеф показал котелок матери. В качестве посуды он был абсолютно бесполезен, поэтому она взяла молоток и расплющила его, сделав из него нечто вроде короны. «Теперь ты будешь королем!» — и мальчик забрал котелок с собой в свинарник, чтобы поиграть с ним. Он был

довольно тяжелым, и Йозеф не мог удержать его на голове. Покатав немного металлический круг по двору, он бросил его и тут же забыл о нем.

Полгода спустя один из работников фермы вновь нашел котелок, и кому-то из членов семьи пришла мысль, что эта находка может иметь важное значение. Почистив котелок, он, к своему немалому изумлению, обнаружил, что держит в руках золото. Он разрезал его на три части и отвез одну к ювелиру в Сегед, посмотреть, какие деньги это может ему принести. Ювелир, чтивший уголовный кодекс, сообщил о находке в полицию. Так предмет попал в руки директора Сегедского музея Мора Ференца. Мора незамедлительно выехал на ферму, и маленький Йозеф показал ему место, где он нашел котелок. Всплыли остальные две его части. Последовал официальный запрос: не могли бы археологи музея перекопать тыквенное поле Балингов? Это предложение повергло старшего Балинта в ужас, и он не хотел слышать ни о чем подобном.

Минуло восемь лет. Мора умер. Его преемник, настроенный более решительно, вновь приехал в Надьсекшош, уговорил Балинта, перепахал поле и нашел крупнейший из когда-либо найденных гуннских кладов — 162 предмета: поясные пряжки, ожерелья, золотые предметы, инкрустированные драгоценными камнями, конскую сбрую, украшения для седел, застежки для обуви, декоративные фрагменты мечей и кинжалов, ручки деревянных инструментов, фрагменты седел и хлыстов, луки и котлы. Вместе с последующими находками общее их число перевалило за 200. В основном это были небольшие предметы, до килограмма золота. По застежкам для обуви археологи определили, что эти предметы принадлежали одному или нескольким представителям гуннской элиты. Эксперты, такие как Иштван Бона и Петер Томка, сходятся во мнении: это были погребальные пожертвования и они — что очень важно — не были положены в могилу. На поле Балингов не были обнаружены ни кости, ни пепел, ни следы размытого погребального кургана.

В настоящее время котелок хранится в Национальном музее в Будапеште в качестве центрального предмета экспозиции, по которой Курти является экспертом. В Сегедском музее осталась лишь его копия. Подобные находки, сделанные в Персии, свидетельствуют о том, что отверстия служили для крепления украшений из стекла и полудрагоценных камней, что предполагает использование этой посуды во время официальных ужинов, вроде того, что описывает Приск. Говоря откровенно, это довольно грубая работа. Однако весьма соблазнительно думать, что этот самый предмет держал в руках Аттила в период пика своего могущества, всего за четыре года до того, как он стал погребальным пожертвованием.

Тем временем должны были состояться траурная процессия и тайное погребение «в землю». О кургане какие-либо упоминания отсутствуют. Если погребение производилось в соответствии с традициями хунну, была вырыта глубокая яма, сооружена деревянная комната и устроена деревянная гробница, в которую установили гроб, после чего яма была засыпана.

Слово «тайное» имеет важное значение. Чингисхан был погребен тайно, как и его наследники. Делалось это для того, чтобы избежать разграбления гробницы и сохранить священность места, то есть божественную ауру, окружающую императора. В случае с монгольскими правителями перед их слугами стояла серьезная проблема, заключавшаяся в том, что все примерно знали, где находятся захоронения — на священной горе Бурхан Халдун, ныне носящей название Хан Хенти, которая находится в Северной Монголии. Чтобы решить эту проблему, монголы тщательно маскировали могилы, затаптывая их копытами лошадей, расставляя в их окрестностях стражу и затем позволяя деревьям и траве полностью скрыть места захоронений. Спустя поколение уже никто не мог отыскать их, и они хранят свою тайну по сей день.

В случае с Атилой дело обстоит иначе. Судя по всему,

у скотоводов-кочевников существовали традиционные ритуалы погребения вождей. Но гунны, больше не являясь кочевниками, прожили в Венгрии всего два поколения. У них не было священного места, подходящего для погребения вождей, и даже если они отдаленно помнили благодаря фольклору о своем (недоказанном) происхождении от хунну, поблизости отсутствовали горы, которые могли бы стать мостом между землей и небом. Им не оставалось ничего другого, как зарыть гроб в земле.

Вот во что верят венгры, не без содействия Гардоньи. Где должен был быть похоронен правитель?

«Старая Кама ответила, следуя божественному совету: «На реке Тисе множество крошечных островков. Отведите воду из более узкого рукава в том месте, где река разделяется. Выройте очень глубокую могилу в обнажившемся дне и затем расширьте это дно. После того, как правитель будет похоронен, пустите воду обратно в рукав».

В результате сегодня в Венгрии многие уверены и считают это непреложным фактом, что Аттила покоится в могиле, вырытой на дне реки Тисы.

Каким бы образом ни было произведено погребение, его место должно было остаться в тайне, что на слегка холмистой венгерской *пуште* представляло определенную проблему. Приск, согласно Иордану, рассказывает, как она могла быть решена. «Дабы место сокрытия столь великих богатств было ограждено от людского любопытства, те, кто выполнял работы по погребению, были убиты — ужасное вознаграждение, бросившее могильщиков в пучину внезапной смерти вместе с погребенным».

Этот момент достоин более пристального внимания. В Евразии был широко распространен ритуал убийства животных и рабов во время похорон владыки. В китайском городе Аньян туристам показывают место захоронения небольшой армии рядом с гробницей их венце-

носного полководца. Там можно увидеть скелеты людей и лошадей, а также несколько колесниц. Это не было широко распространенным обычаем, ведь рабы и солдаты представляли собой ценное имущество, и поэтому чаще использовались манекены — вспомните знаменитую терракотовую армию Сианя.

Вернемся к убийству могильщиков, совершенному в целях сохранения тайны. Насколько мне известно, первым о подобной идее упоминает Иордан. Вероятно, этому не стоит удивляться, с учетом того, что похороны великого властителя, как правило, сопровождалось созданием довольно заметного мемориала в форме погребального кургана, сотни которых можно увидеть в Венгрии, Украине, Южной России и по всей Азии, вплоть до царских гробниц хунну в Монголии. Вопрос о секретности тогда никого не заботил. Он встал только при погребении Чингисхана, и, наверное, отнюдь не по случайному совпадению возникла та же самая идея: в целях сохранения тайны местонахождения могилы великого хана все живые существа, оказавшиеся на пути следования траурного кортежа, были убиты.

Марко Поло выяснил, что это произошло при погребении внука Чингисхана Мунке, и в скором времени то же самое начали приписывать и погребению самого Чингисхана. В случае с монголами подобное просто не имеет практического смысла. Какие бы меры предосторожности ни предпринимались, невозможно скрыть от людских глаз траурный кортеж, сопровождаемый толпой горящих членов семьи и родственников.

Однако, что касается Аттилы, его случай уникален. Никогда прежде варварский правитель не достигал столь многого. По крайней мере, такие прецеденты неизвестны. Ночные похороны, никакого кургана — это представляется мне вполне реальным. Если бы Приск все придумал или следовал исключительно своим классическим моделям, он наверняка рассказал бы об оплакивании, смерти жертв и погребальном кургане.

Но как же тогда удалось сохранить тайну? Менхен-Хел-

фен с сарказмом относится к идее устранения свидетелей: «Убийство людей, хоронивших властителя, было неэффективным средством предотвращения разграбления гробницы, ибо тысячи других людей должны были знать о ее местонахождении. Кстати, а кто убил убийц?» В отличие от него, я не столь категоричен. Гуннам было несложно организовать подобную акцию, поскольку у них имелось множество рабов, захваченных в ходе многочисленных кампаний в Германии, на Балканах, в Галлии и Италии. Приск видел некоторых из них во время своей миссии и сравнивал успешного греческого предпринимателя с угрюмыми и подавленными пленными, занятыми на работах в ставке Аттилы. Гунны не испытывали никаких угрызений совести по поводу убийства людей (вспомните двух беглых царевичей, посаженных на кол). Для них убить человека было так же легко, как убить овцу, даже легче, потому что при выборе овцы следовало еще позаботиться о качестве мяса. Тот, кто спокойно режет себе лицо, способен столь же хладнокровно перерезать горло не угодившему ему домашнему слуге.

Я могу представить, как ведут рыть могилу человек 50 пленных, которые совершенно не догадываются о своей судьбе, известной лишь несколькими *логадес*. Появляется процессия, сопровождаемая тысячной толпой скорбящих гуннов. *Логадес* велят им возвращаться домой. Процессия продолжает медленно двигаться дальше под охраной примерно 50 солдат. Затем гроб укладывают в вырытую яму, заваливают ее землей и тщательно разравнивают место, которое в скором времени будет затоплено паводковыми водами разлившейся Тисы. После этого пленных строят и уводят в темноту. С первым лучом солнца их разбивают на небольшие группы, к каждому из них подходит гунн и быстро перерезает горло. Все кончено в течение нескольких секунд. Разумеется, некоторые гунны должны были быть посвящены в тайну, но они стали ее хранителями. Она надежно пребывала с ними до тех пор, пока ежегодные разливы Тисы не скрыли навсегда это место от мира.

11

СЛЕДЫ ТЕХ, КТО ИСЧЕЗ

Почти мгновенно империя, казавшаяся такой великой, превратилась в карточный домик. Аттила, величайший среди предшественников Чингисхана степной правитель, не позаботился о том, чтобы назначить преемника. Приск видел, сколь нежные чувства он проявлял к младшему сыну Эрнаку, какую ответственность возлагал на самого старшего сына Эллака, но для сплочения империи этого было недостаточно. Чингисхан поступил абсолютно правильно, создав бюрократический аппарат, издав законы и написав завещание о престолонаследнике — за восемь лет до своей смерти. Аттила оставил после себя множество наследников — сыновей, жен и родственников, целый клан, — не оставив завещания. Каждый член этого клана требовал свою долю наследства, настаивая на том, чтобы ему была выделена определенная часть вассалов, словно речь шла о семейных слугах. В монгольском фольклоре есть легенды о вождях (конечно, о Чингисхане, но также и о других), которые демонстрировали своим сыновьям, что одну стрелу легко сломать, тогда как пучок сломать невозможно: единство — это сила! Ат-

тила и члены его семьи не обладали подобной мудростью. По словам Иордана, «среди наследников Аттилы возник спор по поводу того, кто должен занять его место, ибо молодых людей обуревали амбиции, и в своем бездумном стремлении к власти они разрушили созданную им империю».

Если при жизни Аттилы информация о событиях, происходивших в гуннской державе, была довольно скудна, то теперь ее связь с внешним миром и вовсе прервалась, поэтому мы располагаем лишь самыми общими сведениями. Вожди некогда независимых племен не желали, чтобы с ними обращались, как с домашними слугами, и восстали. Первыми, вероятно, были остготы, но основное восстание возглавил вождь гепидов Ардарих, один из главных союзников Аттилы. Он оказывал ему поддержку во время кампании на Балканах в 447 г. и занимал правый фланг на Каталаунских полях. Именно Ардарих создал новый союз, чтобы отвоевать независимость германских племен у гуннских сюзеренов.

Согласно Иордану, в 454 г. произошла крупная битва. Ее подробности неизвестны. Иордан указывает лишь место — река Недао в Паннонии, но это название не упоминается ни в одном другом источнике. Даже Менхен-Хелфен, самый въедливый специалист по гуннам, не может сказать ничего, кроме того, что это, вероятно, приток Савы, которая впадает в Дунай в Белграде. Во всяком случае, Ардарих одержал великую победу. Погибли 30 000 гуннов и их союзников (эту цифру, как всегда, нужно делить на 10, дабы она выглядела более или менее правдоподобной). Среди убитых был старший сын Аттилы Эллак. «Таким образом, гунны потерпели поражение, тот самый народ, которому, как считалось, должен покориться весь мир».

И, таким образом, Гепидский союз унаследовал земли гуннов и их натянутые отношения с Византией. Ардарих отправил послов в Константинополь, где они были с почетом приняты Марцианом, все это время пристально следившим за действиями Аттилы и с тревогой ожидав-

шим его дальнейших шагов. Он наверняка испытал огромное облегчение, узнав о событиях, произошедших за Дунаем, и с радостью предоставил Ардариху помощь в размере 100 фунтов золота в год — одну двадцатую часть суммы, которую его предшественник выплачивал Аттиле.

Со смертью Аттилы жизнь в Константинополе стала значительно спокойнее. Теперь, когда варвары оказались разобщены, с ними было легче иметь дело. Произошли широкомасштабные переселения некоторых племен: остготам были предоставлены земли в Паннонии. Оставшиеся гунны разделились на две группы: одна осела на черноморском побережье, вторая — в районе сегодняшней сербско-болгарской границы. Между западными гуннами и их бывшими вассалами — остготами продолжались мелкие стычки. Иордан рассказывает, как гунны, «рассматривавшие готов в качестве дезертиров и предателей, пошли на них, словно пытаясь вернуть беглых рабов» и получили хорошую трепку. У гуннов появился новый вождь по имени Тулдила. Сидоний упоминает его еще в одном из своих подобострастных панегириков, на сей раз посвященном императору Майориану и написанном в 458 г.: «Лишь один народ отказал тебе в повиновении, народ, который недавно в еще более свирепом расположении духа, чем обычно, отошел за Дунай, потому что потерял своего предводителя в боевых действиях, и Тулдила разжигает среди этой буйной толпы безумную страсть к войне».

В 465—466 гг. гунны предприняли еще одну попытку. Один из сыновей Аттилы Денгизих, обосновавшийся на Саве, примерно в 75 километрах к западу от Белграда, объединился с Эрнаком (любимцем Аттилы, оставшимся в живых), и они отправили посла в Константинополь с предложением императору, теперь уже Льву I¹, восстановить рынок на Дунае. Лев отказал.

¹ Правил с 457 по 474 г. Не путать с папой Львом I (440—461 гг.). В течение четырех лет (457—461) и папу, и византийского императора звали Лев I. (Прим. пер.)

Последняя вспышка воинственности произошла в 467 г., когда Дензигих и последние европейские гунны пересекли замерзший Дунай и вторглись во владения готов в отчаянном стремлении отвоевать для себя жизненное пространство. В послании к местному византийскому военачальнику Анагасту Дензигих заявлял, что его люди даже готовы сдаться, если только им предоставят землю, которую они могли бы называть своей, и просил дать ответ как можно скорее, так как «они умирают с голода и не могут больше ждать». Император благосклонно отнесся к просьбе гуннов. Пришедшие в ярость готы, которых в конечном счете поддержали византийцы, напали на них. Гунны стойко защищались без всякой надежды на победу до конца 469 г., о чем свидетельствует источник начала VII века «Восточная хроника». Анагаст убил Дезинги-ха, и его голова была доставлена в Константинополь. «Ее пронесли во главе процессии по Средней улице и водрузили на шест у Деревянного Креста. Весь город собрался посмотреть на нее». Судьба Эрнака осталась неизвестной.

Немногие выжившие гунны смешались с другими племенами или мигрировали на восток, рассеявшись, словно пыль после взрыва, уйдя туда, откуда они явились столетием раньше.

Одновременно с империей Аттилы рушилась Западная Римская империя. Историкам ее упадок представляется темным и запутанным делом. Уже на протяжении многих лет римскую армию составляли далеко не подлинные римляне. Аэция можно было бы назвать «последним из римлян», но в его армии на Каталаунских полях сражались вестготы, франки, бургунды и многие другие варвары. Что бы он делал без них, известно только богам. Со смертью Аттилы была устранена главная опасность, но осталось множество других, угрожавших чрезвычайно ослабленной, разлагающейся империи. И все же он не

исчез бесследно, и его влияние распространялось за пределы тайной могилы. Он незримо присутствовал при событиях, подталкивавших Западную Римскую империю к неизбежной гибели.

На протяжении ряда лет Аэций являлся для некоторых спасителем Рима, его оплотом борьбы с варварством, пока все его попытки спасти империю не завершились мелодраматическим финалом. С тех пор, как в 450 г. умерла его мать и опора Галла Пласидия, действиями Валентиниана некому было управлять. По словам Гиббона, «он достиг тридцатипятилетнего возраста, но не обрел ни благоразумия, ни мужества». Он был готов выслушивать любую чушь, значительную часть которой нашептывал ему видный сенатор и двукратный консул Петроний Максим. Плодовитый Сидоний описывал шестидесятилетнего Петрония, как одного из римских вождей с неумеренными амбициями, который «жил на широкую ногу, закатывая пиры, тратил много денег, имел обширные поместья, всегда появлялся в сопровождении свиты, был ценителем литературы, занимался благотворительностью». Кроме того, он, похоже, с чрезвычайной подозрительностью относился к Аэцию с его богатством, высокопоставленными друзьями и частной варварской армией, что делало того самым могущественным государственным деятелем империи. Петроний намекнул императору через его любимого внука и советника Гераклия, что Аэций вполне способен организовать переворот. Он даже может планировать создание новой династии, поскольку его сын Гауденций помолвлен с дочерью Валентиниана Евдоксией. Петроний советовал Валентиниану нанести превентивный удар.

В сентябре 454 г. Аэций во время совещания у императора, на котором присутствовал внук Гераклий, предложил ускорить свадьбу их детей. Вероятно, он был слишком настойчив, и, вероятно, это послужило доказательством его намерения захватить власть. Во всяком случае, Валентиниан, будь то в припадке внезапного гнева или

следуя заранее разработанному плану, вскочил с трона, обвинил Аэция в измене и обнажил меч — «первый меч, который он когда-либо обнажил» — комментирует эту сцену Гиббон. Вслед за императором обнажили свои мечи Гераклий и стражники, и безоружный Аэций пал под ударами дюжины клинков.

С его смертью падение Рима ускорилось. Один римлянин высказался по поводу этого события, обращаясь к Валентиниану, следующим образом: «Ты поступил как человек, отрезавший левой рукой свою правую руку». Друг гуннов — возможно, самого Аттилы — затем их враг, Аэций навел мосты между римским и варварским мирами и поддерживал между ними баланс, пусть и не вполне устойчивый. Никто не мог заменить его.

Тем лучше для Петрония, и тем хуже для Рима. Гераклий, имевший большое влияние на императора, призвал его не заменять одного амбициозного человека (Аэция) на другого (Петрония). Таким образом, Петроний не получил ни благодарности, ни вознаграждения за свои интриги. Гиббон рассказывает занятную историю о том, как император изнасиловал жену Петрония, но пересказывать ее нет смысла, поскольку Гиббон не называет источник, а у Петрония уже и так имелось достаточно причин для мести Валентиниану.

Разъяренный Петроний затеял еще один заговор и обратился за помощью к двум телохранителям-варварам, Оптиле и Траустилле, некогда служившим Аэцию, которые теперь служили его убийце Валентиниану, что свидетельствует о неразборчивости императора и недостатке у него бдительности. Через шесть месяцев после убийства Аэция, весной 455 г., Валентиниан отправился на *Campus Martius*, Марсово Поле, представлявшее собой в ту пору болотистую равнину в излучине Тибра к северу от города, которая ныне осушена и почти полностью застроена. Сопровождаемый небольшим воинским контингентом, он собирался поупражняться в стрельбе из лука. Спешившись, он вместе с Гераклием и двумя те-

лохранителями-варварами подошел к мишени. Как только император приготовился выстрелить, Оптила ударил его в висок, а когда он повернулся, Траустилла нанес второй удар — мне думается, булавой. — который стал для него смертельным. Еще одним ударом был убит Гераклий. Слабый и трусливый император, убийца гордости Рима, Аэция, был столь непопулярен, что стража даже не сделала попытки защитить его. Убийцы вскочили на лошадей и помчались к Петронию требовать обещанное вознаграждение.

Валентиниан не имел наследников, и вместе с ним умерла династия. Сенат провозгласил императором Петрония. Но Петроний, достигнув высот власти, оказался в отчаянном положении. Он неожиданно остался в полном одиночестве, без законного права на престол, непопулярный и беспомощный перед лицом событий, не поддающихся контролю с его стороны.

За развитием ситуации в Риме внимательно наблюдал с противоположных берегов Средиземного моря правитель вандалов Гензерих. Его предки в третьем поколении в свое время мигрировали из области, примыкающей к северным отрогам Альп, через Галлию и Испанию в Северную Африку. Он же теперь планировал замкнуть круг вторжением в Италию с юга, со стороны моря. Гензерих давно проявлял самый живой интерес к событиям на европейском континенте. Как вы помните, сын короля вандалов сделался врагом короля вестготов Теодориха, совершив ужасный поступок по отношению к его дочери, и Гензерих надеялся, что Атила сумеет разгромить как вестготов, так и римлян. Эта надежда умерла на Каталаунских полях. Но теперь, когда Аэций и Валентиниан были мертвы, а трон под их убийцей явно шатался, у Гензериха появился шанс. Спустя три месяца после провозглашения Петрония Максима императором корабли огромного флота вандалов бросили якоря у устья Тибра.

Несчастный Петроний. За достигнутые им успехи его

называли «самым удачливым». Через десять лет Сидоний писал о его пресловутой удачливости: «Лично я отказываюсь называть удачливым этого человека, который балансирует над краем пропасти, находясь на скользком пике своей должности». У Петрония, осуществившего все свои желания и поднявшегося на самую высокую вершину, закружилась голова. «Когда высшая сила швырнула его в зияющую бездну императорского величия, корона придавила ему голову, когда он увидел, что представляет собой эта огромная, неограниченная власть, и человек, ранее не желавший иметь над собой господина, не сумел стать господином сам». Не имея законных прав на престол, постоянно сталкиваясь с противодействием чиновников, он чувствовал себя пленником в своем дворце и «жалел о своем успехе еще в первый день пребывания на троне». Его единственный крупный акт — переназначение Авита правителем Галлии в надежде на то, что тот сумеет использовать свой талант дипломата для осуществления контроля над полудюжиной варварских племен. От Петрония не было никакого толка. Если бы он и знал о приближении флота вандалов, то все равно ничего не смог бы сделать. Когда их корабли подошли к устью Тибра в конце мая, он понял, что ему не избежать поражения.

Охваченный паникой, он пытался бежать из дворца и попал прямо в руки толпы, разъяренной его беспомощностью и трусостью. Петрония в буквальном смысле растерзали, и то, что от него осталось, было брошено в воды Тибра.

Кто же должен был попытаться спасти город? Ну конечно же, человек, являвшийся специалистом по контактам с варварами, папа Лев I, который встречался с Атилой четыремья годами ранее. На сей раз его успех носил половинчатый характер. Гензерих пощадил жителей, но в ходе двухнедельной операции лишил город всех его богатств, включая позолоченную бронзовую крышу Капитолия, золотой стол и подсвечники, вывезенные из

Иерусалима в 70 г. н.э., дворцовую мебель, императорские драгоценности и сотню пленников, среди которых была императрица, две ее дочери и сын Аэция.

Несколько дней спустя весть об этой катастрофе достигла Авита, который в это время находился в Тулузе у своих друзей, среди которых не было Теодориха, павшего на Каталаунских полях, и его сына Торизмунда, который, по настоянию Аэция, вернулся после гибели отца домой, чтобы заявить свои права на престол. В течение трех лет все шло хорошо, хотя нашлись и недовольные. Затем Торизмунд заболел, и это сыграло на руку его врагам. Он выпускал себе кровь из вены, сидя на стуле, когда оказавшийся предателем слуга сообщил им, что король один и безоружен. Убийцы ворвались в комнату. Торизмунд схватил стул и — согласно Иордану — убил нескольких нападавших, прежде чем погиб сам. Корона перешла к его брату, Теодориху-младшему, подозревавшемуся многими в организации убийства. Таким образом, на вестготском престоле находился Теодорих, когда пришло известие о втором взятии Рима варварскими ордами (первым Вечный город сорока пятью годами ранее захватил предок Теодориха Аларих во время миграции вестготов на запад).

Очевидно, Авит испытывал симпатию к этому атлетически сложенному молодому человеку, ибо его зять Сидоний изображает нового правителя вестготов в самом выгодном свете. Выше среднего роста, крепко сложенный, с длинными кудрявыми волосами до плеч, густыми бровями и длинными ресницами, бедрами «словно из твердого рога», тонкой талией и прекрасно ухоженный (цирюльник каждый день бреет его, а также подстригает волосы в ноздрях). Умелый администратор, он начинает день с молитвы (как и большинство вестготов, он исповедует арианство, но, по всей вероятности, не придает религии большого значения), затем принимает просителей и иностранных послов. После этого наступает время охоты, и Теодорих упражняется в стрельбе из лука. Обед

подается довольно скромный, без большого количества серебряной посуды, и прием пищи сопровождается застольными беседами. Тостов немного, пьянство не поощряется. Затем непродолжительный отдых со сном и настольная игра, в которой сдержанность сочетается с чувством товарищества. За ужином могут устраиваться развлечения: никаких музыкантов или певцов — Теодорих, похоже, совершенно немусыкален — какой-нибудь актер-мим, в творчестве которого полностью отсутствует сатира. После ужина опять рассмотрение прошений и отход ко сну под охраной вооруженных часовых.

Каким-то образом при этом изысканном варварском дворе возникла идея, что будущий император находится здесь, в Тулузе. Сидоний описывает эту сцену в весьма льстивых выражениях.

Собираются готские старейшины — неопрятные пожилые люди в грязных льняных туниках, кожаных плащах и ботинках из лошадиной шкуры, являющие собой разительный контраст с элегантным правителем. К ним обращается Авит, одновременно призывая юного Теодориха стать приверженцем мира: «Вы, старики, можете засвидетельствовать, кого эти руки прижимали к груди, когда кормилица пыталась забрать тебя, плачущего, против твоей воли». Кто смог бы устоять против этого? Все призывают к миру, и Теодорих, с детства благодаря Авиту обладавший деликатными манерами, клянется искупить грехи прошлого, отомстив вандалам за нападение на Рим, «если только ты, признанный правитель, примешь имя Август».

Авит опускает голову, демонстрируя скромность.

«Почему ты отводишь взгляд? — спрашивает Теодорих. — Если ты станешь императором, я стану другом Рима».

Спустя месяц собравшиеся магнаты Галлии провозгласили Авита императором. В сентябре он прибыл в Рим, где ему удалось заручиться поддержкой скептически настроенных сенаторов. Сидоний сочинил панеги-

рик, насыщенный подобострастными похвалами новому императору, в котором перечислялись все его прошлые заслуги, обосновывалась его легитимность, а также предсказывалось славное будущее.

Однако в этом клонящемся к упадку государстве прошлые заслуги не обеспечивали ни легитимность, ни славное будущее. Большой частью Галлии владели франки, бургунды и багауды. Вестготам принадлежала ее юго-западная часть, и в скором времени они захватят львиную долю Испании. Германцы из разных племен контролировали Рейнскую область. Вандалы владели Северной Африкой. Остготы господствовали на Дунае. От империи оставалось совсем немного: фактически одна Италия. Власть теперь принадлежала не императору, не Сенату, а армии. Как продемонстрировал Аэций, тот, кто командует армией, тот управляет Западной Римской империей (в уменьшенном виде). Авит назначил главнокомандующим Рисимера, который по матери был вестготом, а по отцу свевом. Рисимер спас Италию от второго вторжения вандалов с моря в 456 г. и тем самым доказал, что именно в его руках, пусть и временно, сосредоточена истинная власть.

Авит, патриций из Галлии, имевший в подчинении частную армию, состоявшую из варваров, не пользовался популярностью в Риме. Почти с самого начала на него посыпались неприятности. В 456 г. был плохой урожай. Возникла угроза голода. Авит заявил, что в целях сокращения числа ртов, которые нужно кормить, он распустит свою частную армию, но для того, чтобы заплатить им за службу, придется расплавить некоторые из немногих сохранившихся после нашествия вандалов бронзовых статуй. Толпы людей вышли на улицы в знак протеста. Рисимер и армия не предприняли никаких шагов для защиты своего императора. Авит бежал в Арль, собрал там собственную армию, вернулся с ней в Италию и был разбит Рисимером возле Пьяченцы. Рисимер великодушно отпустил Авита восвояси, и тот умер по дороге домой.

О нашем герое Аттиле почти не вспоминали в последующие 20 лет упадка империи. Семь императоров, междоусобица, убийства и узурпация власти в Риме, конфликты между варварскими королевствами — все это, в конечном счете, привело к гибели Западной Римской империи в 476 г., когда последний римский император Ромул был низложен варваром Одоакром.

В принципе, это не было концом, поскольку варвары присутствовали в Вечном городе так давно, что смена правителя-римлянина на правителя-варвара имела, скорее, символическое, нежели практическое значение. И в этой ситуации неожиданно проявилось влияние Аттилы, ибо и последний римский император, Ромул, и первый варварский император, Одоакр, были обязаны ему жизнью. По странному совпадению, их отцы, соответственно, Орест и Эдика, были чиновниками при дворе Аттилы и коллегами по злополучному посольству 449 г., о котором пишет Приск. Ромул знал о нем все подробности от своего отца Ореста, римлянина, состоявшего на службе у короля гуннов, а Одоакр — от своего отца Эдики, бывшего вождя скириан, которого Хрисанф нанял в качестве убийцы его господина со столь плачевными последствиями.

Каким же образом их свела судьба? После смерти Аттилы Орест вернулся в свое имение, откуда его пригласили возглавить армию, готовившуюся к войне с готами, и он вновь встал на тропу войны. Имея за спиной армию, он стал назначать и смещать императоров. Последним из них в 475 г. Орест назначил собственного сына, маленького Ромула, которого называли не Август, а Августул, «Август-дитя».

Армия сама уже была поражена смертельным вирусом разложения. Территория империи сильно сократилась, бюрократический аппарат давно давал сбои, поток поступающих в казну налогов становился все тоньше и наконец прекратился. Терпение солдат-варваров иссякло. Одоакр, благодаря своему отцу, командовал скириа-

нами, которые после смерти Атиллы перешли на службу Риму. Поначалу они поддерживали Ореста, обещавшего им деньги, а потом землю. Денег было мало, а земли не было вовсе. В конце концов, Одоакр и его скирианы восстали против самого символа римской власти и заменили сына правой руки Атиллы на сына одного из его полководцев.

Треть Западной Римской империи находилась теперь в руках варваров, и правил ею варварский вождь. Было ли это прискорбным фактом? Для консерваторов — разумеется. Но спустя определенный период времени появится новая Европа, в которой сформируются новые нации, каждая со своей уникальной культурой. Сам Рим претерпит множество изменений. Станут другими его традиции, культура, даже христианская вера. Только в Британии варвары забыли о Риме и смотрели на построенные римлянами здания, стены, дороги, как на артефакты чуждой цивилизации, утверждая свои собственные языческие принципы. На континенте правители-варвары считали себя наследниками древней державы и выражали лицемерную преданность своему номинальному сюзерену в Константинополе. В Галлии варвары занимали римские виллы, изучали латынь и принимали христианство. Великие римские города остались великими. Латынь оставалась *lingua franca* еще в течение полутора тысяч лет, и эхо этой традиции по сей день звучит на церемониях в древних европейских университетах и в католическом богослужении.

А что же Атила? Он остается одним из неудавшихся великих героев истории. Чуть больше дипломатии и прощательности, чуть меньше агрессивности и тирании, и он мог бы стать таковым. Он мог бы захватить всю Северную Европу, жениться на Гонории и создать династию, которая правила бы от Атлантики до Урала, от Альп до Балтики. Возможно, Британия покорилась бы гуннам, а

не англам и саксам, и Чосер с Шекспиром писали бы на гуннском языке, а мы поклонялись бы не христианскому богу, а каким-нибудь шаманским Синим Небесам. Вклад Аттилы в европейскую историю связан с двумя ее процессами — великим переселением народов и упадком и гибелью Западной Римской империи. Вначале, на этапе своего возвышения, он вынудил варварские племена мигрировать на запад значительно быстрее, чем они это делали бы, не подвергаясь натиску гуннов. Став правителем, он, покорив или уничтожив отдаленные племена, замедлил это продвижение. Эти плюс и минус дают в итоге ноль.

Такой точки зрения придерживается Томпсон: «Внесли ли гунны *непосредственный* вклад в историю Европы? Предложили ли они что-нибудь, кроме террора, побудившего германские племена сняться с насиженных мест и хлынуть на территорию Римской империи? Нет, они не предложили ничего... Они были просто грабителями и мародерами».

Но так ли это? Не совсем. Аттила до сих пор ассоциируется не только с грабежом и мародерством, но и с особым типом личности. Его влияние следует искать не в практических достижениях, а в том полете воображения, который вызывает имя Аттилы. Он разорвал узы исторического факта и вошел в легенду, что является темой заключительной главы.

12

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ: ДОБРО, ЗЛО И ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ГУНН

В процессе жизни Атиллы был то притеснителем, то героем, то символом язычества, то орудием бога, в зависимости от того, кто о нем судил. После его смерти истина обросла пропагандистскими штампами, легендами, мифами и откровенными вымыслами, и эта фольклорная масса разделилась на три части, сконцентрированные в трех ареалах: на христианском Западе, в Германии и скандинавских странах и в Венгрии.

Большинство жертв Атиллы и большинство тех, кто о нем писал, были христианами, а перед христианами стояла сугубо пропагандистская цель: показать, что в противоборстве добра и зла, бога и сатаны победа всегда остается за богом. В результате история человечества рассматривалась, как поступательное движение ко второму пришествию Христа, и в каждом событии следовало отыскивать свидетельства всемогущества и мудрости божьей.

Задача христианского летописца заключалась в том, чтобы распознавать сквозь мутный поток событий лежащую в их основе реальность. Для него Атилла являлся невольным орудием бога, бичом, обрушивающимся на спины христиан в наказание за прошлые грехи — или, если использовать другие метафоры, давящим прессом божьей кары, очистительным горнилом — и возможностью для бога проявить свою власть не непосредственно, а через своих представителей, от простых священников и монахинь до епископов и папы, при этом жертвы рассматривались не как неудачники, а как мученики. В этом катаклизме должен был исчезнуть старый прогнивший мир языческого Рима, после чего наступил бы новый век христианского ренессанса.

В преувеличении причиненного гуннами ущерба есть определенная логика. Вандалы стали символом мародерства и надругательства над культурными ценностями. От готов пошло слово «готика», изначально означавшее падение культуры, до тех пор, пока оно не обрело свой современный, вполне позитивный смысл. Но больше всех всегда доставалось гуннам. Из летописей, написанных через 300 лет после смерти Атиллы, можно узнать, что он не оставил камня на камне в Галлии и Италии. Кроме того, он якобы взял Флоренцию, убив 5000 человек, хотя гунны никогда не пересекали По, протекающую в 100 километрах к северу от Флоренции. Как говорится в «Житии святого Лупа», «ни один укрепленный город или замок не смог сохранить свои защитные сооружения». Атилла оставлял после себя лишь руины. Он был воплощением апокалиптического пророчества из Книги Откровения Иоанна Богослова: «И когда минет тысяча лет, сатана будет выпущен из своей тюрьмы. И пойдет обманывать народы». Чем страшнее картина разрушения, тем больше влияние тех, кто успешно противостоял ему.

Самый популярный и обожаемый писатель своего времени Сидоний возносил хвалы в первую очередь и главным образом тем, кто пользовался божественной под-

держкой. Он имел весьма высокопоставленных друзей в христианской среде, о чем свидетельствуют его сохранившиеся письма: Луп, наиболее выдающееся духовное лицо Галлии; его собственный тесть, будущий император Авит; Проспер, преемник Аниана в должности епископа Орлеана, «величайший и самый совершенный из прелатов»; и десяток других епископов. Со временем он сам станет епископом (Клермон-Феррана, когда ему было около 40). Кто в действительности спас Труа, Орлеан и Рим? Не Аэций и его армия, а три благочестивых человека: Луп, Аниан и папа Лев I — на самом деле четыре, если считать Авита, чья христианская приверженность миру позволила ему убедить вестготских друзей присоединиться к Аэцию.

В результате такого подхода реальные люди и события оказались заслоненными пропагандой и символами. Луп и остальные стали образцами святости, а Аттила властителем ада — в буквальном смысле, ибо на некоторых портретах он изображен с дьявольскими рогами и заостренными ушами.

Дело в том, что историки — особенно те, кто пытается, подобно мне, излагать историю в форме повествования — испытывают соблазн вставить в свой рассказ легенду для пущей красочности. И я не избежал этого соблазна, когда писал о святом Аниане, спасшем Орлеан. Смотрите, что произошло с историей об отступлении Аттилы из Италии после его встречи с папой Львом I (если она вообще имела место). К VIII веку она превратилась в чудо. Павел Диакон, историограф Карла Великого, живший в то время в Италии и написавший «Историю лангобардов», вкладывает в уста Аттилы такие слова: «О! Не тот, кто пришел (то есть Лев I) заставил меня уйти, а тот, кто стоял у него за спиной с мечом в руке и грозил мне, что я погибну, если не подчинюсь его воле». После этого почти каждый автор повторял этот эпизод в еще более красочных вариантах. Традиционным местом действия стала Равенна, временная резиденция имперской адми-

нистрации, хотя Аттила даже не приближался к этому городу. В одной версии Аттила спрашивает, кто идет. Ему отвечают, это папа «пришел переговорить с тобой от имени его детей, жителей Равенны». Аттила воспринимает это как шутку: «Как один человек может произвести на свет столько детей?»

Это было в IX веке. Четыре столетия спустя, в только что обращенной в христианство Венгрии, в «Gesta Hungarorum» Аттила берет папу в заложники, и его посещает страшное видение: «Когда властитель поднял голову, он увидел парящего в воздухе человека с мечом в руке, который скрежетал зубами и грозил отрубить ему голову. Аттила уступил требованию римлян и отпустил преемника Апостола». У других авторов фигурирует бог войны Марс, святой Петр или одновременно апостолы Петр и Павел — версия, запечатленная на фреске Рафаэля, написанной в 1514 г. по заказу папы Льва X, тезки Льва I. Эта картина, на которой Лев I наделен чертами Льва X, носит название «Гунн Аттила поворачивает назад от Рима» — заметьте, не от Равенны. Таким образом, легенда, придуманная через 300 лет после события, через 1000 лет стала общепризнанным фактом, и кое-кто воспринимает ее в этом качестве по сей день. На одном христианском сайте заявляется с небрежной уверенностью: «Человекоподобной фигурой с мечом в руке, которую Аттила видел парящей в воздухе, по всей вероятности, был ангел, каким его описывают в других библейских сказаниях».

То же самое произошло с эпитетом «бич божий». Из сохранившихся источников он впервые появляется в «Житие святого Лупа», написанном в VIII или IX веке, хотя наверняка имевшем устное хождение еще задолго до этого. Существует множество более поздних версий этой истории. Вот одна из них.

Город Труа хорошо защищен стенами и войсками под командованием епископа. Луп стоит на стене. Надменный Аттила подъезжает верхом на лошади и стучит в городские ворота.

«Кто ты? — спрашивает Луп со стены. — Ты, который рассеивает людей, словно мякину, и ломает короны под копытами лошади?».

«Я Аттила, властитель гуннов, бич божий».

«О, добро пожаловать, — отвечает епископ, — бич бога, которому я служу! Я не в праве останавливать тебя». Он спускается вниз, открывает ворота, берет уздечку лошади Аттилы и вводит его в город. «Входи, бич моего бога, и иди куда тебе заблагорассудится».

Аттила и его воины входят в город, идут по улицам, проходят мимо дворцов и церквей, но ничего не видят, потому что все скрыто от них облаком. Слепленных, их ведут через город, и на выходе они чудесным образом вновь обретают зрение. Так служитель божий укротил Зверя.

Легенда затмила собой факты. Сегодня в некоторых исторических исследованиях Аттилу так и называют — *flagellum dei*, бич божий, словно в те времена его называли именно так и не иначе. Кое-кто даже утверждает, что авторство этой фразы принадлежит самому Аттиле, как будто он знал латынь и сознательно взял на себя роль орудия божественного наказания.

Во многих местах Западной Европы рассказывают фантастические истории об Аттиле и гуннах, не имеющие ничего общего с реальностью. В народных сказках области Фриули на северо-востоке Италии немецкое имя Аттилы Этцель превратилось в Эццель, а самого его путают там с жестоким правителем XII века Эццелино: «Говорили, что он является сыном дьявола или собаки, что у него на носу растут черные волосы, которые встают дыбом, когда он сердится, а каждое его высказывание начинается с «бау-вау-вау». Буйная фантазия одного из авторов наделила Мец защитными сооружениями из гранита, о которые сломались мечи гуннов. В Дьезе (в Лотарингии, Восточная Франция) гунны ослепли после того, как захватили епископа, а когда освободили его, зрение тут же вернулось к ним. В Модене, Италия, бытовала своя

версия по поводу святого Лупа. В Реймсе сам дьявол открыл гуннам городские ворота.

Кельн может похвастать самой знаменитой из «гуннских» жертв — святой Урсулой и ее многочисленными девами (очень скоро мы выясним, сколько их было). Еще и сегодня в Кельнском соборе можно увидеть их кости. Кости, разумеется, принадлежат не им, поскольку это очередной миф, имеющий множество различных вариантов. Миф этот породила надпись IV или V века, которую все еще можно увидеть в церкви Святой Урсулы. Согласно этой надписи, сенатор по имени Клемаций, побуждаемый видениями, построил на этом месте базилику в честь неких дев-мучениц. Никаких намеков, что это за девы, никаких упоминаний о гуннах. С годами эти жертвы обрели свою историю, сложенную в 1275 г. и впервые напечатанную Уильямом Кэкстоном в 1483 г. Она повествует о принцессе Урсуле из Британии или Бретани — в зависимости от версии, — за которой ухаживает властитель-язычник. Она отвергает его, посвятив себя служению господу, и просит предоставить ей десять девственниц, которые сопровождали бы ее в странствиях по святым местам. Историю безнадежно запутывают описание путешествия вдоль Рейна и рассказы о спорах между прелатами, но в конце концов Урсула и ее девственницы достигают Кельна, осажденного гуннами, которые по приказу их неназванного принца обезглавливают их.

Это не более чем легенда, и причем весьма нелепая. В ранней версии одиннадцать мучениц обозначаются как «XI M», где «M» — «martyrs» («мученицы»). Но «M» — это также римское число 1000, как эту букву и понял неизвестный переписчик. Итак, неожиданно возникли *одиннадцать тысяч* дев, что лишено всякого смысла, поскольку Урсула была одной из одиннадцати, и, следовательно, в число 11 000 должны были входить 1000 Урсул. Тем не менее легенда получила широкое распространение и породила целый культ, не говоря уже о множестве самых фантастических версий. Согласно одной из них,

Аттила сам предлагает Урсуле руку. «Прочь! — отвечает она. — Я никогда не стану собственностью такого гнусного человека, как ты!» В 1143 г. кости, будто бы принадлежавшие девам-мученицам, были отправлены в Рейнланд, в монастырь Дизибоденберг, где вдохновили аскета и интеллектуала Хильдегарда Бингенского на сочинение песни «О экклесия», в которой воспевался отказ от земного брака ради любви к господу. Позже, в XV и XVI столетиях история Урсулы стала сюжетом многих художественных полотен — двух анонимных голландского и немецкого мастеров, а также Караваджо и Карпаччо. Последний изобразил ее жизнь в восьми эпизодах с гуннами во флорентийских одеждах. В XVI столетии Лукас Кранах Старший запечатлел ее историю на запрестольном образе в Дрездене, сфокусировав внимание не только на жертвах, но и на бесстрастном гуннском царевиче, опирающемся на свой меч. В 1998 г. британский драматург Говард Баркер использовал этот миф для изучения значения обета девственности (жертвы) и природы моральной бесстрастности (царевич), напоминающей моральную бесстрастность офицера СС. В том же XVI столетии итальянская монахиня Анжела основала орден урсулинок, имевший к 1700 г. 350 отделений в одной только Франции, многие из которых были закрыты во время Французской революции. В Валансьене одиннадцать урсулинок были гильотинированы за проповедь католицизма, что ставит революционеров-атеистов на одну доску с гуннами. Истории, картины, пьесы, песни — и так до бесконечности. Один квартет записал диск «11 000 Virgins: Chants for the Feast of St Ursula» (Anonymous 4, HMV 907200). Если вы хотите узнать что-то о реальных гуннах, все это поможет вам так же, как помог бы «Гамлет» в деле изучения средневековой Дании.

Но наибольшее удивление вызывают сказки о «хорошем Аттиле». Очевидно, жители городов, которые разрушил Аттила, видели в нем инструмент обновления, примером чего служит следующая история.

Аттила находился в Падуе, когда туда пришел поэт с написанной им композицией, восхвалявшей великого вождя. Падуанцы подготовили представление. Поэт, следуя литературной традиции, наделил Аттилу божественным происхождением. «Какой в этом смысл, — спросил наш герой, — сравнивать смертного человека с бессмертными богами? Я не хочу иметь ничего общего с подобным кощунством!» И приказал сжечь несчастного поэта вместе с его поэмой. Когда костер был готов и приговоренный к смерти уже стоял, привязанный к столбу на его вершине, Аттила приблизился к нему и сказал: «Достаточно. Я просто хотел преподать этому лстецу урок. Давайте не будем пугать поэтов, которые основываются на правде, когда поют нам дифирамбы».

За несколько столетий об Аттиле накопилось достаточно материала для того, чтобы написать эпическое произведение на французском или итальянском языке, но ни одному автору не удалось снискать лавры на этом поприще. Предпринимались попытки пересмотреть связанные с гуннами исторические события, однако ничего путного из этого не вышло. В 1667 г. пьеса «Аттила» Пьера Корнеля выдержала 20 представлений, после чего вполне заслуженно канула в Лету. Немецкая мелодрама Захариаса Вернера — юриста, философа, священника и драматурга, — сыгранная несколько раз в Вене в 1808 г., заканчивается убийством Аттилы (а не естественной смертью) римской царевной Гонорией (а не германской принцессой Ильдикой). Английская версия этой пьесы, поставленная в 1832 г., завершается репликой брата Аттилы Бледы (каким-то образом оказавшегося живым, хотя Аттила убил его): «Ха! Он мертв? Тиран мертв? Ха-ха-ха! [Исторически смеется]»

Это ужасное творение легло в основу оперы Верди «Аттила» 1846 г. Написанная в разгар борьбы за объединение Италии, Рисорджименто, она исполнена пылких проявлений итальянского патриотизма, черпающего вдохновение в разрушительных амбициях ее героя. Первая

сцена сразу же погружает зрителя в тему: из-за занавеса появляются девушки Аквилей, живые, вопреки недвусмысленному приказу Аттилы. «Кто осмелился оставить им жизнь против моей воли?» — спрашивает Аттила своего бретонского раба Ульдино, который отвечает, что они представляют достойную дань для Аттилы: «Смелые воительницы, они защищали своих братьев...»

«Что я слышу? — прерывает его властитель. — Что вдохновило мирных женщин на такую доблесть?»

И Одабелла, аквилейская принцесса, чей отец погиб в битве, отвечает: «Безграничная святая любовь к родине!»

Обращение Аэция (баритон Эцио) к Аттиле быстро превратилось в политический лозунг:

*«Avrai tu l'universo,
Resti l'Italia a me».*

(«Ты можешь владеть целым миром,
но оставь Италию мне»).

Сюжет представляет собой полный вздор — Одабелла, которую Аттила намеревается взять в жены, закалывает его кинжалом, но пылкий призыв Эцио к возрождению Рима («Dagli immortali vertici/С бессмертных пиков») моментально стал хитом, и страстная музыка до сих пор находит почитателей, вследствие чего опера продолжает время от времени идти на сцене¹.

Еще и сегодня в некоторых местах можно услышать отголоски эпопеи Аттилы. Жители Удине, расположенного недалеко от того места, где стояла Аквилея, утверждают, будто возвышающийся над их городом замок на холме был сооружен гуннами, использовавшими свои шлемы вместо ведер, дабы их вождь мог полюбоваться видом охваченной пламенем Аквилеи. Есть одно имя, которое увековечило память о гуннах. В изначальном виде оно звучит как Хунфред, сочетая в себе слова «гунн» и «мир», и означает «тот, кто сумел заключить мир с гуннами». В своем старофранцузском варианте Хунфруа оно

¹ Королевский оперный театр давал ее в 2002 г. (Прим. пер.)

было принесено норманнами в Англию, где превратилось в Хемфри, и в Италию, где стало звучать как Умберто. Неподалеку от Шалона, на северном краю Каталонских полей, на указателе со стрелкой, направленной на северо-восток, написано: «Лагерь Аттилы», что не соответствует действительности. Поросший деревьями холм с укреплениями I века связывается с именем Аттилы лишь потому, что нашествие гуннов было самым заметным событием той эпохи. Если французские школьники и знают что-то об Аттиле, так это приписываемую ему похвальбу: «La ou mon cheval passera, l'herbe ne repoussera pas» («Там, где пройдет моя лошадь, трава больше не вырастет»). И, наконец, он продолжает жить в кино — в первую очередь в фильме Фрица Ланга «Kriemhild's Revenge» («Месть Кримхильды») (1924), а впоследствии в паре римейков, которые достойны упоминания лишь в сноске¹.

Германцы — то есть представители германских племен — видели события в ином свете, поскольку они составляли часть империи Аттилы. Они вспоминают его с гораздо большим почтением. Между германоязычными общинами старой Европы путешествовали барды и поэты, воспевавшие былую славу, и переносили свои творения от двора к двору — от Ломбардии в Северной Италии до столицы вестготов Тулузы, среди германских анклавов во Франции и германоязычных ареалов к востоку и северо-западу от Рейна. Аттила занял важное место в германском фольклоре, а следовательно, и в древнеанглийском. Он упоминается вскользь в старейшей английской поэме «Widsith», вероятно, написанной в Мерсии в VII веке. Все эти легенды исказили историю до неузна-

¹ «Attila the Hun» («Гунн Аттила») (оригинальное название: «Attilo Flagello di Dio» («Аттила Бич Божий»). 1954, с Энтони Куннном и Софи Лорсен: «Attila». снятый для американского телевидения в Литве. 2001, с Джерардом Батлером в роли Аттилы. Пауэрсом Бутом в роли Аэция. Шан Филлипс в роли бабки Аттилы и Стивеном Беркоффом в роли Рути. (*Прим. автора.*)

ваемости, наполнив ее никогда не существовавшими героями, чудесами, богами и литературными мотивами.

К IX веку Аттила стал персонажем скандинавских саг. Это довольно странно, ведь территория его недолговечной империи едва доходила до Балтики. Тем не менее гуннская империя, а не германская, запечатлелась в народной памяти. Вплоть до прошлого столетия простые люди в северной Германии называли погребальные курганы *Hunnenbette* — «Ложа гуннов». У норвежцев и датчан Аттила наряду с Эрманарихом, королем остготов, и Гундикарием (Гундахаром или Гюнтером), королем бургундов, фигурирует в историях, посвященных великим темам чести, справедливости, мести и превратностей судьбы. Викинги принесли имя Аттилы с собой в Исландию в X веке, а затем и в Гренландию, где была сочинена «Гренландская сага об Атти (Аттиле)». Он проник еще дальше, в Новый Свет, вместе с Торфинном Карлсевичем и его 100 викингами, которые в 1018 г. основали недолго просуществовавшую колонию на побережье Ньюфаундленда. Я живо представляю себе, как они сидят вокруг костра в своем торфяном доме и слушают барда. Хотя его вряд ли слышал хотя бы один *скрелинг* (как викинги называли местных индейцев и инуитов), мысль о том, что в одном из первых музыкальных и поэтических произведений, исполненных в Новом Свете, рассказывалось об Аттиле, гуннах и их схватке с бургундами, представляется довольно странной.

В центре легенды, нашедшей отражение в письменных источниках, лежит незначительный инцидент, который прочно вошел в народную память, вероятно, потому, что напоминал семейную междоусобицу. Лишь несколько сохранившихся фрагментов свидетельствуют о его популярности — латинская поэма IX века, германская и английская версии той же истории, несколько скандинавских саг. Главным героем является некто Уолтер, заложник при дворе Аттилы и любимец короля. Он бежит вместе с принцессой Хильдегундой (первоначаль-

ная германская форма имени Ильдико) и сокровищами. Персонаж по имени Хаген, не то бургунд, не то гунн, преследует их, и к нему присоединяется король бургундов Гюнтер. Происходит великая битва, после которой три героя мирятся. В английской версии «Waldere», часть которой сохранилась, Хильдегунда призывает Уолтера сразиться с Гюнтером:

«Товарищ Аттилы,
Даже теперь, в этот час, не дай мужеству
И достоинству покинуть тебя».

Эта история перекликается с другой серией легенд о самих бургундах — Нибелунгах или Нифлунгах. По одной версии, Зигфрид (Сигурд в Скандинавии) заманивает Аттилу в свою сокровищницу, где тот умирает. По другой, Аттила предоставляет Хагену девушку, и от этого союза рождается Алдриан, который заманивает Аттилу в сокровищницу. В других легендах Хаген также порождает Нифлунга, именем которого названо целое собрание саг. Между ними нет единства.

Вот одна из версий.

Король бургундов Гюнтер (в действительности убитый гуннами до воцарения Аттилы, примерно в 437 г.) обладает несметными сокровищами. У него есть сестра Гудрун, которая выходит замуж за Аттилу. Аттила, стремящийся выведать у Гюнтера, где находится сокровищница, убивает его, бросив в яму со змеями. Тогда Гудрун замышляет страшную месть. В самой большой из сохранившихся версий легенды, «Volsungasaga», Гудрун устраивает грандиозное празднество, которое, по ее словам, должно продемонстрировать, что она смиряется со своей судьбой. Но это совсем не так. Она убивает двух своих сыновей от Аттилы и затем —

«Властитель спросил, где его сыновья. Гудрун ответила: «Я скажу тебе и порадую твое сердце. Ты причинил мне большое горе, убив моего брата. А теперь ты услышишь, что я должна тебе сказать. У тебя больше нет сы-

новой — на столе их черепа, служащие чашами, и ты пил из них их кровь, смешанную с вином. А с вертела ты ел их жареные сердца»».

Взяв на себя роль Ильдико-убийцы, Гудрун убивает Аттилу во сне и поджигает дворец со спящими гуннами.

Сюда можно присовокупить побочную сюжетную линию о Брунгильде, которую завоевывает Гюнтер с помощью героя и победителя дракона Зигфрида, женатого на Гудрун до Аттилы. Гюнтер убивает Зигфрида и забирает у него сокровища, из-за которых Аттила, в свою очередь, убивает его самого.

Во многих подобных сказках о жадности и мести Аттила играет центральную роль. Он мог быть претендентом на владение сокровищами Нибелунгов. Или, поскольку он не принадлежал к германцам, ему могла быть отведена роль могущественного, доброго правителя, принесенного в жертву. Именно таким он изображен в самой известной из средневековых германских поэм «*Nibelunglied*» («Песнь о Нибелунгах»), созданной около 1200 г. неизвестным поэтом на основе разных легенд. Но в этой поэме Аттила странным образом представляет собой весьма скромную фигуру. В контексте той эпохи, когда она была написана, он олицетворяет собой две величайшие добродетели правителя: честность и снисходительность. Но эти добродетели делают его бесполезным в драматических ситуациях. Он не знает о том, что происходит вокруг. Он не знает, что его жена Кримхильда оплакивает своего бывшего мужа Зигфрида. Он не догадывается о напряженности, возникшей между его гуннами и гостями-бургундами. Ему не кажется подозрительным то, что бургунды являютя в церковь в полных доспехах. Всем заправляет Кримхильда, держа его в полном неведении. Как это непохоже на реального Аттилу, чьи аккуратные записи так поразили Приска и других членов его дипломатической миссии, Аттилу, который сплотил народ, создал империю и бросил вызов Константинополю и Риму!

Честность и снисходительность были далеко не луч-

шими качествами для благородного героизма, что представляло определенную проблему, с которой столкнулись германские авторы XIX века, пытавшиеся адаптировать это национальное сокровище к современной действительности. Философ Георг Гегель считал поэму реакционной, неуместной, тривиальной и банальной и полагал, что авторам, нуждающимся в источниках, следует концентрировать внимание на подлинных германских корнях, христианстве и Римской империи. Авторы не обратили внимания на его рекомендацию. Помимо слезливой драмы Вернера, в XIX веке появились пять пьес с Аттилой на немецком языке, а в XX — еще четыре. Драматург Фридрих Хеббель попытался применить гегельянский синтез в трилогии о Нибелунгах, поставленной в 1861 г., наделив Аттилу христианскими добродетелями, дабы его смерть прокладывала дорогу к новому христианскому миру.

Лучше всего с Аттилой получилось у Вагнера. В четырех операх цикла «Кольцо Нибелунгов» он сделал то, что сделал бы хороший бард: позаимствовал из германских и скандинавских легенд все то, что подходило ему, основываясь, главным образом, на скандинавской мифологии — гряда золота, Кольцо Власти, Шлем-Невидимка, боги, гиганты, дракон, девственницы-воительницы, отверг историю и полностью отказался от Аттилы.

Возможно, Аттила стерся бы в народной памяти, если бы не появление в Европе в конце XIX и XX веке новых форм варварства. При определенных обстоятельствах грубое насилие и предрассудки обретали традиционный символ. Впервые такие обстоятельства возникли во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Летом 1870 г. пруссаки убили 17 000 и взяли в плен 100 000 французских солдат под Седаном, после чего двинулись на юг, в сторону Шалона и Каталаянских полей, по тем же стратегическим соображениям, что и в свое вре-

мя Аттила, — открытые пространства, быстрота продвижения, только их целью был Париж. В появившейся в октябре статье, перепечатанной многими газетами, ставился знак равенства между пруссаками и гуннами, кайзер Вильгельм I сравнивался с Атилой и вспоминалась история о том, как святая Женевьева спасла Париж. Сейчас, как и тогда, бог помогал тем, кто помогал себе сам. Прусская армия, отягощенная огромным количеством пленных и ослабленная нападениями французских партизан, постепенно снижала темпы наступления и в конце концов остановилась. Западным пределом ее продвижения стал Орлеан, где Аттила был вынужден повернуть назад. Аналогия напрашивалась сама собой.

В течение следующих 40 лет великие державы выискивали друг в друге признаки вероломства и варварства. Французы кипели от унижения и бессилия, выжидая удобный случай для реванша, дабы отомстить этим новоявленным гуннам.

Немцы — ибо в 1871 г. под эгидой Пруссии была создана Германская империя — только приветствовали это сравнение. Когда Германия отправляла войска в Китай для подавления боксерского восстания — бунта крестьян, вспыхнувшего в 1900 г. и имевшего целью выдворение из Китая всех иностранцев, — кайзер Вильгельм II сказал своим солдатам: «Как гунны тысячу лет назад под руководством Аттилы заслужили репутацию, благодаря которой они живут в исторической традиции... так пусть и Германия проявит себя в Китае с такой стороны, чтобы ни один китаец не осмелился искоса взглянуть на немца».

Германский национализм шел рука об руку с германским империализмом. Окруженная соперниками — Францией, Россией, Британией, — Германия захватывала колонии и строила флот, чтобы сравняться по морской мощи с Британией, тогдашней мировой супердержавой. Британский правящий класс наиболее остро ощущал угрозу германской экспансии. И среди них был литературный страж империи и английского духа Редьярд Киплинг.

Именно Киплинг первым донес до английского читателя французское сравнение немцев с гуннами. В 1902 г. его вдохновил давно забытый инцидент, когда Германия предложила Британии провести совместную демонстрацию силы с помощью военно-морских флотов, чтобы взыскать долг с Венесуэлы. Киплинг, возмущенный самой идеей возможности сотрудничества с Германией, выразил свое негодование словами гребцов, символизирующих тех, кто, не жалея сил, трудится на благо короля и империи:

«И теперь вы рассказываете нам о секретном обещании,
Которое дали заклятому врагу!»

Сегодня «Гребцы» звучат навязчиво, лицемерно и откровенно шовинистически.

«Призыв к миру — из-за Проливов,
Чтоб править половиной мира —
С обманутой командой, к новому союзу
С готами и бессовестными гуннами!»

Спустя двенадцать лет страхи Киплинга, не признававшего, что германская и британская империалистические системы представляют собой две стороны одной монеты, обрели зримые очертания. Германия столкнулась с проблемой войны на два фронта — против Франции и России. Ключом к победе был быстрый разгром Франции, что требовало молниеносного продвижения через нейтральную Бельгию и безжалостного подавления малейшего сопротивления посредством террора. Это и произошло в августе 1914 г. В университетском городе Лёвен действия нескольких бельгийских снайперов вызвали со стороны немцев совершенно неадекватную реакцию, благодаря чему противники Германии получили прекрасные козыри в пропагандистской войне. Сотни мирных жителей были убиты, тысячи арестованы. 1000 зданий сожжена, включая старинную библиотеку с 230 000 книг. 29 августа «The Times» оплакивала гибель «бельгийского Оксфорда», оказавшегося в руках «гуннов». Киплинг призывал Британию к священной войне:

«За то, что мы имеем, и за то, что мы есть,
 За счастливое будущее наших детей
 Поднимайтесь на священную войну:
 Гунн стоит у ворот!»

Подобные настроения были свойственны не только британцам. «Пламя Лёвена» стало символом судьбы «бедной маленькой Бельгии», и народы стран, еще не вступивших в войну, были в ужасе. Живший в Швейцарии французский поэт и будущий нобелевский лауреат Ромен Роллан, ранее настроенный довольно прогермански, написал письмо протеста немецкому писателю и нобелевскому лауреату 1912 г. Герхарду Гауптманну, в котором сравнивал немцев с гуннами и спрашивал: что случилось с наследием Гете? Гауптманн, ранее критично настроенный по отношению к прусскому национализму, раздраженно ответил, что в настоящее время немцев следует рассматривать скорее как сыновей Аттилы, нежели сыновей Гете. Этот выпад принес ему награду из рук кайзера.

Немцы опять следовали по стопам Аттилы. Их Третья армия вышла к Каталаунским полям, но им вновь не удалось одержать быструю победу, к которой они стремились. На сей раз британцы были союзниками Франции, и они тут же взяли на вооружение оскорбительную аналогию, придуманную французами и Кипплингом, наряду с менее оскорбительным эпитетом «боши»¹.

Равенство Кипплинга — немец = гунн — в скором времени стало банальностью. В Интернете можно отыскать сотни примеров. В «War Illustrated» за 1 декабря 1917 г. была опубликована статья, озаглавленная «Следы гунна». Роберт Линдсэй Маккей из 11-го батальона Аргайлльских и Сатерлендских шотландских стрелков записал в своем дневнике: «Было совершенно очевидно, что гунн наме-

¹ Происхождение неизвестно. Возможно, это слово происходит от «alboche», предположительно представляющего собой смесь «allemand» («немец») и «saboché», сленгового выражения для «головы», но также означающего вид молотка и часть растения табака. Для выяснения его происхождения требуются дополнительные исследования. (Прим. пер.)

ревался удержать третью линию, но наше быстрое продвижение на прорванном участке фронта и загибание его флангов не позволило ему сделать это».

В этом есть нечто странное. Прежде никто никогда не называл гуннов Аттилы «гунном» — в единственном числе. Однако, как свидетельствуют литературные источники, в англоязычном мире под словом «гунн» подразумевались Германия, немцы и немецкое варварство. Это было чисто английское изобретение: французы, авторы аналогии, не говорили «гунн». Для них было вполне достаточным название «боши» или «бош», представляющееся более человеческим и более соответствующим «томми», немецкой кличке для английских солдат, а также «фрицам» и «джерри», английским кличкам для немецких солдат. Ни во французском, ни в немецком языке нет слова с сатанинским дополнительным значением «гунн».

Условия, в которых велись боевые действия, способствовали распространению этого термина. Когда положение на Западном фронте стабилизировалось и противоборствующие стороны зарылись в окопы, наступил кошмар, в котором любое зверство казалось возможным, и слухи воспринимались как непреложные факты. Английские солдаты «знали», что немцы варят трупы, чтобы вытапливать из них жир, распинают пленных на нейтральной полосе и воюют зазубренными штыками, дабы было удобнее вспарывать животы англичанам. Как пишет Пол Фассел в своей книге «The Great War and Modern Memory» («Великая война и современная память»), «столь сильно было желание, чтобы эти штыки свидетельствовали о злобности немецкого характера, что по сей день находятся люди, утверждающие, будто они являлись инструментом гуннской жестокости».

Тем не менее на фронте такое отношение к противнику не привилось. Томми порой испытывали некоторое расположение к бошам, находившимся в одинаковом с ними положении, а фрицы и джерри платили им той же монетой. Иногда томми говорили о них «старик джерри» и даже «бедный старик джерри», и слово «бедный»

означало симпатию. Английские солдаты не использовали слово «гунн», поскольку не испытывали к немцам ненависти, как того хотели от них те, кто остался дома. В пьесе «Journey's End» («Конец путешествия») участника Первой мировой войны Р.С. Шериффа солдаты в окопах говорили «бош» и никогда не говорили «гунн». Там есть одна весьма характерная ремарка: «Немцы ведь вполне приличные люди, не правда ли? Разумеется, если не принимать на веру то, что пишут в газетах».

Термин «гунн» принадлежал тем, в чьих интересах было разжигать ненависть, таким как Киплинг, официальные пропагандисты и авторы антигерманских передовиц. Е.А. Макинтош, погибший под Камбре в ноябре 1917 г. в возрасте 24 лет, вспоминал в своей поэме «Recruiting» («Вербовка»):

«Парни, вы нужны, придите и помогите», —
Гласил плакат, висевший на стене
Железнодорожного вагона, и я подумал
О руках, написавших этот призыв.

Толстые штатские, желающие, чтобы они
«Шли и воевали с гунном».
Разве вы не видите, как они благодарят Бога
За то, что им больше сорока одного года?»

В воскресенье 10 ноября 1918 г., за день до заключения перемирия, газета «News of the World» объявила о завершении войны заголовком «Гунн сдается».

«Гунн» принадлежал определенной эпохе, и эта эпоха закончилась. В начале 1930-х годов этот термин вышел из моды, уступив место более страшному понятию — «нацисты».

Антисемитизм Гитлера породил зло, на фоне которого меркнут все жестокости «гунна». Последними проявлениями этой тенденции стали две книги, опубликованные в 1940 г.: «The Hun in Africa» («Гунн в Африке») и «Harrying the Hun» («Нашествие гунна»). Сегодня этот термин является архаизмом и используется только при воспоминании о том времени и свойственных ему странных предрассудках.

В Венгрии возвеличивание Аттилы началось вскоре после пришествия туда венгров, или мадьяр, в 896 г. Всю первую половину X века эти воины-кочевники действовали подобно гуннам, вторгаясь в Болгарию, Францию, Италию и Германию, пока император Священной Римской империи Оттон I не положил конец их разбойничьим вылазкам на берегах реки Лех в 955 г. После этого, когда им стало некуда мигрировать и вокруг не осталось слабых соседей, которых можно было бы грабить, они перешли к оседлому образу жизни. В 970-х годах вождь венгров Геза заключил соглашение с императором Оттоном II и папой. Соглашение состояло в следующем: он принимает крещение и отпускает всех рабов-христиан, а взамен его признают верховным правителем. Геза подкрепил это соглашение тем, что посватал для своего сына Вайка, получившего новое имя Иштван (Штефан), Гизелу, дочь баварского короля, одного из подконтрольных Оттону II монархов. Статья соглашения об освобождении рабов-христиан не пользовалась популярностью среди венгерской знати, и страсти по этому поводу все еще кипели, когда Геза умер в 997 г. Только 22-летнему Штефану удалось стать настоящим королем. Он короновался в 1001 г. По этому случаю папа Сильвестр II прислал ему корону, которую на протяжении последующих столетий по традиции носили все венгерские правители. Сегодня она (или копия, поскольку ее подлинность оспаривается) находится в Венгерском национальном музее — сверкающий символ стабильности Венгрии и христианства в сердце Европы. Штефан учредил десять епархий под руководством двух архиепископов и выступал в качестве покровителя многих монастырей. Спустя пятьдесят лет после его смерти, последовавшей в 1038 г., он был канонизирован.

Так в чем же дело? Венгр, христианин, землевладелец, аристократ, живший, скажем, в 1020 г., вел свое происхождение от деда, который был язычником-мародером, и прапрапрадедов, которые были неграмотными кочевни-

ками. У венгров отсутствовали глубокие корни и законные претензии на занимаемые ими земли, и поэтому они обратились к прошлому, к истории народа и вождя, чьи успехи затмевали их собственные достижения.

Очень скоро в песнях и сказках начали фигурировать три главных героя: Аттила, Арпад и Штефан. Между Штефаном и Арпадом временной отрезок составлял всего сто лет, и эта преемственность прослеживалась довольно легко. Но между Арпадом и Аттилой лежала пропасть в четыреста лет и тысяча миль пути, не оставившего никаких письменных сведений. В то же время этот пробел был настоящим подарком для поэтов, которые быстро заполнили его историями со следующей сюжетной линией.

Когда Аттила умер, у него осталось два сына. Первый, Денгизих, пал в бою. Второй, Эрнак, стал известен как Ксаба или Хаба (что означает «пастух» — имеется в виду, своего народа). Он был сыном Гонории, римской царевны (на которой Аттила женился каким-то непостижимым образом). Хаба вернулся в Азию, оставив 3000 воинов, секлеров, в качестве пограничных стражников. Хаба молился, чтобы, где бы его люди ни попали в беду, сама природа сказала бы ему об этом, дабы он вернулся и защитил их. Дважды он возвращался и спасал их. Прошли годы, и Хаба умер. У секлеров появились могущественные враги, угрожавшие им. Хаба вернулся в последний раз, ведя свою армию по звездному небу, и рассеял врагов. Путь этой сияющей, неземной армии стал дорогой небес. Венгры называют Млечный Путь «Путь Душ» и помнят Хабу и его героического отца Аттилу. Поколения потомков Хабы и стали звеном, связывающим гуннов с мадьярами: Угек, Элэд и затем Алмош, которому посвящен отдельный цикл легенд, поскольку именно он, подобно Моисею, привел свой народ обратно к Карпатам, где и умер, а его преемником стал Арпад. Мадьяры вновь оказались на родине и заключили союз с секлерами, твердо стоявшими на страже границ. Потомки секлеров сегодня составляют мно-

гочисленное венгерское меньшинство в центральной Румынии, и они считают, что ведут свое происхождение от Аттилы.

Эти изложенные в стихах легенды пели языческие барды, которым не было места среди христианского народа, имевшего прослойку образованных монахов. Когда устная традиция умерла, ее место заняла традиция письменная, заимствовавшая у нее старые истории и сохранившая ее националистический дух. В «Gesta Hungarorum» неназванный монах-бенедиктинец повторяет утверждение, будто Арпад является прямым потомком Аттилы, а вторжение мадьяр на Венгерскую равнину было не чем иным, как возвращением на родину¹. Вскоре после того, как была написана «Gesta Hungarorum», гунны были развенчаны на короткий период времени в качестве героев, потому что венгры сравнивали их с монголами, опустошившими Венгрию в 1241—1242 гг. Репутация Аттилы была восстановлена летописцем по имени Симон Кезаи, который изобразил своего героя в окружении несметных богатств — даже его конюшни были отделаны пурпурным бархатом. После этого Аттила оставался предком и одновременно царем-героем. Считалось даже, будто меч Аттилы, Меч Марса, находился во владении венгерских королей, пока не был передан в 1063 г. некому немецкому герцогу, который отдал его своему императору Генриху IV, который...

Итак, легенды уводят нас все дальше и дальше, пока мы не машем рукой и не останавливаемся. К концу XV века Аттила стал предком не только Арпада и Штефана, но и их преемника, величайшего из венгерских правителей Маттиаса Корвина, чьи придворные называли его «вторым Аттилой» за восстановление могущества Венгрии благодаря жесткому централизованному правлению. Маттиасу очень льстило это сравнение. Его придворный ис-

¹ Этот раздел основывается на трудах Боймла и Бирнбаума, Тьерри, Кордта и Дайма и др. (*Прим. пер.*)

торик, итальянец Антонио Бонфини, изображал Аттилу как истинного римлянина, провозвестника Ренессанса, сочиняя для него торжественные речи по случаю гибели Бледы и битвы на Каталаунских полях. Однако сравнение с Аттилой не всегда бывало лестным. Один из критиков Маттиаса, итальянский аристократ Каллимах, питавший симпатии к польской монархии, видел в нем угрозу миру в Европе и подверг нападкам Маттиаса-Аттилу в биографии царя гуннов, представив венгерского монарха в виде вероломного тирана, охочего до чужих земель. Но даже он не отрицал, что Аттила был венгром в душе — этот миф очень устраивал венгерскую аристократию и короля. В XVIII веке Эстерхази — князь Священной Римской империи, покровители Гайдна, владельцы замка, известного, как венгерский Версаль, — считали, что ведут свое происхождение непосредственно от Аттилы.

Ввиду этого неудивительно, что сегодня венгры относятся к Аттиле совсем не так, как жители Западной Европы. В конечном счете, Аттила был в большей степени грабителем, нежели императором, но он делал то, что делали бы на его месте большинство правителей того времени, имея они такие возможности. Только победа предоставляет время, необходимое для формирования добродетелей, а Аттила не добился решающих успехов. Он мог бы создать империю от Атлантики до Каспийского моря. Он мог бы подчинить своей воле Рим и Константинополь и изменить ход истории. Если бы его когда-нибудь посетило подобное видение, он не заострил бы на нем внимание, не говоря уже о попытке воплотить его в жизнь, потому что он не управлял своей натурой — она управляла им и в конце концов привела его к закономерному финалу. Его наследие — это его имя, его образ и его загадка.

СОДЕРЖАНИЕ

Выражение признательности	5
Введение: зверь, загнанный в угол	7
Часть I: УГРОЗА	15
1 Гроза перед бурей	17
2 Из глубин Азии.	35
3 Возвращение конного лучника	85
Часть II: СОПЕРНИКИ	111
4 Хаос на континенте	113
5 Первые шаги на пути создания империи.	130
6 При дворе короля Аттилы	167
7 Варвар и царевна.	199
Часть III: СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ	215
8 Битва на Каталаунских полях	217
9 Слишком далекий город.	250
10 Внезапная смерть, тайная могила	265
11 Следы тех, кто исчез	279
12 Жизнь после смерти: добро, зло и отвратительный гунн	293

АТТИЛА

В настоящей книге я предпринял попытку рассказать о возвышении Аттилы, кратком миге его славы и неожиданном конце, а также объяснить, почему он оставил столь заметный след в истории.

Аттила был одним из самых уникальных исторических персонажей. Никогда прежде не подвергалась Европа столь сильному натиску со стороны кочевых племен. Никогда прежде не исходила такая угроза от одного-единственного вождя, к тому же пользовавшегося неподдельным восхищением своего народа и обладавшего даром превращать врагов в союзников. Никто не мог сравниться с ним вплоть до возвышения выдающегося стратега и строителя великой империи Чингисхана спустя 750 лет.

Аттила до сих пор ассоциируется не только с грабежом и мародерством, но и с особым типом личности. Его влияние следует искать не в практических достижениях, а в том полете воображения, который вызывает имя Аттилы. Он разорвал узы исторического факта и вошел в легенду:

Джон Мэн

